

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

В.Е.Петровский

Россия, Китай
и контуры
«Большого евразийского
партнерства»

Москва
ИДВ РАН
2018

УДК 327(470+510)
ББК 66.4(2Рос)(5Кит)
П32

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Ответственный редактор:
доктор экономических наук *В.Я. Портяков*

Рецензенты:
д.э.н. *В.Я. Портяков*, к.э.н. *Е.И. Сафронова*

Петровский В.Е.

П32 Россия, Китай и контуры «Большого евразийского партнерства»: монография / В.Е. Петровский. — М. : ИДВ РАН, 2018. — 216 с.

ISBN 978-5-8381-0342-0

Монография посвящена теоретическим и практическим аспектам формирования Большого евразийского партнерства (БЕП), которое создается на базе евразийской экономической интеграции в рамках ЕАЭС и китайской Инициативы Пояса и Пути (ИПП).

Формирующееся партнерство представлено как совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых интеграционных контуров в сфере региональной экономической интеграции, сопряжения ЕАЭС и ИПП, приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества и формирования системы комплексной региональной безопасности в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Книга адресована профессиональным ученым-китаеведам, политологам-международникам и экономистам, преподавателям и студентам высших учебных заведений, а также более широкому кругу читателей.

Ключевые слова: Большое евразийское партнерство, Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Инициатива Пояса и Пути, Экономический пояс Шелкового пути, региональная безопасность, частные военные и охранные компании.

**УДК 327(470+510)
ББК 66.4(2Рос)(5Кит)**

ISBN 978-5-8381-0342-0

© Петровский В.Е., 2018
© ИДВ РАН, 2018

Оглавление

Введение	5
Глава 1. КОНТУР ТРАНСРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АТР	8
1.1. БЕП: контуры сопряжения и интеграции	8
1.2. Дилеммы региональной интеграции в Евразии и АТР	25
Глава 2. КОНТУР СОПРЯЖЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ИНИЦИАТИВЫ ПОЯСА И ПУТИ ...	41
2.1. Проблемы и перспективы сопряжения евразийской экономической интеграции и Инициативы Пояса и Пути	41
2.2. ШОС как институциональная основа сопряжения ЕАЭС и ИПП	51
2.3. Финансово-экономическое сотрудничество в рамках ШОС. Взгляд из России, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана	59
Глава 3. КОНТУР ПРИГРАНИЧНОГО И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	115
3.1. Проблемы и перспективы приграничного и межрегионального сотрудничества России со странами СВА	115
3.2. О стратегическом планировании приграничных и межрегиональных отношений	134
3.3. О регулировании иностранных инвестиций и строительстве «зеленой экономики» на российском Дальнем Востоке	139

Глава 4. БЕП: КОНТУР ТРАНСРЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	172
4.1. Концептуальные основы комплексной безопасности в Евразии	172
4.2. БЕП и трансрегиональная безопасность в Евразии и АТР	186
Заключение	210
Summary	212
Abstract	214
Об авторе	215

Введение

За последние годы структура отношений безопасности и сотрудничества в Евразии претерпевает фундаментальные изменения в связи с окончанием холодной войны и ростом экономической интеграции, что обусловило необходимость выработки новой модели отношений на основе принципов взаимного доверия, национального суверенитета и многостороннего сотрудничества.

Образец этой модели — предложенная российским президентом Владимиром Путиным идея Большого евразийского партнерства (БЕП), призванная гармонизировать различные региональные экономические форматы на основе принципов транспарентности и взаимной выгоды.

Концептуализация идеи БЕП является важнейшей научно-исследовательской задачей. Автор попытался внести вклад в ее реализацию, опираясь на представление В.В. Путина о БЕП как о потенциальном широком интеграционном контуре в Евразии*. Идея интеграционных контуров помогла определить видение Большого Евразийского партнерства как совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых интеграционных контуров в сфере региональной экономической интеграции и сотрудничества, сопряжения процессов евразийской экономической интеграции и предложенной Китаем Инициативы Пояса и Пути (ИПП), приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества и формирования системы комплексной трансрегиональной безопасности в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

При этом автор, не будучи экономистом и не претендуя на комплексный анализ всех процессов межблоковых коммуникаций в Ев-

* URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53151>

разии и АТР с актуальным и потенциальным участием стран-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), АСЕАН и пр., сосредоточился на процессе формирования БЕП в контексте российско-китайских отношений, что определило структуру работы.

Первая глава посвящена концептуализации БЕП и перспективам его формирования в контексте российско-китайского стратегического партнерства и всеобъемлющего взаимодействия, которые рассматриваются на фоне интеграционных процессов в АТР. Последние в свою очередь связаны с формированием основных механизмов многосторонних интеграционных процессов в сфере экономики и торговли, включая Азиатско-Тихоокеанскую зону свободной торговли (АТЗСТ), Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), а также продвигавшийся США проект Транстихоокеанского партнерства (ТТП).

Во второй главе рассматривается основной содержательный компонент создания БЕП, связанный с процессом сопряжения евразийской экономической интеграции в рамках ЕАЭС и китайской ИПП. В этой связи особое внимание уделяется ШОС как наиболее перспективной и оптимальной институциональной основе сопряжения ЕАЭС и ИПП. Отдельно рассматриваются проблемы и перспективы инвестиционно-финансового сотрудничества в рамках ШОС на основе анализа взглядов и подходов, существующих в России, Казахстане, Узбекистане, Киргизии и Таджикистане.

Третий контур формирования БЕП — процессы развития приграничного и межрегионального сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии (СВА), включая КНР, Японию, КНДР и Республику Корея. Следуя избранному им концептуальному подходу, автор уделяет особое внимание развитию российско-китайских приграничных и межрегиональных отношений, исходя из необходимости внедрения алгоритмов стратегического планирования в эту (как и во все остальные) сферу отношений между РФ и КНР. Приграничное и межрегиональное сотрудничество со странами СВА рассматривается в контексте регулирования иностранных инвестиций и строительства «зеленой экономики» на российском Дальнем Востоке.

Контур трансрегиональной безопасности в Евразии и АТР — необходимое и условие и предпосылка для формирования остальных контуров интеграции и сотрудничества в рамках БЕП. На основе концептуального анализа основных компонентов комплексной безопасности в Евразии, включая необходимость обеспечения национальной безопасности и безопасности личности, а также человеческого развития и прав человека, четвертая глава монографии предлагает рассмотрение вариантов обеспечения комплексной безопасности в рамках БЕП с учетом опыта и возможностей ШОС, а также частных военных и охранных компаний.

В настоящей работе автор использовал выводы и материалы ранее проводившихся им исследований по проблемам российско-китайских отношений, региональной безопасности и сотрудничества в СВА и АТР, безопасности личности и человеческого развития и пр.

Глава 1

КОНТУР ТРАНСРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В АТР

1.1. БЕП: контуры сопряжения и интеграции

Концепция «Большого евразийского партнерства» (далее — БЕП), вызвавшая неподдельный интерес не только в России, но и в Китае, становится предметом дискуссий и исследований в научной и экспертной среде. Ее концептуализация и научное обоснование происходят на фоне осмысления более общих геоэкономических и геополитических представлений, связанных с развитием и обустройством Большой Евразии.

Как отмечает, например, Г. Дизен, новая российская концепция евразийства «должна отмежеваться от прежних представлений, связанных с отсталой милитаризованной геополитикой и имперским перенапряжением сил. Новая геоэкономическая концепция евразийства должна быть нацелена на осуществление избирательной евразийской интеграции, чтобы сделать Россию главной движущей силой модернизации и глобализации. Главное отличие пересмотренной концепции евразийства должно заключаться в признании того, что у России нет ни возможностей, ни намерения господствовать на евразийском континенте. Создание жизнеспособных партнерств с евразийскими державами критически важно для реализации проекта сбалансированной и функциональной Большой Евразии»¹.

Стратегическое партнерство между Китаем и Россией необходимо для любого формата Большой Евразии, так как этот тандем

включает крупнейшего в мире производителя энергоносителей и крупнейшего их потребителя, лидера мировой торговли и континентальную державу, способную выступать в качестве связующего моста между разными частями континента. В последние годы Китай и Россия стали главными противниками однополярного мира, наращивая свои золотовалютные резервы, внедряя использование региональных валют и создавая новые финансовые и экономические институты, такие как БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Евразийский экономический союз (ЕЭС)².

Для России и Китая потенциальная нестабильность в Центральной Евразии представляет собой своего рода «идеальный общий вызов», ответ на который возможен только через рациональную игру с позитивной суммой. Во-первых, вероятность того, что в странах региона произойдет социальный и политический взрыв, реальна. В отличие от Восточной Европы, где внутренний конфликт стал в первую очередь производным от соперничества внешних сил, в регионе преобладают именно внутренние факторы напряженности — неустоявшиеся государственные институты, бедность, религиозный радикализм.

Во-вторых, важную роль играет географическая близость потенциально взрывоопасного региона для обеих великих держав. В-третьих, Россия и Китай одинаково заинтересованы в удалении внешних игроков, безотносительно к их происхождению. Для большинства внешних нерегionalных игроков развитие событий в центре Евразии представляет интерес исключительно в международно-политическом контексте и не является вопросом национальной безопасности. Поэтому их воздействие на ситуацию будет в большинстве своем иметь дестабилизирующий характер. В-четвертых, Россия и Китай могут предложить странам своей периферии достаточно разнообразные форматы взаимодействия по их внутренней стабилизации³.

БЕП имеет глубокие исторические корни. В концептуальном плане он берет отсчет со времен острейших политических баталий между славянофилами и западниками. Суть споров, отголоски которых слышны до сих пор, сводились к выбору пути развития. Речь тогда, как и теперь, шла о том, следовать ли в фарватере западной ци-

визации или делать ставку на собственный, специфический, самостоятельный путь развития. Есть ли универсальные рецепты, которым надо следовать, или исходить из того, что каждое общество должно выстрадать те или иные социально-политические решения, убедиться в их правильности и приемлемости⁴.

Как известно, идея создания Большого евразийского партнерства была сформулирована 3 декабря 2015 г., когда В.В. Путин в Послании Президента Федеральному собранию выдвинул инициативу о начале консультаций по формированию экономического партнерства между государствами — членами ЕАЭС, АСЕАН и ШОС и государствами, которые присоединяются к ШОС. На протяжении 2016 г. концепция неоднократно обсуждалась на различных многосторонних дискуссиях и в экспертной среде, став, по сути, флагманской российской инициативой по развитию евразийской интеграции⁵.

Важно понять геоэкономическую подоплеку возникновения идеи БЕП, рациональные мотивы, которыми можно обосновать ее целесообразность. Как представляется, наиболее существенным из них является объективная оценка возможностей евразийской экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Так, на фоне грандиозных сдвигов в глобальных интеграционных и торгово-экономических процессах некоторым отечественным экспертам развитие ЕАЭС представляется отстающим от них. Они констатируют, что Евразийский экономический союз сегодня с его ВВП в 2,2 трлн долл., составляющим 3,2 % от мирового, не представляет собой самодостаточный рынок, и любые попытки построить «крепость Евразия» самоубийственны. Выходом из сложившегося положения им видится активизация переговорного процесса на двух треках — восточном и западном⁶.

Показательно, что такой подход разделяют как «либералы-рыночники», так и «дирижисты». Компенсировать относительно небольшой вес ЕАЭС в мировой экономике, полагают они, возможно только в рамках внешнего контура евразийской интеграции, выстраивая преференциальные режимы торгово-экономического сотрудничества с быстро растущими странами Евразии — Китаем, Индией, странами Индокитая, Ближнего и Среднего Востока. Реа-

лизация инициативы глав России и Китая по сопряжению двух трансконтинентальных интеграционных инициатив — ЕАЭС и Шелкового пути — открывает возможности для устойчивого экономического развития Евразии. Эти инициативы могут органично сочетаться, дополняя и приумножая интеграционный эффект каждой из них. В этом сценарии, прогнозирует, например, С. Глазьев, темпы роста российской экономики достигают максимальных значений — до 10 % ежегодного прироста ВВП и 20 % прироста инвестиций⁷.

Еще один существенный и весьма рациональный мотив выдвижения идеи БЕП — обеспокоенность России падением авторитета Всемирной торговой организации (ВТО) и созданием «закрытых» региональных торговых объединений. В ответ на этот вызов выдвигается тезис гармонизации различных региональных экономических форматов при строгом соблюдении принципов равенства и открытости — именно поэтому в качестве положительного опыта В.В. Путин назвал деятельность ЕАЭС и переговоры о его сопряжении с китайским проектом ЭПШП, которые в перспективе могут способствовать созданию Большого евразийского партнерства, открытого для взаимодействия со всеми заинтересованными государствами и интеграционными союзами⁸.

Владимир Путин, впервые выдвинув в Послании Федеральному Собранию РФ в декабре 2015 г. идею БЕП, особо подчеркнул, что это партнерство должно строиться на принципах равноправия и учета взаимных интересов⁹. Развивая эту идею в выступлении на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (ПФЭФ) в июне 2016 г., он отметил:

«Мы с нашими партнерами считаем, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура... Мы могли бы опереться на целую сеть двусторонних и многосторонних торговых соглашений с разной глубиной, скоростью и уровнем взаимодействия, открытостью рынка, в зависимости от готовности той или иной национальной экономики к такой совместной работе, на договоренностях о совместных проектах в области науки, образования, высоких технологий¹⁰.

Возвращаясь к идее БЕП на итоговой пленарной сессии XIII ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2016 г., Владимир Путин вновь подчеркнул: «Россия выступает за гармонизацию региональных экономических форматов на основе принципов прозрачности и уважения интересов друг друга. Именно так мы выстраиваем деятельность Евразийского экономического союза, ведем переговоры с нашими партнерами, в том числе о сопряжении с реализуемым Китаем проектом «Экономического пояса Шелкового пути». Рассчитываем, что это позволит создать большое Евразийское партнерство... Для воплощения этой идеи уже начаты переговоры в формате «пять плюс один» по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между всеми участниками этого процесса»¹¹.

О необходимости создания Большого евразийского партнерства между ЕАЭС и другими странами, включая Китай, Индию, Иран, Пакистан и партнеров по СНГ, российский президент и другие российские представители говорили и на Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре 2016 г. При этом выявилась еще одна существенная особенность будущего БЕП — его инклюзивный характер.

Большое евразийское партнерство не будет противопоставлением со стороны России Транстихоокеанскому* и Трансатлантическому партнерствам, заявил в этой связи на полях Восточного экономического форума первый вице-премьер РФ Игорь Шувалов. «Мы внимательно изучили документ о ТТП и смотрим, что мы можем для себя адаптировать, выстраивая отношения в Евразии... Если раньше этот формат звучал как “Европа от Владивостока до Лиссабона”, то теперь он включает и Вьетнам, и Сингапур, и новый формат взаимодействия с Индонезией, это и Иран, Пакистан, Индия, Китай. Скорее всего, эта работа будет разноскоростная, разноуровневая интеграция. Главное — договориться не по тарифам — хотя для многих

* Даже после того, как президент США Д. Трамп официально отказался от Транстихоокеанского партнерства (ТТП), на этом проекте рано ставить крест — страны, подписавшие Соглашение о ТПП, продолжают многосторонние консультации, к которым недавно впервые присоединился Китай.

стран это вопрос номер один, а договориться о том, чтобы торговая среда была безбарьерная», — сказал первый вице-премьер¹².

В настоящее время процесс сопряжения интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и ЭПШП является наиболее важным содержательным компонентом процесса формирования БЕП, который, по сути, уже начался. Первый вектор — это заключение всеобъемлющего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем. 25 июня 2016 г. ЕЭК и Министерство коммерции КНР подписали совместное заявление о запуске переговорного процесса по соглашению.

Как заявил председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Тигран Саркисян, переговорный процесс между сторонами идет интенсивными темпами. После согласования общих подходов к сопряжению ЕАЭС с ЭПШП в августе 2016 г. в Пекине состоялся первый раунд переговоров. Соответствующие встречи проходят раз в два месяца. Они организуются на уровне рабочей группы, которой руководит министр по торговле ЕЭК Вероника Никишина¹³. Очередная встреча была проведена 4 октября 2016 г.¹⁴

На первом этапе рассматривается заключение неpreferенциального соглашения, которое будет охватывать ряд сфер, не только упрощение торговли и регуляторную область, с перспективой выхода на preferенциальное соглашение. Его основные разделы включают таможенное, техническое, санитарное, ветеринарное и фитосанитарное регулирование, защиту интеллектуальной собственности и конкуренции и электронную торговлю. Стороны также планируют создать «институты комплексного взаимодействия». В сельском хозяйстве, промышленности, энергетике, транспорте и коммуникациях и инфраструктуре должны появиться «общие форматы по проектам общего интереса»¹⁵.

Российская сторона предлагает, помимо ведения переговоров по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве, на которых должны обсуждаться вопросы, находящиеся в ведении ЕЭК, запустить еще один трек переговоров по мерам нетарифного регулирования. Полномочия обсуждения этих вопросов не делегированы ЕЭК правительствами государств-членов ЕАЭС, но соответствующие пе-

реговоры могли бы вестись в соответствии с Протоколом о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (приложение № 7 к Договору о Евразийском экономическом союзе)¹⁶.

Согласно заявлению министра ЕЭК по торговле В.О. Никишиной, заключение неpreferенциального соглашения с Китаем возможно уже в краткосрочной перспективе (2 года)¹⁷. Оно не будет подменять двустороннее взаимодействие государств-членов с КНР. При этом Россия готова также проводить в рамках подготовки соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве переговоры по принятию мер тарифного регулирования, которые должны завершиться созданием зоны свободной торговли (ЗСТ), полагая, что этот процесс может быть завершен к 2030—2035 гг.

Второй вектор взаимодействия ЕАЭС и Китая — формирование «дорожной карты», включающей конкретные проекты и мероприятия по сопряжению экономических интересов экономик ЕАЭС с Китаем. Главным источником дорожной карты станут средне- и долгосрочные планы экономического развития государств, участвующих в инициативе.

24 августа 2016 г. на встрече председателя Коллегии ЕЭК Т.С. Саркисяна с вице-премьером Госсовета КНР Чжан Гаоли также была одобрена инициатива китайской стороны относительно создания общего банка данных по проектам. Речь идет о проектах, которые уже начаты, реализуются, а также которые запланированы к реализации КНР и странами ШОС, и которые участвуют в процессе сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Работа над созданием банка данных уже началась¹⁸.

Инициатива по созданию Большого евразийского партнерства уже получила политическую поддержку со стороны Китая. «Китайская сторона считает эту инициативу позитивной и конструктивной идеей и приветствует ее», — заявил в августе 2016 г. директор департамента Европы и Центральной Азии МИД Китая Гуй Цуньюй.

Он добавил, что Китай и Россия будут прилагать совместные усилия для изучения вопроса по продвижению данной инициативы. По его словам, МИД и экономические ведомства Китая проводят тесные контакты для выработки конкретных мер с целью реализации договоренностей, достигнутых между главами наших стран по

созданию Большого евразийского партнерства. «Уверен, что Китай, страны АСЕАН и другие евразийские страны поддержат инициативу и будут способствовать ее продвижению», — подчеркнул директор департамента китайского внешнеполитического ведомства¹⁹.

Не менее важен и диалог представителей экспертного сообщества России и Китая по осмыслению и научному обоснованию БЕП. Китайские ученые и эксперты в целом положительно относятся к данной инициативе, видя в ней большие возможности для развития и обустройства Большой Евразии. Так, проф. Фэн Юйцзюнь пишет: «В Евразии существуют разные механизмы регионального экономического сотрудничества и интеграционные инициативы. Все они обладают своими преимуществами и должны являться взаимодополняющими, а не находиться в конфликте между собой. Любая интеграционная инициатива не должна быть замкнутой. В результате Центральная Евразия должна стать мостом, соединяющим ЕС с АТР, а тесное сотрудничество между Европой, Центральной Евразией и АТР придаст новый импульс мировой экономике»²⁰.

Более того, китайские ученые в сотрудничестве со своими российскими коллегами приступили к углубленному и упорядоченному анализу интересов, рисков и возможностей взаимодействия КНР и РФ в данной сфере. Например, И. Тимофеев и Е. Алексеенкова так определяют интересы России в Евразии:

- увеличение числа дружественных или нейтральных сил, концентрация на решении тех проблем, которые не могут быть решены дипломатическим путем, в коалиции с максимально возможным числом участников;
- противодействие хаотизации евразийского макрорегиона, увеличению числа горячих точек, кризисных зон, слабых государств. Именно они служат питательной средой для террористов и экстремистов всех мастей, расшатывают систему региональной безопасности;
- активная роль в проектах экономической и гуманитарной интеграции, снижении или ликвидации барьеров в движении капиталов, товаров, рабочей силы, подключение к масштабным инфраструктурным проектам, использованию транзитного потенциала страны;

- стремление избежать углубления существующих и создания новых расколов на пространстве Евразии, выстраивание механизмов решения общих проблем;
- закрепление за страной роли равноправного, конструктивного и созидательного партнера²¹.

К числу сильных сторон России в Евразии можно отнести:

- преимущества географического положения. Россия имеет сухопутный или морской выход на большинство ключевых точек Евразийского континента. Данное преимущество усиливается транспортной и инфраструктурной связностью этого огромного пространства в пределах одной страны;
- масштаб российской экономики, возможность выступать привлекательным рынком, а также вносить заметный вклад в региональные экономические и инфраструктурные проекты;
- возможность внести весомый вклад в безопасность экономических проектов и региона в целом. Россия обладает достаточно мощными и мобильными вооруженными силами, способными оперативно реагировать на кризисные ситуации, оказывать помощь своим партнерам и союзникам²².

К недостаткам и рискам России в Евразии данная группа исследователей относит следующие:

- сложности экономического развития, слабо диверсифицированная экономика, ослабевшая технологическая база. Российской экономической системе не хватает гибкости, в ней растет доля государственного сектора. Недостаточная производительность труда накладывается на демографические проблемы — низкий прирост населения, старение населения, высокую смертность;
- региональные демографические диспропорции. Население России распределено крайне неравномерно. Основная его масса сосредоточена в западной части. Возможности Сибири и Дальнего Востока осваиваются слабо, в том числе из-за недостатка человеческих ресурсов. В плане сокращения населения эти части России остаются наиболее уязвимыми;
- рост конкуренции с коллективным Западом, особенно обострившийся на фоне украинского кризиса. Конкуренция требует отвлечения ресурсов на военные нужды, лишает возможностей парт-

нерства в решении общих проблем, создает зоны нестабильности, которые в будущем также будут отвлекать на себя немалые ресурсы²³.

В числе ключевых рисков для России в Евразии:

- возможное обострение региональных конфликтов (Афганистан, страны Центральной Азии, дестабилизация на Кавказе в результате усиления позиций исламистов, возможность обострения замороженных конфликтов в регионе, в частности, между Арменией и Азербайджаном);

- успех ЭПШП, его экономическая отдача даже в долгосрочной перспективе неочевидны, аналогичный риск следует иметь в виду и в отношении ЕАЭС;

- соблазн политизации экономических проектов, особенно в случае их экономической убыточности. Наша страна может быть поставлена перед сложным выбором — либо затраты, либо маргинализация в региональных инициативах;

- риск того, что новые, созданные в рамках ЕАЭС нормы и правила экономической деятельности войдут в противоречие с теми, которые уже успешно функционировали до этого в двустороннем формате, или отменят их вовсе²⁴.

В свою очередь интересы Китая в Евразии формулируются следующим образом:

- обеспечение приграничной безопасности. Общие границы Китая с Россией, Монголией и со странами Центральной Азии составляют 4300 км, 4700 км и 3300 км соответственно;

- обеспечение благоприятной внешней среды для проведения политики реформ и открытости в стране. Поэтому для Пекина является важным предотвращение появления стратегических угроз и военно-политических блоков в данном регионе, направленных против Китая;

- обеспечение энергетической безопасности путем стабильных и надежных поставок энергоносителей из региона;

- интересы КНР заключаются в том, чтобы вместе с партнерами полностью воспользоваться преимуществами экономической взаимодополняемости экономики Китая с евразийскими странами. Для этого необходимо использовать форматы ЭПШП и ШОС;

- Китай заинтересован в продолжении институционального строительства ШОС, превращении ее в организацию, которая сможет внести еще больший вклад в обеспечение евразийской безопасности и развитие экономики Евразии²⁵.

Сильные стороны Китая в Евразии видятся китайским исследователями так:

- между Китаем и странами Евразии не наблюдается существенных противоречий и разногласий. Пекин, придерживаясь самостоятельной и независимой внешней политики, активно развивает конструктивные отношения стратегического партнерства со всеми евразийскими странами;

- КНР не только интенсивно развивает торговые отношения со странами Евразии, но и осуществляет более активную инвестиционную деятельность. На нынешнем этапе Китай уже стал первым торговым партнером России, Казахстана и Туркменистана, вторым торговым партнером Узбекистана и Кыргызстана, а также третьим торговым партнером Таджикистана;

- концепция ЭПШП находит многочисленные точки соприкосновения со стратегиями экономического развития евразийских стран. Сотрудничество с Китаем будет способствовать модернизации и диверсификации хозяйственных комплексов, а также их интеграции в глобальную экономику;

- концепция ЭПШП является не интеграционным проектом исключающего характера, а проектом сотрудничества открытого типа. ЭПШП не исключает уже существующие механизмы регионального сотрудничества, такие, как ЕАЭС или американский проект «Новый Шелковый путь»;

- такие финансовые структуры, как Азиатский банк инфраструктуры и Фонд Шелкового пути, созданные по инициативе Китая, могли бы послужить надежным финансовым гарантом для экономического сотрудничества в Евразии;

- «шанхайский дух» служит важной основой «мягкой силы» для расширения всестороннего стратегического взаимодействия Китая с евразийскими странами. Такие принципы, как взаимодоверие, взаимная выгода, равноправие, консультации, уважение цивилизационного многообразия, поиск совместного развития являются осно-

вой системы ценностей ШОС и ключевой концепцией внешней политики Китая в Евразии²⁶.

Слабые стороны Китая в Евразии заключаются в следующем:

- на нынешнем этапе ЭПШП продвигается главным образом через отдельные проекты. При этом еще не созданы единые согласованные правила игры для участников. В отличие от ЕС, ЕАЭС и других региональных интеграционных процессов ЭПШП является инициативой экономического сотрудничества, где отсутствуют четкие торговые, инвестиционные, технологические и экологические стандарты и правила. Поэтому процесс сотрудничества в рамках ЭПШП будет во многом зависеть от двусторонних консультаций и консенсуса, а не от многостороннего институционального регулирования;

- ЭПШП развивается в основном усилиями правительств с участием главным образом госпредприятий. В концепции ЭПШП рыночный механизм и участие частного международного капитала пока не играют заметной роли;

- основная установка программы ЭПШП — совместное строительство, использование совместных результатов, совместный выигрыш. Но эти цели пока не подкреплены конкретными механизмами реализации. На нынешнем этапе многие страны-участники программы ЭПШП стремятся получить китайские инвестиции и технологии, но не обеспокоены вопросами обеспечения китайским предприятиям нормы доходности, предоставления им рыночных условий для справедливой конкуренции и ведения бизнеса;

- несмотря на то, что ЭПШП не противоречит ныне существующим механизмам экономического сотрудничества, все еще не начата практическая работа по его сопряжению с такими механизмами, как ЕАЭС (инициатива РФ), «Новый Шелковый путь» США, Транспортный коридор на южном Кавказе, План Восточного партнерства (инициативы ЕС) и Союз тюркоязычных стран;

- влияние Китая в Евразии в основном основывается на достижениях в экономической сфере. Отсутствует существенное влияние КНР на региональную безопасность, однако терроризм, экстремизм и региональные конфликты непременно будут представлять реальную серьезную угрозу для интересов Китая в Евразии²⁷.

Исходя из этого, для Китая в Евразии открываются следующие возможности:

- экономическая глобализация и региональная экономическая интеграция входят в новую стадию, увеличиваются возможности расширения сотрудничества между Европой, Центральной Евразией и Восточной Азией;

- отношение евразийских стран к ЭПШП становится все более позитивным. Китай и Россия уже подписали «Соглашение по сопряжению строительства ЭПШП и ЕАЭС», стартовал процесс расширения ШОС, непрерывно укрепляется сотрудничество между Китаем, Средней и Восточной Европой;

- евразийские страны извлекли реальную пользу из двустороннего и многостороннего взаимодействия в рамках ШОС, что послужит хорошей основой для дальнейшего сотрудничества. Вместе с функционированием таких новых финансовых организаций, как Фонд Шелкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Банк развития БРИКС, евразийское геоэкономическое сотрудничество получит новый импульс для развития.

Риски Китая в Евразии видятся следующим образом:

- строительство инфраструктуры на евразийских пространствах требует больших объемов капиталовложений и отличается долгосрочностью. Это означает, что экономический эффект будет достигнут не скоро, а риски для инвестиций будут высоки;

- в евразийских странах существуют разного рода опасения относительно угрозы «китайской экономической экспансии». По мере изменения политической конъюнктуры разных стран такие опасения могут быть использованы различными силами во внутриполитической борьбе;

- в евразийском регионе наблюдаются высокие геополитические риски. Одновременно существуют такие проблемы, как межгосударственные разногласия, региональные конфликты, терроризм, экстремизм, что создает большую угрозу евразийскому экономическому сотрудничеству и государственным интересам Китая;

- в Евразии для защиты своих грандиозных капиталовложений у Китая отсутствуют как собственное военное присутствие, так и эф-

фективные механизмы сотрудничества в сфере безопасности с крупными игроками²⁸.

Сопоставительный анализ вызовов, рисков и возможностей для России и Китая в Евразии приводит к важному выводу: российские и китайские инициативы в Центральной Евразии не рассматриваются как взаимоисключающие и закрытые, поскольку их содержание не предполагает выбора одного из двух институционально-правовых форматов.

Так, по мнению экспертов Международного дискуссионного клуба «Валдай», деятельность Евразийского союза направлена на развитие экономик стран-членов, с использованием таких инструментов, как создание наиболее благоприятных условий для ведения бизнеса, включая инвестиционную и другие виды деятельности, а также создание на его территории пространства четырех свобод передвижения: товаров, людей, капиталов и услуг. Китайская инициатива содержит в себе в первую очередь открытое для всех масштабное инвестиционное предложение. В результате оба рассматриваемых формата гармонично дополняют друг друга²⁹.

Важнейшим институтом международного сотрудничества на евразийском пространстве является ШОС, имеющая серьезный потенциал для превращения в основную площадку взаимодействия по линии Китай (ЭПШП) — ЕАЭС, ШОС при энергичном развитии может стать центральным институтом потенциального проекта создания сообщества Большой Евразии. Развитие и институционализация ШОС может создать зонтичную организацию для Большого Евразийского сообщества³⁰.

Ли Синь и другие китайские исследователи отмечают, что географическое пространство ШОС охватывает все страны-члены ЕАЭС, которые являются важными экономическими субъектами, расположенными вдоль ЭПШП, в рамках шести экономических коридоров, зафиксированных в документе «Видение и действия, направленных на продвижение совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века». В реализации состыковки ЭПШП и ЕАЭС ШОС должна играть роль важнейшей площадки, тем более, что цели, принципы и содержание строительства ЭПШП, изложенные в упомянутом выше документе, совпа-

дают с интересами регионального экономического сотрудничества в рамках ШОС³¹.

Существенный довод в пользу практической направленности и стратегического характера БЕП, включающего в себя состыковку ЕАЭС и ЭПШП — уже выработанные среднесрочные прогнозы реализации этого процесса. Ли Синь выделяет в этой связи следующие этапы:

1. Запуск в августе 2016 г. переговорного процесса между Китаем и Евразийским экономическим Союзом по сопряжению строительства ЭПШП и ЕАЭС. На этом этапе делается акцент на создании мягкой регулятивной среды. Это правила, надзор, стандарты и так далее. Продолжается содействие региональному экономическому сотрудничеству в рамках ШОС, увеличению объема торговли, упрощению торговли и инвестиций.

2. Примерно в 2030 г. зона свободной торговли в рамках ШОС превращается во Всеобъемлющее экономическое партнерство на базе интеграции ЕАЭС, ШОС и БРИКС.

3. На основе интеграции всеобъемлющего экономического партнерства со странами АСЕАН или создаваемого Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) примерно в 2040 г. будет образовано Большое Евразийское партнерство. В рамках этого пространства планируется сформировать системы полной свободы торговли, обеспечить свободное движение капиталов, создание общего финансового и единого энергетического рынков; разработать единые правила торговли товарами и услугами, а также сформировать общий рынок транспортных услуг и единую транспортную систему³².

Показательно, что практическая работа в этом направлении уже начата. Как заявил в марте 2016 г. первый замглавы Минэкономразвития РФ А. Лихачев, ЕАЭС и ШОС могут начать работу над подготовкой соглашения об экономическом континентальном партнерстве. В декабре 2015 г. на Совете глав ШОС представителями Казахстана было предложено начать серьезное обсуждение формирования зоны свободной торговли ШОС. Делегации России, Китая и Казахстана договорились о том, чтобы готовить подходы к экономическому континентальному партнерству, к всеобъемлющему договору в

рамках ШОС. Будущее соглашение может затрагивать вопросы свободы движения товаров, свободы движения капиталов и инвестиций, комфортной среды для увеличения доли расчетов в национальных валютах и преференциального доступа к рынкам услуг³³.

Процесс формирования континентального евразийского партнерства от Европы до ЮВА набирает обороты. Как заявил в марте 2017 г. начальник отдела международного взаимодействия Департамента развития интеграции ЕЭК Д. Ежов, в 2016 г. впервые в истории импорт в ЕАЭС из стран региона АТЭС превысил импорт из ЕС. Вступило в силу соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом. Комиссия развивает сотрудничество в формате меморандумов с правительствами Монголии, Камбоджи, Сингапура. С рядом государств уже запущен трек по зоне свободной торговли. При этом государства региона не скованы обязательствами по экономическим санкциям по отношению к одной из экономик Союза — российской³⁴.

Выступая на заседании Высшего Евразийского экономического совета в апреле 2017 г., Владимир Путин вновь подчеркнул: развитие внешнего контура нашего интеграционного объединения должно быть продолжено на системной и плановой основе³⁵. Эта работа осложняется тем, что пока не было прецедентов межблоковых торгово-экономических партнерств. Однако, по мнению экспертов и экономистов ЕЭК, вполне реально в 10-летней перспективе сформировать БЕП как сеть зон свободной торговли (ЗСТ), набор торговых блоков, наиболее вероятным форматом которого будет т.н. «миска спагетти».

В этой связи наиболее актуальной задачей является сейчас определить, какие институциональные формы были бы оптимальными для того, чтобы придать процессу формирования сообщества интересов и ценностей в Центральной Евразии необратимый характер.

Как полагают эксперты «Валдай-клуба», «эти институциональные формы должны иметь всеобъемлющий и инклюзивный характер, сочетать политику и экономику, «мягкую» и «жесткую» силу, быть комфортными для великих, средних и малых держав. В наших руках потенциально превосходные институты международного сотрудничества и развития — Евразийская интеграция, финансовые институты Шелкового пути и Азиатский банк инфраструктурных

инвестиций, Шанхайская организация сотрудничества, многосторонние форматы с участием АСЕАН и многое другое. Нужно добиваться их совершенствования и взаимодополняемости»³⁶.

Также, по мнению российских экспертов (Т.А. Флегонтова и др.), очевидна необходимость проработки данной стратегии на техническом уровне. Важно понимать, что потенциальные государства-участники проекта «Большая Евразия» могут столкнуться с проблемой лидерства, удовлетворения интересов всех участников проекта, сопряжения различных институциональных форматов под эгидой «Большой Евразии». Объективно этот проект должен стать исключительно российской национальной стратегией и объединить в себе уже инициированные и перспективные тренды сотрудничества³⁷.

Помимо прочего, для России инициатива создания Большого Евразийского партнерства — способ перехода к стратегии опережающего развития путем форсированного создания производств нового технологического и институтов нового мирохозяйственного укладов. В этом случае Россия и ЕАЭС могли бы претендовать на полноценное участие в новом центре мировой экономической системы³⁸.

И последнее, но, может быть, не менее важное. Экономическое сотрудничество, мегапроекты, сопряжение интеграций — очень важное, но отнюдь не единственное измерение БЕП. Необходимы гарантии против вмешательства извне и навязывания моделей общественного или иного устройства, не выстраданных самим обществом. Нужны четкие и хорошо просчитанные общепринятые правила игры на международной арене, которых придерживаются все страны без исключения. В его основу БЕП кладется строгое следование фундаментальным принципам и нормам действующего международного права в сугубо позитивном, системном и взаимовыгодном их понимании³⁹.

Таким образом, Большое евразийское партнерство может лечь в основу нового, более рационального и справедливого миропорядка, основанного на многополярности, суверенном равенстве, уважении ко всем культурам, религиям и цивилизациям, инклюзивном и недискриминационном международном сотрудничестве.

1.2. Дилеммы региональной интеграции в Евразии и АТР

Процессы формирования БЕП необходимо рассматривать на фоне экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), которая находится на пороге глубоких качественных изменений, связанных с формированием основных механизмов многосторонних интеграционных процессов в сфере экономики и торговли. На саммите АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. было объявлено о перспективе создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ). Обсуждались масштабная инициатива по формированию на основе стран АСЕАН и их партнеров Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), а также продвигавшийся США проект Транстихоокеанского партнерства (ТТП).

Можно констатировать, что создание АТЗСТ пока характеризуется конкуренцией между этими интеграционными форматами, обусловленной геоэкономическими и геополитическими интересами основных «игроков». В период до администрации Д. Трампа США активно лоббировали создание Транстихоокеанского партнерства (ТТП), которое бы гарантировало полное снятие барьеров в торговле товарами и услугами. Для Китая с его государственным протекционизмом для чувствительных отраслей, обеспечивающих экономический рост и занятость (а потому важных для политической стабильности), условия ТТП казались неприемлемыми. Более того, в Пекине подозревали, что США хотят создать торговый блок в Азии без участия КНР, чтобы удалить Китай из интеграционных процессов. Именно поэтому Китай пытался бороться с ТТП путем продвижения своего альтернативного проекта — ВРЭП⁴⁰.

Различие концепций АТЗСТ и ТТП стало одним из ключевых предметов обсуждения на Пекинском саммите АТЭС в ноябре 2014 г. В этой связи д-р Сюй Вэньхун, научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии при Китайской академии общественных наук, подчеркнул: «Сравнивая ТТП и АТЗСТ, можно сказать, что последняя представляет собой всеобъемлющий азиатско-тихоокеанский план свободной торговли, вклю-

чающий всех основных игроков Азиатско-Тихоокеанского рынка». В свою очередь заместитель директора Института Юго-Восточной Азии (ISEAS) в Сингапуре Оой Кее Бен отметил, что на фоне прогрессирующей довольно скромными темпами вашингтонской модели ТПП с ее весьма жесткими условиями китайский проект АТЗСТ весьма успешно движется вперед⁴¹.

Выступая на рабочем заседании глав государств и правительств Форума АТЭС в Пекине, В.В. Путин отметил, что в АТР действует большое количество торговых соглашений, различающихся по глубине либерализации и по количеству участников, что создает потенциальную опасность разделения региона на отдельные конкурирующие между собой объединения. «Нам, наоборот, необходимо действовать на основе принципов прозрачности и открытости... при взаимном учете интересов и возможностей сторон, — заявил российский президент. — Исходим также из того, что любые новые договоренности не должны наносить ущерба многосторонней торговой системе ВТО»⁴².

Участие РФ в переговорах по созданию зон свободной торговли и интеграционных проектов в АТР определяется ее долгосрочными геоэкономическими и геополитическими соображениями, причем в настоящее время, когда Россия находится в поисках «точки входа» в этот процесс, последние можно оценить как наиболее актуальные.

По мнению ряда отечественных экспертов, Россия находилась в стороне от развернувшихся интеграционных процессов, сосредоточившись на выстраивании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), и перед ней «объективно встает выбор: либо замкнуться в сугубо региональном экономическом пространстве, либо подключиться к одному из двух формируемых экономических суперблоков (ТПП и ВРЭП)»⁴³.

Если дилемма действительно такова, то трезвая оценка собственных возможностей сейчас для страны не менее важна, чем способность правильно оценить направленность и перспективы идущих переговорных процессов, с тем чтобы определить возможность и целесообразность подключения к ним России, цели и задачи ее участия в переговорах, формат и модальность их ведения.

Фактическим организатором и движущей силой переговорного процесса по ТПП выступали США, которые с 2010 г. рассматривают

его как наиболее перспективный вариант создания коллективной зоны свободной торговли в АТР. При этом Соединенные Штаты настаивали на включение в соглашение не только снижение или ликвидацию торговых барьеров, но и условия для инвестиционной, производственной и торговой активности внутри каждой из стран, которая присоединится к партнерству⁴⁴.

По широте круга вопросов для согласования и амбициозности стоящих задач ТТП превосходило другие форматы переговоров и соглашений о либерализации торгово-инвестиционных связей в регионе, включая зону свободной торговли АСЕАН (АФТА) и консультации о создании Экономического сообщества АСЕАН, переговоры о создании зоны свободной торговли между КНР, РК и Японией, консультации о создании ВРЭП и др.

«Наши цели являются не только экономическими, но и стратегическими... В Атлантике и на Тихом океане цель США заключается в том, чтобы, укрепляя многостороннюю торговую систему, создать такие же мощные экономические партнерства, как наши союзы в сфере дипломатии и безопасности. ТТП — это абсолютная декларация долгосрочных стратегических обязательств США в АТР», — заявил советник президента по национальной безопасности Том Дони-лон, выступая 11 марта 2013 г. в «Азиатском обществе»⁴⁵.

Геополитическую и геостратегическую важность переговоров по ТТП подчеркнул и президент Обама в своем ежегодном послании к Конгрессу в январе 2015 г. Барак Обама указал в нем, что США в отличие от других участников переговоров (в частности, Китая) получат выгоду от определения новых правил региональной торговли, и что ТПП является важным элементом «возвращения» США в Азию⁴⁶.

Политические интересы США заключаются не только в укреплении собственных позиций в регионе, но и в препятствовании наращиванию доминирования Китая, чему и было призвано способствовать развитие Транстихоокеанской зоны свободной торговли. Концепция ТТП реализовывалась без участия Китая, в то время как в случае создания Восточноазиатской ЗСТ именно эта страна способна выступить лидером и главной движущей силой регионального экономического развития⁴⁷.

ТТП подразумевало расширение границ и углубление межгосударственных договоренностей по унификации правового поля: соглашения о либерализации торговли товарами и услугами по нормам соглашений о свободной торговле (ССТ) намечается дополнить правовым регламентом инвестиций, инновационных обменов, защиты интеллектуальной собственности, трудовых отношений, управления миграционными потоками, экологических стандартов и конкурентных норм⁴⁸.

США имеют соглашения о свободной торговле с 20 странами, на которые приходится 46 % экспорта и 40 % торговли готовой продукцией в целом. Однако с подключением Японии к переговорам о создании ТТП на страны партнерства приходилось уже 40 % глобального ВВП и треть всей мировой торговли. Анализ многочисленных документов и отчетов о двусторонних переговорах по созданию преференциальных торговых соглашений (ПТС) с различными государствами позволял сделать предположение, что главные причины заключения ПТС, включая НАФТА, кроются в целях внешней политики США⁴⁹.

Столь очевидное позиционирование американских геоэкономических и геополитических интересов не могло не вызвать определенной реакции в Пекине. Как отмечал, например, китайский исследователь Лю Бо, суммируя результаты дискуссии в китайской научной и экспертной среде, «если США при вступлении будут претендовать на ведущее положение, то чаянья и участие других стран будут сдерживаться. США в процессе переговоров исходят из собственных интересов и не считаются с общими интересами, что будет препятствовать выполнению Соглашением по ТТП его роли».

Участие стран-членов АТЭС было бы благоприятно для экономического развития ТТП. Стимулирование их к присоединению одновременно являлось бы залогом для стран, не участвующих в АТЭС. Если ТТП стало бы соглашением о свободной торговле в пределах АТЭС, понадобилось бы уделять больше внимания экономическим интересам, чем геополитике.

Опираясь на результаты проведенного им специального исследования, Лю Бо далее отмечал: «Учредителями ТТП являются отно-

нительно малые страны с незначительным объемом экономики. И хотя в переговорах о присоединении участвуют США и Япония, доля стран с развитой экономикой невелика — поэтому представительность ТТП будет недостаточной... Страны АСЕАН создали отношения всестороннего экономического партнерства РСЕР. Население этих стран составило 3,5 млрд человек, или половину всего населения Земли, суммарный ВВП составляет 2,3 трлн долл., или треть мирового объема производства. По численности населения и объему производства они значительно превосходят ТТП»⁵⁰.

Как отмечалось в комментарии агентства «Синьхуа», «ТТП является экономическим оружием, с помощью которого США отрезает возможности связи Китая с основными партнерами Азиатско-Тихоокеанского региона... Согласно оценке Института мировой экономики Петерсона, ТТП может стать причиной потери Китаем экспорта в объемах около 100 млрд долл. в год... хотя США старались привлечь некоторые азиатско-тихоокеанские страны к созданию ТТП, Китай — главный экономический субъект в Азии — был исключен из этого союза. Подобная региональная организация экономического сотрудничества, которая базируется на геополитической конкуренции, мешает проявлению максимального эффекта этой кооперации. Наоборот, она ослабляет стремление к экономической интеграции в регионе»⁵¹.

При этом Китай, следуя своей стратегии «взаимного выигрыша», официально приветствовал все возможности для либерализации торговли на региональном и глобальном уровнях, и не отрезал для себя возможностей к отступлению от заявленной позиции. Так, в октябре 2014 г. замминистра финансов Китая Чжу Гуаньяо в своем докладе в американском Институте международной экономики отметил, что по поводу ТТП в Китае имела место дискуссия, но в настоящее время существует консенсус по поводу того, что Китай должен интегрироваться в мировую систему торговли, в том числе и в торговые соглашения «с высокими стандартами», такие как ТТП. По мнению журнала «Дипломат», чиновник увязал возможность китайского включения в ТТП с установленными Председателем КНР Си Цзиньпином целями экономической реформы, утверждая, что эти два направления взаимно укрепляют друг друга»⁵².

Для России китайская политика в данном вопросе, гибкая и многовариантная, весьма поучительна. «Вызов» со стороны ТТП побуждал Пекин активизировать международное сотрудничество в АТР, повышать уровень институционализации своей азиатской стратегии. В этой связи китайскими учеными и экспертами предлагалось, в частности, следующее:

- расширять механизмы двустороннего и многостороннего сотрудничества вне этого региона, особенно там, где американское влияние незначительно или отсутствует. Следует уделять особое внимание взаимодействию в рамках БРИКС и реализации проекта Экономического пояса Нового шелкового пути;
- продвигать реализацию соглашения о свободной торговле между Китаем, Японией и Южной Кореей;
- быть готовым в удобное время присоединиться к переговорам по ТТП, исходя из собственных интересов и с учетом уже подписанных международных соглашений. Если США попытаются сдерживать процесс проводимых в Китае реформ, используя такие чувствительные вопросы, как либерализация финансов, права производственной собственности, проблематику госпредприятий, то форсировать присоединение к ТТП не следует;
- развивать свои экспортные предприятия с тем, чтобы они поставляли на международный рынок специфические товары, до минимума снижая возможность их замены товарами других стран;
- «действовать в соответствии с переменами в мире, повышая свою совокупную конкурентоспособность. Согласно теории перераспределения сил, если возрождающая страна достигает 80 % мощи страны-гегемона, то наступает равновесие сил, достаточное, чтобы бросить вызов сильной державе»⁵³.

Конечно, Россия не может слепо копировать китайский опыт. Высокий уровень обязательных требований, предполагаемых соглашением по ТТП, являлся серьезным барьером для подключения России к переговорному процессу. К таким вопросам можно было отнести, в первую очередь, ряд тарифных ограничений по наиболее чувствительным товарным группам в торговой структуре России, а также нетарифные ограничения торговли, нормы регулирования которых в России в значительной степени отличаются от правил, пред-

полагавшихся соглашением по ТТП: вопросы конкуренции, электронной коммерции, государственных закупок, интеллектуальной собственности, санитарных и фито-санитарных мер⁵⁴.

Не менее, а возможно даже и более важным для России является то обстоятельство, что она в отличие от таких торгово-экономических «гигантов», как США и Китай, в настоящее время заинтересована не столько в развитии либерализации региональной торговли (trade liberalization), сколько в усилении ее транспарентности и торгово-экономической взаимосвязанности (trade facilitation), создания справедливой, устойчивой и сбалансированной торгово-экономической системы в АТР, отвечающей приоритетам и уровню развития российской экономики, особенно ее экспортно-ориентированных товаропроизводящих отраслей).

Поэтому Россия, впервые со времени своего вступления в АТЭС в 1998 г. став в 2012 г. страной-председателем АТЭС, взяла курс на отстаивание приоритетов транспарентности и взаимосвязанности торгово-экономических отношений в АТР, поскольку именно это помогает ей стать активным и заинтересованным участником обсуждения новых правил региональной торговли. Такой курс соответствует и долгосрочным геополитическим интересам страны, связанным с усилением ее присутствия в АТР и укреплением российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

В своем интервью ведущим китайским СМИ накануне саммита АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. В.В. Путин заявил: «исходим из того, что соглашения о свободе торговли должны не фрагментировать, а дополнять многостороннюю торговую систему, способствовать ее консолидации и росту взаимосвязанности. Также нельзя противопоставлять, сталкивать между собой региональные объединения. Необходимо выстраивать такие соглашения на основе открытости, равноправия, учета потребностей каждой экономики. Региональная интеграция должна носить прозрачный характер, обеспечивать обмен информацией между всеми переговорными процессами».

Российский президент добавил при этом: «Очевидно, что Транстихоокеанское партнерство — очередная попытка США построить выгодную для себя архитектуру регионального экономического со-

трудничества. В то же время полагаю, что отсутствие в составе его участников таких крупнейших региональных игроков, как Россия и Китай, вряд ли позволит выстроить эффективное торгово-экономическое взаимодействие»⁵⁵.

Именно поэтому Россия полностью поддержала положения Пекинской дорожной карты, в которой отмечается необходимость «увеличить транспарентность действующих и недавно заключенных РТС/ССТ посредством повышения эффективности механизма АТЭС по обмену информацией в сфере РТС/ССТ. Это будет содействовать наращиванию сотрудничества в интересах создания АТЗСТ и подтолкнет экономики к налаживанию политического диалога и организации других мероприятий по обмену информацией в рамках данного механизма... Данный атэсовский механизм дополнит механизм транспарентности для РТС в рамках ВТО, в котором экономики-участницы также будут стремиться максимально наращивать свое участие»⁵⁶.

Россия поддержала также принятый Пекинским саммитом «План действий АТЭС по усилению взаимосвязанности на 2015—2025 гг.». В созданной по решению Пекинского саммита целевой группе по АТЗСТ Россия вместе с Китаем намерена продвигать взаимосвязанность в рамках АТЭС и отстаивать принцип межблоковой коммуникации, настаивая на подключении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) к созданию АТЗСТ.

После отказа администрации Д. Трампа от Транстихоокеанского партнерства драматическая история формирования ТТП не закончилась. 8 марта 2018 г. министры иностранных дел 11 государств Азии и Америки подписали в столице Чили документ, получивший название «Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства». Он предусматривает ликвидацию либо снижение пошлин на промышленные и сельскохозяйственные товары во всем блоке из 11 стран: Австралии, Брунее, Вьетнаме, Канаде, Малайзии, Мексике, Новой Зеландии, Перу, Сингапуре, Чили и Японии. Вместе они составляют до 13,5 % от мировой экономики, в общей сложности в этих странах проживают 480 млн человек⁵⁷. И уже в апреле 2018 г. президент США дал указание своим помощникам рассмотреть вопрос о возвращении в ТТП при условии, что

будет достигнута договоренность о более выгодных для Соединенных Штатов условиях участия в нем⁵⁸.

И с геоэкономической, и с геополитической точек зрения России целесообразно начать работу по обсуждению создания АТЗСТ с подключения к переговорам по ВРЭП. Для опережающего социально-экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока и активизации интеграционных процессов в рамках ЕАЭС также исключительно важно присоединение России к многосторонним институтам регионального развития, создаваемым Китаем, среди которых — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути.

Создание АБИИ, который призван стать мощным финансовым инструментом развития инфраструктурных проектов в АТР и весомым дополнением к работе МВФ и Всемирного банка (ВБ), объективно отвечает новым вызовам и отражает изменения в мировом экономическом порядке. Начиная с 2010 г., страны с развивающейся экономикой активно продвигали идею реформирования существующих международных финансовых институтов, которые контролируются странами Запада.

Все попытки реформировать эти институты в пользу новых финансовых игроков заканчивались провалом ввиду противодействия США. Китай и другие страны с развивающейся экономикой уже давно протестовали против своего заниженного представительства в международных финансовых институтах. Решение о создании АБИИ свидетельствует о том, что Пекин решил не дожидаться милостей от Запада и самостоятельно приступил к перекройке мировых финансовых отношений⁵⁹.

На переговорах по созданию АБИИ представители китайской стороны представили ряду европейских государств позицию, согласно которой КНР не будет иметь права вето. Это предложение оказалось критически важным в привлечении Великобритании, Франции, Германии и Италии к вступлению в АБИИ. Ни одна страна-учредитель нового банка не будет иметь право диктовать свои условия, в отличие от давно сложившейся практики в международных финансовых институтах, поддерживаемых США: они, например, имеют право блокировать некоторые важные решения МВФ, несмотря на то,

что голосующая доля страны в фонде составляет менее 20 %. Это вызывает обоснованную критику со стороны остальных государств⁶⁰.

США и Япония заняли по отношению к АБИИ ожидаемо скептическую позицию, видя в нем конкурента МВФ, ВБ и Азиатского банка развития (АБР). Однако прагматический подход взял верх, и по сообщению The Wall Street Journal, США предложили АБИИ партнерскую работу с поддерживаемыми Вашингтоном международными финансовыми институтами. Белый дом хочет использовать существующие банки развития для софинансирования проектов вместе с новым финансовым институтом. Косвенная поддержка поможет и другой долгосрочной цели США — быть уверенными в том, что стандарты нового учреждения будут нацелены на предотвращение образования проблемных долгов, нарушений прав человека и экологических рисков. Кроме того, США смогут проложить путь для американских компаний к участию в тендерах на проекты нового банка⁶¹.

Руководители Всемирного банка и Международного валютного фонда накануне открытия весенней сессии МВФ и ВБ в апреле 2015 г. в Вашингтоне заявили, что их организации готовы к усилению сотрудничества с АБИИ для реализации огромного потенциала региона. «Существует значительная потребность развивающегося мира в инфраструктуре. Она в равной мере отчетливо прослеживается и в случае Азии для АБИИ. Мы ожидаем продолжения тесной совместной работы», — подчеркнул президент ВБ Джим Ен Ким. Он отметил, что его организация на настоящий момент располагает большим техническим опытом, чем АБИИ, и имеется множество поводов для подготовки к проектам сотрудничества с АБИИ.

В свою очередь директор-распорядитель МВФ Кристин Лагард заявила, что предложение о формировании ответственной структуры, которая будет посвящать себя проблемам региональной инфраструктуры, представляется достаточно привлекательным. «Это заслуживающая радушного приема региональная организация, с которой МВФ планирует в полной мере сотрудничать», — указала К. Лагард⁶².

Таким образом, и на геоэкономическом, и на геополитическом поле Пекин переиграл Вашингтон. Как отмечала газета «Хуаньцю шибао», «Китай выбрал перспективную идею: создание АБИИ соответствует интересам многих стран. Америка хотела за счет геополити-

тики положить этим планам конец, однако ее не поддержали, поэтому Штатам не удалось преуспеть в осуществлении своего плана. «Политика борьбы» США столкнулась с «политикой мира» КНР и, как мы видим, явное преимущество здесь у последней»⁶³.

Россия решила присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций в качестве одного из его учредителей, заявил первый вице-премьер России Игорь Шувалов на торжественной церемонии открытия Азиатского экономического форума в Боао. Он подчеркнул, что используя институциональные возможности Евразийского союза и инструменты других инициатив в регионе, Россия и ее партнеры смогут расширить сотрудничество не только в области поставок энергоресурсов, но и в сфере высоких технологий в транспорте, промышленности, строительстве, связи и сельском хозяйстве⁶⁴.

Не менее важно и подключение России и ЕАЭС к участию в проектах, поддерживаемых учрежденным по инициативе Китая Фондом Шелкового пути. 8 ноября 2014 г. Председатель КНР Си Цзиньпин объявил, что Китай выделит 40 млрд долл. для создания Фонда Шелкового пути в целях оказания финансовой поддержки проектам в рамках инициативы «Один пояс, один путь». Фонд Шелкового пути был зарегистрирован 29 декабря 2014 г. в Пекине и с этого дня начал официально действовать.

Фонд Шелкового пути является средне- и долгосрочным фондом развития и инвестиций, который предоставляет помощь странам и регионам, расположенным вдоль экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века («пояс и путь»), в реализации крупномасштабных проектов, обеспечивающих расширение транспортно-коммуникационных возможностей региона. Как заявила 12 марта 2015 г. председатель правления Фонда Шелкового пути Цзинь Ци, совет директоров, наблюдательный совет и высшее руководство компании уже созданы. В ближайшее время в компании начнут проводиться существенные операции⁶⁵.

Как заявил генеральный директор Российского фонда прямых инвестиций Кирилл Дмитриев, «РФПИ и китайский инфраструктурный Фонд Шелкового пути обсуждают четыре инфраструктурных проекта. Это строительство дорожно-мостовой инфраструкту-

ры, включая платные дороги, а также инфраструктурные проекты для добычи и переработки полезных ископаемых, в том числе на месторождениях Дальнего Востока». Глава РФПИ отметил, что фонд планирует сотрудничать и с Азиатским банком инфраструктурных инвестиций и собирается предложить организации участвовать в различных инфраструктурных проектах в России⁶⁶.

Осуществляя свой «разворот на Восток», Россия начинает практическую работу по подключению к интеграционным процессам в АТР и усилению своего торгово-экономического присутствия в регионе. Возможно, это «новый жанр» для российской экономики и политики, который требует повседневных и кропотливых усилий, вникания в тонкости и детали. Но только так можно накапливать необходимый опыт, достойно защищать и продвигать национальные интересы в сфере международной экономики и торговли.

В этом плане весьма показательным стал визит Дмитрия Медведева во Вьетнам и Таиланд в апреле 2015 г. Он был важен не только для развития отношений с этими странами на двустороннем уровне, но и для присоединения к процессам интеграции в АТР. Российский премьер обсуждал в Ханое перспективы создания зоны свободной торговли (ЗСТ), причем не только с Россией, но и с другими странами ЕАЭС. Создание ЗСТ с входящим в АСЕАН Вьетнамом — необходимое для России и ЕАЭС условие, своего рода «точка входа» для участия в формировании ВРЭП и АТЗСТ.

Москва и Ханой согласовали все принципиальные вопросы и основные параметры создания зоны свободной торговли между Вьетнамом и ЕАЭС, и рассчитывают подписать соответствующее соглашение уже в первой половине 2015 г. В Бангкоке Дмитрий Медведев также обсуждал возможности создания зоны свободной торговли между Таиландом и ЕАЭС. В ходе этого, первого более чем за 10 лет официального визита (а на уровне глав правительств эта встреча первая за последние 25 лет) стороны также говорили о снижении торговых барьеров, росте взаимного товарооборота, переходе на торговлю в национальных валютах.

По возвращении из Ханоя и Бангкока Дмитрий Медведев внес правки в «дорожную карту» доступа российских товаров на зарубежные рынки. Среди мер по упрощению экспорта товаров, которые

должны быть реализованы до конца 2015 г. — развитие соответствующей инфраструктуры. В новую редакцию карты включены меры, которые позволяют максимально упростить и ускорить связанные с экспортом процедуры: фискальные, таможенные, административные, расширить ассортимент финансовых и нефинансовых услуг.

Россия, которая начинает стратегический «разворот на Восток», не может стоять в стороне от интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), который постепенно, но неуклонно превращается в новый центр мировой экономики. Ей важно подключиться к ним именно сейчас, когда формируются «правила игры», чтобы наилучшим образом обеспечить свои торгово-экономические интересы и накопить необходимый опыт.

Итак, Россия начала детальную и кропотливую работу по присоединению к механизмам экономической интеграции в АТР. К сожалению, как подчеркивает С. Рогов, «критическая масса» Российской Федерации здесь пока невелика — примерно 2 % населения и 3 % глобального ВВП. В случае евразийской интеграции эта доля возрастет, но будет значительно уступать другим региональным интеграционным образованиям⁶⁷. Однако именно правильный выбор пути и готовность следовать ему до конца — залог конечного успеха.

Это важно не только для участия России в азиатско-тихоокеанской экономической интеграции, но и для развития евразийской интеграции в рамках ЕАЭС. Евразийский экономический союз начинает свою работу по укреплению межблокового сотрудничества, чтобы найти и закрепить за собой конкурентоспособную нишу среди мировых «экономических гигантов» — стран ЕС и Юго-Восточной Азии, США, Китая.

Примечания

¹ Дизен Г. Россия, Китай и «баланс зависимости» в Большой Евразии // Валдайские записки. 2017. № 63. С. 7—8.

² Там же. С. 8.

³ Бордачев Т.В., Казакова А.В., Скриба А.С. Институты для мира в Евразии // Вестник международных организаций. 2016. № 2. С. 26.

⁴ Всеобъемлющее Большое Евразийское партнерство: уход от реальности или возвращение к ней. URL: <http://alleuropalux.org/?p=13969>

⁵ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178>

⁶ «Новое позиционирование Российской Федерации в глобальном хозяйстве — возможности и перспективы» // Фонд «Институт современного развития» по заказу Фонда Кудрина по поддержке гражданских инициатив. М., 2015. Сентябрь. С. 108.

⁷ URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/02/25/10543481.shtml#page6>

⁸ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52819>

⁹ Послание Президента Федеральному Собранию. 3 декабря 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864>

¹⁰ Выступление В.В. Путина на Пленарном заседании Петербургского международного экономического форума. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178>

¹¹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53151>

¹² URL: <https://ria.ru/economy/20160905/1476106027.html>

¹³ URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-08-2016-1.aspx>

¹⁴ URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8254#top-content

¹⁵ URL: [Kommersant.ru/doc/3023535](http://kommersant.ru/doc/3023535)

¹⁶ URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/nontariff/Documents/dlya%20razmesheniya/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%207.pdf>

¹⁷ URL: <http://www.stanradar.com/news/full/20200-dogovor-obedinenija-eaes-i-shelkovogo-puti-mogut-podpisat-za-2-goda.html>

¹⁸ URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-08-2016-1.aspx>

¹⁹ URL: <https://ria.ru/east/20160803/1473546327.html>

²⁰ Геоэкономика Евразии // Astana Club. 2015. Ноябрь. С. 25.

²¹ Там же. С. 51—52.

²² Там же. С. 53.

²³ Там же. С. 53—54.

²⁴ Там же. С. 54—55.

²⁵ Там же. С. 27.

²⁶ Там же. С. 28—29.

²⁷ Там же. С. 29—30.

²⁸ Там же. С. 30.

- ²⁹ *Бордачев Т.В., Казакова А.В., Скриба А.С.* Указ. соч. С. 25.
- ³⁰ *Ли Синь.* Китайский взгляд на создание евразийского экономического пространства // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2016. С. 9.
- ³¹ Там же. С. 10.
- ³² Там же. С. 14–15.
- ³³ URL: <http://www.interfax.ru/business/496964>
- ³⁴ URL: <http://eurasiancenter.ru/expert/20170315/1004442721.html>
- ³⁵ Заседание Высшего Евразийского экономического совета в расширенном составе. 14 апреля 2017 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/54293>
- ³⁶ К Великому океану-4: поворот на Восток. Предварительные итоги и новые задачи // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2016. С. 36.
- ³⁷ *Мэннинг Роберт А., Чхень Жиминь, Сон Гоюй, Флегонтова Т.* Экономический порядок в Азиатско-Тихоокеанском регионе и интересы России // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2017. С. 18.
- ³⁸ URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/02/25/10543481.shtml#page6>
- ³⁹ Всеобъемлющее Большое Евразийское партнерство: уход от реальности или возвращение к ней. URL: <http://alleuropalux.org/?p=13969>
- ⁴⁰ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2610876>
- ⁴¹ URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4795#top
- ⁴² URL: <http://news.kremlin.ru/news/46997>
- ⁴³ URL: http://rescue.org.ru/analytics_7_globalizaciya-regionalizma-i-vyzovy-dl-ya-rossii.html
- ⁴⁴ Дисбалансы транстихоокеанского пространства / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М.: Магистр, 2014. С. 116.
- ⁴⁵ Цит. по: URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1783#top
- ⁴⁶ The Trans-Pacific Partnership (TPP) Negotiations and Issues for Congress, Congressional Research Service, CRS Report, January 30, 2015. P. 5, 7.
- ⁴⁷ URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document247280.pdf>
- ⁴⁸ Дисбалансы транстихоокеанского пространства / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М.: Магистр, 2014. С. 121.
- ⁴⁹ *Ремчукова В.* Особенности позиции США в переговорах о преференциальных торговых соглашениях // Независимая газета. 20.01.2015.

⁵⁰ Лю Бо. Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве и контрмеры Китая // Проблемы Дальнего Востока». 2014. № 6. С. 59, 62.

⁵¹ URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2014-11/17/content_34070602.htm

⁵² URL: <http://thediplomat.com/2014/10/will-china-join-the-trans-pacific-partnership/>

⁵³ Лю Бо. Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве и контрмеры Китая. С. 63—65.

⁵⁴ Кадошников П.А., Флегонтова Т.А. Перспективы и противоречия переговоров по созданию Транс-Тихоокеанского партнерства // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 9. С. 29.

⁵⁵ URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46972>

⁵⁶ Пекинская дорожная карта АТЭС по содействию продвижению к Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли (АТЗСТ). URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-direcon.nsf/fc2e4121e6d9ec5343256a0c003fb7d2/506a111d81db9f19c3257db60036dbc8!OpenDocument>

⁵⁷ URL: <http://www.dw.com/ru>

⁵⁸ URL: <http://www.interfax.ru/business/608326>

⁵⁹ URL: http://inosmi.ru/op_ed/20150403/227278991.html

⁶⁰ URL: http://inosmi.ru/op_ed/20150403/227278991.html

⁶¹ Цит. по: URL: <http://www.interfax.ru/business/431516>

⁶² URL: http://russian.news.cn/economic/2015-04/17/c_134158280.htm

⁶³ URL: <http://inosmi.ru/foreast/20150319/226973903.html>

⁶⁴ URL: <http://www.newsru.com/finance/28mar2015/rfchinabank.html>

⁶⁵ URL: http://russian.news.cn/economic/2015-03/12/c_134062362.htm

⁶⁶ URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/55757>

⁶⁷ Рогов С. Доктрина Обамы: властелин двух колец. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1783#top

Глава 2

КОНТУР СОПРЯЖЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ИНИЦИАТИВЫ ПОЯСА И ПУТИ

2.1. Проблемы и перспективы сопряжения евразийской экономической интеграции и Инициативы Пояса и Пути

Наиболее очевидным воплощением активизации усилий Китая по усилению своего присутствия в Евразии и регионе Центральной Азии является Инициатива Пояса и Пути (ИПП). Она является одним из наиболее знаковых и новаторских проявлений современных тенденций экономической регионализации и глобализации. В случае своей реализации она коренным образом изменит геоэкономическую и геополитическую ситуацию в Евразии.

Как известно, Председатель КНР Си Цзиньпин, выступив с инициативой об ЭПШП в Казахстане в сентябре 2013 г., сформулировал пять ее содержательных аспектов, «пять взаимосвязанностей», с упором на деловое сотрудничество и реализацию совместных проектов в практических интересах стран-участниц.

Во-первых, согласование политических установок. Стороны могли бы обменяться мнениями по стратегии и политике экономического развития и, исходя из поиска общей почвы при существующих расхождениях, согласовывать и разрабатывать программу и

меры по региональному сотрудничеству, в политическом и правовом планах предоставлять все необходимые условия для региональной экономической интеграции.

Во-вторых, развитие транспортного сообщения, совершенствование транспортной инфраструктуры в трансграничных регионах, формирование транзитно-транспортной сети, связывающей субрегионы Азии, с выходом на Европу и Африку.

В-третьих, стимулирование взаимной торговли, включая обсуждение вопросов об упрощении процедур торговли и инвестиций с принятием мер, нацеленных на ликвидацию торговых и инвестиционных барьеров, повышение скорости движения и качества региональной экономики, полное раскрытие потенциала торгово-инвестиционного сотрудничества всех подключившихся стран.

В-четвертых, обеспечение бесперебойного денежного обращения, ведение расчетов в национальных валютах и взаимный обмен валютами, усиление двустороннего и многостороннего сотрудничества в финансовой сфере с созданием региональных финансовых организаций развития, сокращение операционных издержек посредством региональных соглашений, укрепление финансовых систем для противостояния рискам и, в конечном счете, повышение конкурентоспособности в мировой экономике.

В-пятых, активизация гуманитарных контактов, содействие осуществлению междивизиационного диалога, развитие дружественных отношений между людьми¹.

Из этого следует, что ИПП и, в частности, ее сухопутная часть, Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) — комплексная инициатива и/или мегапроект нового типа. Так, рамки экономического пояса Шелкового пути не ограничиваются только Центральной Азией, благодаря Шелковому пути связываются Тихоокеанское кольцо и европейское экономическое кольцо, охватывается вся Евразия. Путем повышения открытости Западу КНР надеется углубить торговые связи и экономическое сотрудничество между центральными и западными районами страны и Центральной, Южной и Западной Азией, вместе с тем, дать толчок экономическому взаимодействию в Евразии, осуществить перераспределение региональных ресурсов в энергетике, продуктах минерального происхождения, ту-

ризме, культуре, промышленности и сельском хозяйстве, реализовать рациональное распределение, взаимное дополнение, общее процветание в производстве региональных стран.

Особенно важно то, что Экономический пояс Шелкового пути будет построен на базе новой модели сотрудничества. ЭПШП не предполагает создания региональной организации экономической интеграции, не преследует цели строительства единого и принудительного режима, не собирается нарушать имеющуюся региональную систему. Благодаря углублению связей между политическими установками, инфраструктурой, а также укреплению торговых сношений, денежного обращения, контактов между народами постепенно сформируется цельная региональная структура сотрудничества, которая сделает более тесными и удобными связи между странами Евразии.

Несмотря на то, что концепцию экономического пояса Шелкового пути выдвинул Китай, она не станет геоэкономическим планом во главе с КНР, это процесс многостороннего, открытого, регионального сотрудничества, государства будут связывать единые интересы и обоюдный выигрыш².

Тезис о том, что ЭПШП представляет собой не организацию экономической интеграции, а международный экономический режим, представляется принципиально важным. Под международным режимом понимается набор сформулированных или подразумеваемых принципов, норм, правил и процедур принятия решений, воплощающих согласованную точку зрения участников применительно к той или иной сфере международных отношений.

Международные режимы создаются не столько для централизованной реализации согласованных решений, сколько для создания атмосферы предсказуемости в международных отношениях, в условиях которой государства принимают решения по защите и продвижению своих национальных интересов с учетом интересов других государств, а также налаживают друг с другом взаимовыгодное сотрудничество.

Международные режимы устанавливают определенные стандарты поведения, которые помогают государствам оценивать намерения и репутацию друг друга; обеспечивают возможность дискуссии

онных форумов (часто с участием международных организаций); способствуют равноправному информационному обмену, тем самым увеличивая предсказуемость международного поведения.

Тесная взаимосвязь принципов, норм и правил международного режима — основополагающий критерий его легитимности и жизнеспособности. Именно такая взаимосвязь позволяет судить о том, является ли корректировка правил сменой международного режима или перестройкой внутри него. Объединяет принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений то, что все они содержат рекомендации относительно поведения участников, хотя и не подлежат безусловному исполнению с применением иерархической системы права.

Вопросы предсказуемости, доверия и равноценного обмена информацией выходят на первый план при создании международных режимов. При этом международные режимы не являются синонимом взаимности, а скорее, укрепляют и институализируют ее.

Главный вопрос, который обсуждается сейчас в среде российских и китайских экспертов, состоит в том, насколько иницилируемая Россией евразийская интеграция сочетается с проектом ЭПШП. Они допускают как возможные различия и нестыковки, так и взаимовыгодное взаимодействие ориентированного на Россию Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути.

В начале октября 2013 г. газета «Женьминь жибао» опубликовала две программные статьи, посвященные концепции продвижения Китая в Центральной Азии: «Какие различия существуют в стратегиях Китая, США и России в Центральной Азии» и «Экономический пояс Шелкового пути — какими конкурентными преимуществами обладает Китай в Центральной Азии». В этих материалах описываются преимущества китайского проекта Шелкового пути перед российским и американским конкурентами.

Со своей стороны, российские эксперты указывают, что по сравнению с российским Евразийским союзом «Экономический пояс Шелкового пути» располагает значительными финансовыми ресурсами и распространяется на Восток, Запад, Север и Юг Евразийского континента с населением примерно 3 млрд человек с ог-

ромным потребительским рынком. Российский проект может объединить в 10—15 раз меньше населения³.

Китайские исследователи (Чжон Шэн и др.) полагают, что некоторые ныне осуществляемые проекты китайско-российского сотрудничества, например, нефтегазовые проводы, железнодорожная магистраль «Чунцин—Синьцзян—Европа», международная автомагистраль «Западный Китай — Западная Европа», развитие российского Дальнего Востока и Восточной Сибири с участием Китая и другие, можно было бы сочетать со строительством Экономического пояса шелкового пути, ведь в этом кроются общие интересы Китая и России. Строительство экономического пояса и процесс Евразийского экономического союза не только не мешают друг другу, но и взаимно дополняют, их можно вести параллельно. Это и будет, несомненно, новым источником силы и энергии для роста всеобъемлющих отношений стратегического взаимодействия и партнерства между Китаем и Россией⁴.

Однако, помимо понимания того, что китайский проект не является альтернативой Евразийскому союзу, важно иметь в виду то обстоятельство, что процесс их реализации является многовариантным. Профессор Чжао Хуашэн, директор Центра по изучению России и Центральной Азии Фуданьского университета, указывает, что участие одновременно в нескольких региональных экономических проектах стало популярной практикой. Так будет и в Центральной Азии. Некоторые страны этого региона могут стать участниками сразу трех региональных проектов во главе с Китаем, Россией и США.

В этой связи проф. Чжао Хуашэн отмечает: «Успешность или провал Евразийского союза не имеют отношения к китайскому проекту «Шелковый путь», а зависят от отношений между Россией и соответствующими странами. Думаю, что по мере углубления двусторонних экономических отношений Китай и Россия вместе воьются в процесс развития региональной экономической кооперации. Если не выйдет, им придется продвигать свои идеи по отдельности»⁵.

Поскольку стимулирование взаимной торговли и инвестиций, а также упрощение торговых процедур является одним из важнейших аспектов формирования ЭПП, вопрос о либерализации торгового

режима между Китаем, заинтересованном в расширении внешних рынков, и ЕАЭС нуждается в отдельном рассмотрении и тщательной проработке.

При этом важно учитывать, что Договор о Евразийском экономическом союзе предусматривает создание «режима свободной торговли товарами в понимании ГАТТ 1994 в торговле с третьей стороной на основании международного договора Союза с такой третьей стороной с учетом положений статьи 102 настоящего Договора. Международное соглашение Союза с третьей стороной, устанавливающее режим свободной торговли, может включать иные положения, связанные с внешнеэкономической деятельностью»⁶.

В марте 2015 г. Государственным комитетом по делам развития и реформ, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР был опубликован совместный документ «Концепция и план действий по содействию совместному строительству “экономического пояса Шелкового пути” и “морского Шелкового пути XXI века”». В документе говорится, что работа по реализации инициативы открыта для всех стран, международных и региональных организаций, желающих на основе взаимоуважения и рыночных отношений участвовать в достижении всеобщего процветания. План действий призывает к координации политических мер, развитию инфраструктурных связей, свободной торговли, финансовой интеграции и людских обменов для взаимодополняющего использования уникальных ресурсных преимуществ стран-участниц через многосторонние механизмы и многоуровневые платформы.

На встрече Президента Путина и Председателя Си Цзиньпина в феврале 2014 г. в Сочи впервые обсуждался вопрос об участии России в реализации проекта Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). После этого под эгидой МИД двух стран был запущен российско-китайский экспертный диалог по этой теме. «Как мы понимаем, если наш президент выдвинул инициативу от Лиссабона до Владивостока, то через Шелковый путь как раз эта граница расширяется на восток. И в рамках этой большой программы может образоваться экономическое партнерство, по аналогии с ЕС», — отметил первый вице-премьер российского правительства Игорь Шувалов в своей речи на Форуме Боао⁷.

В ходе визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву в мае 2015 г. стороны подписали «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути». В числе приоритетных направлений согласованных усилий по взаимному сопряжению процессов строительства ЕАЭС и ЭПШП — «создание механизмов для упрощения торговли в тех сферах, где для этого созрели условия, разработка совместных шагов по гармонизации и обеспечению взаимной совместимости правил и норм регулирования, торгово-экономических и иных политик в сферах взаимных интересов; рассмотрение долгосрочной цели по продвижению к зоне свободной торговли между ЕАЭС и Китаем».

Стороны договорились также о запуске между ЕАЭС и Китаем диалогового механизма по сопряжению евразийской экономической интеграции и строительства ЭПШП и о том, чтобы способствовать обсуждению с участием экспертного сообщества вопросов взаимодействия в интересах формирования общего экономического пространства. Будет сформирована рабочая группа с участием представителей заинтересованных ведомств под руководством МИД России и МИД КНР для координации сотрудничества в указанных сферах⁸.

На заседании Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) на уровне глав государств 8 мая 2015 г. в Москве Президент РФ заявил: «Считаю целесообразным поручить Евразийской комиссии начать переговоры с КНР о заключении соглашения с КНР о торгово-экономическом сотрудничестве. На перспективу, думаю, стоит подумать над возможностью гармоничного совмещения Евразийской экономической интеграции и, как я уже сказал, китайской инициативы «экономического пояса Шелкового пути»⁹.

Страны вдоль экономического пояса Шелкового пути славятся обширной территорией, богатыми энергетическими, горными, туристическими, культурными и сельскохозяйственными ресурсами, а также уникальными масштабами и потенциалом рынков. Однако неудобства транспорта, возникшие из-за экономических и исторических причин, серьезно сдерживают развитие экономики в регионе. Поэтому развитие транспортного сообщения и совершенствова-

ние транспортной инфраструктуры — первоочередная задача в рамках ЭПШП.

В этой связи эксперты призывают к практическому использованию действующих механизмов многостороннего сотрудничества, например таких, как Шанхайская организация сотрудничества. В интересах ЭПШП может быть использована уже имеющаяся транспортная инфраструктура, связанная с Россией. Так, Евроазиатская трансконтинентальная железнодорожная магистраль Ляньюньган — Роттердам проходит из Китая через Казахстан и Россию в страны Евросоюза. В России выделяется направление на Санкт-Петербург (к Балтийскому морю и Северной Европе) и через Белоруссию в страны Центрально-Восточной и Западной Европы. Выход в Европу возможен через Санкт-Петербург и новый строящийся российский порт Луга. После ввода портовых мощностей в Луге и Приморске отпадет необходимость транзита через Латвию.

В рамках ЭПШП, при активном участии Монголии, Китая и России также интенсивно обсуждается проект «Степного шелкового пути», который может стать важной составной частью ЭПШП и придать ему новую динамику.

Великие азиатские степи Китая, Монголии и России могут стать единым экономическим пространством, превратившись в современный Шелковый путь, заявил глава МИД КНР Ван И во время встречи с министром иностранных дел Монголии Л. Пурэвсурэном. Он предложил построить китайско-монголо-российский экономический коридор, который будет проходить через весь евразийский континент. По его мнению, создание трехстороннего экономического коридора представляет собой сочетание инициативы КНР по формированию Экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI века с программой Монголии о степной дороге и с продвигаемым Россией планом трансевразийской железнодорожной магистрали. Китай готов усилить связи с Монголией и Россией, подготовить необходимые планы, определить «дорожную карту», на практике продвинуть проект трехстороннего экономического коридора¹⁰.

На саммите в Душанбе в сентябре 2014 г. лидеры России, Китая и Монголии договорились, что с учетом тесных исторических связей, географии, экономических отношений, которые имеют очень

давнюю историю между тремя странами, следует придать этому сотрудничеству новое «дыхание». Три лидера поручили министрам иностранных дел, экономики, энергетики, транспорта разработать документы, которые позволили бы продвигать трехстороннее сотрудничество на взаимовыгодной основе. Был подготовлен пакет документов, который охватывает экономическую, инфраструктурную, транспортную сферы, а также гуманитарные вопросы и вопросы внешнеполитического взаимодействия¹¹.

2 сентября 2014 г. правительство Монголии приняло решение о создании рабочей группы по реализации международного проекта «Степной путь», который нацелен на создание трансмонгольских авто- и железнодорожных коридоров, строительство газо- и нефтепровода, энергетических линий между Россией и Китаем. Новую правительственную структуру возглавил министр экономического развития Монголии. В рамках реализации данного трансграничного проекта будут проделаны инфраструктурные работы по прокладке скоростной автомагистрали протяженностью 997 км, возведению линий электропередачи длиной 1100 км, строительству газо- и нефтепровода.

В результате реализации данного проекта будет усиливаться поток внутренних и иностранных инвестиций, выйдет на новый уровень развития монгольский энергетический и горнорудный секторы, значительно повысится объем ВВП.

Монгольская инициатива нашла позитивный отклик в российской общественной и экспертной среде. Как отмечалось в российских СМИ, проведение газопроводов, ЛЭП, железных и автомобильных дорог из России в Китай по монгольской территории укоротит путь, по крайней мере, на 1500 км и позволит вести коммуникации по степи, а не по горам. У проекта могут быть и экологические плюсы: газопровод через Монголию позволит не разрушать объект Всемирного наследия «Горы Алтай», а ЛЭП может сделать невыгодным строительство ГЭС на Селенге¹².

9 июля 2015 г. успешно прошла вторая встреча глав Монголии, России и Китая. В ходе этой встречи были обсуждены перспективные направления сотрудничества между Монголией, Россией и Китаем, а также приняты некоторые конкретные решения. Были под-

писаны документы о сотрудничестве между тремя государствами и тем самым создана правовая база трехстороннего взаимодействия. Как заявил по ее итогам Президент Монголии Ц. Элбэгдорж, «Монголия координирует свой проект «Степной путь» с Экономическим поясом Шелкового пути под названием «Китайско-монголо-российский экономический коридор». Также мы выражаем заинтересованность в сотрудничестве в рамках инициативы «Трансевразийского коридора»¹³.

Россия рассматривает свое участие в ЭПШП прежде всего через призму решения масштабной национальной задачи подъема Восточной Сибири и Дальнего Востока. Россия выступает за активное сотрудничество и добросовестную конкуренцию при обслуживании товарных потоков из стран АТР в Европу, считая, что имеет в этом вопросе объективные конкурентные преимущества.

В этой связи министр по делам развития Восточной Сибири и Дальнего Востока РФ А. Галушка заявил, что считает экономически рациональным основанием для возрождения Шелкового пути поддержку странами АТР российских проектов в сфере транспорта. В первую очередь это реконструкция Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей, а также строительство их дублеров. Кроме того, это строительство Транскорейской магистрали с дальнейшим присоединением к Транссибу, ввод новых трансграничных мостов через реку Амур, новых портов и энергетических трубопроводов¹⁴.

Реализация ЭПШП позволяет России с Китаем развивать более активное экономическое сотрудничество, которое будет затрагивать не только районы Дальнего Востока и Сибири, но и европейскую часть нашей страны. Китай вполне может ежегодно вкладывать во взаимовыгодное сотрудничество с Россией порядка 120 млрд долл. Такие суммы позволят дополнительно подтолкнуть развитие российской экономики, используя китайские экономические возможности¹⁵.

Важным проектно-финансовым инструментом реализации ЭПШП становится Фонд Шелкового пути. Он является средне- и долгосрочным фондом развития и инвестиций, который предоставляет помощь странам и регионам, расположенным вдоль экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века

(«пояс и путь»), в реализации крупномасштабных проектов, обеспечивающих расширение транспортно-коммуникационных возможностей региона.

2.2. ШОС как институциональная основа сопряжения ЕАЭС и ИПП

Состоявшийся в июле 2015 г. Уфимский саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), определивший стратегию развития Организации на среднесрочный период, стал наглядной иллюстрацией тренда к углублению взаимосвязи и взаимозависимости проблем безопасности и развития на глобальном и региональном уровнях.

Растет общее понимание того, что обеспечение безопасности не должно строиться в изоляции от проблемы развития и базироваться лишь на принципе защиты объекта безопасности от угроз и негативных воздействий. Новая философия выживания должна соединить в одно дело развитие и обеспечение безопасности, что подразумевает обеспечение безопасности через устойчивое развитие.

Предстоящее десятилетие станет периодом динамичных перемен в международных отношениях, связанных со становлением полицентричного мироустройства, укреплением регионального уровня глобального управления и усилением позиций развивающихся стран. Глобализация и технологический прогресс будут способствовать росту взаимозависимости государств. Усилится взаимосвязь между безопасностью и экономическим благополучием субъектов международных отношений. Комплексный характер вызовов и угроз требует выработки коллективных подходов к борьбе с ними, а также осознания невозможности обеспечения собственной безопасности за счет безопасности других¹⁶.

Как отмечено в Стратегии развития ШОС до 2025 г., экономическое сотрудничество является важным элементом обеспечения стабильности на пространстве ШОС, одним из инструментов достижения устойчивости самой Организации на длительную перспективу. ШОС будет способствовать обеспечению гармоничного развития

всех государств-членов в интересах сбалансированного экономического роста в регионе¹⁷.

В Уфимской декларации глав государств-членов ШОС также подтверждена необходимость принятия совместных мер в целях обеспечения устойчивого социально-экономического роста, интенсификации торгово-экономической и инвестиционной деятельности, развития сотрудничества в высокотехнологичных отраслях экономики, модернизации различных отраслей промышленности, совершенствования транспортно-логистической, информационно-коммуникационной и иной инфраструктуры, повышения экономической конкурентоспособности, уровня и качества жизни населения государств — членов ШОС¹⁸.

Именно поэтому в качестве одной из приоритетных целей развития Организации Стратегия определяет углубление торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия, а также совместной проектной деятельности на приоритетных направлениях сотрудничества в целях устойчивого развития государств-членов, повышения благосостояния и уровня жизни их населения¹⁹.

Для достижения этой цели, отмечается в Стратегии, государства — члены ШОС сконцентрируют свои усилия на решении следующих задач:

- создание в рамках ШОС благоприятных условий для устойчивого роста торгового и инвестиционного взаимодействия, разработки и реализации совместных инфраструктурных проектов, а также укрепления делового сотрудничества с участием Делового совета и Межбанковского объединения ШОС;
- формирование общих подходов государств — членов ШОС в отношении инициативы Экономического пояса Шелкового пути как одного из инструментов создания благоприятных условий для продвижения экономического сотрудничества на пространстве ШОС²⁰.

ШОС, как и любая другая международная организация, не свободна от проблем и противоречий. Она создавалась как раз для того, чтобы преодолевать эти противоречия в процессе координации политики для достижения гармонизации национальных интересов стран-членов Организации. «Обеспечивая площадку для взаимоува-

жительного, равноправного, конструктивного диалога, ШОС создаст необходимую атмосферу для того, чтобы эти противоречия максимально сглаживались, чтобы страны, которые в отношениях друг с другом испытывали подобные противоречия, имели дополнительный формат для обсуждения существующих сложностей и нахождения необходимых решений», — отметил министр иностранных дел РФ С. Лавров, выступая на пресс-конференции «на полях» саммитов ШОС и БРИКС в Уфе²¹.

Так, в Уфимской декларации особо отмечено, что государства-члены продолжают работу над созданием Фонда развития (Специального счета) ШОС и Банка развития ШОС с целью стимулирования торговых и инвестиционных связей в регионе. Этот вопрос, который обсуждается в рамках ШОС далеко не первый год, критики организации считают неким «камнем преткновения».

В чем суть проблемы? Растущая экономическая мощь Китая порождает опасения у других стран — членов ШОС относительно того, что новый финансовый институт (кстати, предложенный именно Китаем) может стать инструментом китайского доминирования.

Логика китайской стороны понятна и основана на естественном стремлении использовать в рамках ШОС свое конкурентное преимущество: китайская экономика, во многом все еще сориентированная на экспорт, будет требовать расширения рынков сбыта. Поэтому в свое время Китай предложил идею зоны свободной торговли ШОС, а позднее — Фонда развития и Банка развития ШОС, чтобы качественно расширить инструментарий своего торгово-экономического влияния.

Чтобы сбалансировать эту тенденцию, Россия и Казахстан в свою очередь предложили создавать Банк развития ШОС на основе расширения возможностей уже существующего Евразийского банка развития со штаб-квартирой в Алматы. Это породило новый виток дискуссий в рамках ШОС, которые продолжаются и по сей день.

Может ли торгово-экономическое сотрудничество в рамках ШОС быть асимметричным — вот главная дилемма для стран-участниц. А. Габуев, например, полагает, что КНР не согласится войти в Евразийский банк развития в статусе младшего или даже равного России партнера и при создании Банка развития ШОС придется со-

гласиться на ключевые условия — китайское доминирование в капитале, размещение органов управления в Пекине или Шанхае, а соответственно — на большое число граждан КНР среди сотрудников банка.

По мнению эксперта, дипломатические усилия следовало бы направить не на изменение этих базовых для Китая параметров, а на отражение в нормативных документах положений, соответствующих интересам России и ее партнеров в Центральной Азии: включение в Положение о банке и Руководство по инвестированию лучших практик Всемирного банка, Азиатского банка развития, ЕБРР и других подобных институтов, которые позволяют максимально учитывать интересы страны-реципиента кредита. Следовало бы также прописать в документах порядок формирования льготных ставок, обязательное наличие местных подрядчиков при реализации проектов (и установление минимального объема работ, выполняемых местными компаниями), жесткое соблюдение экологического законодательства, уровень передачи технологий и пр.²²

В Стратегии развития ШОС до 2025 г. отмечено, что будут приняты меры по реализации транзитного потенциала ШОС, формированию региональных транспортных и транзитных коридоров. Важным направлением совместной работы станет взаимодействие в области модернизации инфраструктуры и логистики, в том числе путем расширения на пространстве ШОС сети международных логистических центров и формирования сети промышленных кластеров вдоль транспортных артерий²³.

Усилению транспарентности и взаимосвязанности способствует и создание новых многосторонних финансовых институтов, включая Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд развития Шелкового пути.

29 июня 2015 г. представители 57 стран-учредителей АБИИ (среди них были все страны — члены ШОС) присутствовали на церемонии подписания соглашения о создании АБИИ, которое станет «основным законом» Банка и его будущего функционирования. Соглашение, состоящее из 11 глав и 60 статей, подробно определяет цели АБИИ, акционерный капитал, операционную деятельность, структуру управления, обуславливает мандаты членов, право голоса, ме-

ханизм принятия решений и другие ключевые факторы. Уставной капитал Банка установлен в размере 100 млрд долл., соотношение инвестиций азиатских стран и стран за пределами Азии составляет 75 к 25. Китай инвестирует 29 млрд 780,4 млн долл. и получает 26,06 % голосов. По этим показателям КНР пока является крупнейшим акционером Банка и обладает наибольшей долей голосов.

По мере роста операций Банка планируется открытие региональных структур и представительств. Директор АБИИ будет избираться из числа представителей азиатских стран-участниц сроком на 5 лет с возможным переизбранием еще на один пятилетний срок. Все государства-основатели смогут стать полноценными членами-учредителями после того, как их парламенты ратифицируют соглашение до 31 декабря 2016 г. Согласно плану, АБИИ начнет работу к концу текущего года²⁴.

Наиболее очевидным воплощением активизации усилий Китая по усилению своего присутствия в Евразии и регионе Центральной Азии является проект Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Он является одним из наиболее знаковых и новаторских проявлений современных тенденций экономической регионализации и глобализации. В случае своей реализации он коренным образом изменит геоэкономическую и геополитическую ситуацию в Евразии. Концепция этого мегапроекта вызвала споры и дискуссии в российском научном и экспертном сообществе.

ЭПШП — комплексный мегапроект нового типа. Рамки экономического пояса Шелкового пути не ограничиваются только Центральной Азией, благодаря Шелковому пути связываются Тихоокеанское кольцо и европейское экономическое кольцо, охватывается вся Евразия. Путем повышения открытости Западу КНР надеется углубить торговые связи и экономическое сотрудничество между центральными и западными районами страны и Центральной, Южной и Западной Азией, вместе с тем, дать толчок экономическому взаимодействию в Евразии, осуществить перераспределение региональных ресурсов в энергетике, продуктах минерального происхождения, туризме, культуре, промышленности и сельском хозяйстве, реализовать рациональное распределение, взаимное дополнение, общее процветание в производстве региональных стран.

Экономический пояс Шелкового пути будет построен на базе новой модели сотрудничества. ЭПШП не предполагает создания региональной организации экономической интеграции, не преследует цели строительства единого и принудительного режима, не собирается нарушать имеющуюся региональную систему. Благодаря углублению связей между политическими установками, инфраструктурой, а также укреплению торговых сношений, денежного обращения, контактов между народами постепенно сформируется цельная региональная структура сотрудничества, которая сделает более тесными и удобными связи между странами Евразии.

Необходимо учитывать, что Договор о Евразийском экономическом союзе предусматривает создание «режима свободной торговли товарами в понимании ГАТТ 1994 в торговле с третьей стороной на основании международного договора Союза с такой третьей стороной с учетом положений статьи 102 настоящего Договора. Международный договор Союза с третьей стороной, устанавливающий режим свободной торговли, может включать иные положения, связанные с внешнеэкономической деятельностью»²⁵.

Нельзя не согласиться с авторами аналитического доклада Международного дискуссионного клуба «Валдай» в том, что «в процессе неизбежного и желательного для региона экономического продвижения Китая в Центральную Азию ЕАЭС становится эффективным инструментом торговой защиты национального рынка при сохранении его инвестиционной привлекательности. Связка ЕАЭС—ЭПШП с высокой степенью вероятности станет стимулом к расширению и укреплению Союза, поскольку будет усиливать позиции стран-членов визиavi даже самых мощных внешних партнеров»²⁶.

Уфимский саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), определивший стратегию развития организации на среднесрочный период, стал наглядной иллюстрацией тенденции к углублению взаимосвязи и взаимозависимости проблем безопасности и развития на глобальном и региональном уровне.

Становится все более общепринятым понимание того, что обеспечение безопасности не должно строиться на изоляции от проблемы развития и базироваться лишь на защите объекта безопасности от угроз и негативных воздействий. Новая философия выживания и безопасно-

сти должна соединять в одно целое развитие и обеспечение безопасности, т. е. обеспечивать безопасность через устойчивое развитие.

Россия взяла курс на отстаивание приоритетов транспарентности и взаимосвязанности торгово-экономических отношений в Евразии и АТР, поскольку именно это помогает ей стать активным и заинтересованным участником обсуждения новых правил региональной торговли. Такой курс соответствует долгосрочным геополитическим интересам страны.

В Стратегии развития ШОС до 2025 г. отмечено, что будут приняты меры по реализации транзитного потенциала ШОС, формированию региональных транспортных и транзитных коридоров. Важным направлением совместной работы станет взаимодействие в области модернизации инфраструктуры и логистики, в том числе путем расширения на пространстве ШОС сети международных логистических центров и формирования сети промышленных кластеров вдоль транспортных артерий²⁷.

В своем выступлении на Совете глав государств — участников ШОС в расширенном составе 10 июля 2015 г. президент РФ В.В. Путин обобщенно изложил подходы российской стороны к «экономическому вектору» развития ШОС в контексте всеобъемлющего обеспечения региональной безопасности:

«Мы придаем особое значение дальнейшему углублению торгово-экономического взаимодействия в рамках ШОС. Очевидно, что сообща мы можем более действенно противостоять кризисным явлениям в мировой экономике и финансах, легче преодолевать разного рода ограничения и барьеры. Считаю важным и развитие сотрудничества по обеспечению продовольственной, транспортной, энергетической, финансовой безопасности. Готовы плотно работать над реализацией идеи сопряжения двух интеграционных проектов: Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути»²⁸.

Владимир Путин также предложил наполнить конкретными задачами деятельность Энергетического клуба ШОС и приветствовал активное вовлечение в продвижение практической кооперации бизнес-сообществ наших стран и подчеркнул важную роль, которую призван сыграть в этом Деловой совет ШОС. Он назвал многообе-

щающей идею учреждения на базе Межбанковского объединения ШОС международного центра проектного финансирования, призвал активнее использовать и возможности уже действующих в регионе финансовых структур: Евразийского банка развития, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и создаваемого Нового банка развития БРИКС²⁹.

Уфимская декларация ШОС содержит конкретную программу развития торгово-экономической составляющей деятельности организации. В ней говорится, что государства-члены намерены и далее развивать многостороннее взаимодействие в таких областях, как таможенное сотрудничество, транспорт, энергетика, промышленность, телекоммуникации, сельское хозяйство, наука и новые технологии, охрана окружающей среды, обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, продолжать работу по подготовке Перечня мероприятий по дальнейшему развитию проектной деятельности в рамках ШОС на 2017—2021 гг. Они будут содействовать формированию благоприятных условий для торговли и инвестиций, поощрять внедрение инноваций и развитие сотрудничества между субъектами малого и среднего бизнеса.

Государства-члены активизируют работу по реализации совместных экономических, инфраструктурных и инвестиционных проектов с использованием потенциала Делового совета ШОС и Межбанковского объединения ШОС. Они отмечают целесообразность привлечения к проектной деятельности правительственных структур и деловых кругов государств-наблюдателей и партнеров по диалогу, а также задействования механизмов государственно-частного партнерства³⁰.

Вполне вероятно, что будущее региональной безопасности в зоне ответственности ШОС будет определяться стратегическим балансом «распределения ролей» России и Китая в этой организации: РФ в рамках ШОС будет уделять преимущественное внимание вопросам безопасности, а КНР — вопросам экономического развития, торговли и взаимных инвестиций. Такая стратегическая взаимодополняемость укрепит потенциал и стабильное развитие ШОС на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

2.3. Финансово-экономическое сотрудничество в рамках ШОС. Взгляд из России, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана

ШОС, как и любая другая международная организация, не свободна от проблем и противоречий. Она создавалась именно для того, чтобы преодолевать эти противоречия в процессе координации политики для достижения гармонизации национальных интересов стран-членов Организации. Одним из таких проблемных вопросов для ШОС является развитие многостороннего инвестиционно-финансового сотрудничества в рамках организации, включая не в последнюю очередь создание Фонда развития (Специального счета) ШОС и Банка развития ШОС с целью стимулирования торговых и инвестиционных связей в регионе. Этот вопрос, который обсуждается в рамках ШОС далеко не первый год, критики организации считают неким «камнем преткновения».

Вопрос о создании Банка развития ШОС вписывается в общий контекст развития торгово-экономических отношений и интеграционных процессов в Евразии и АТР. Не случайно Генеральный секретарь ШОС Д. Мезенцев отметил в своем выступлении на Уфимском саммите организации: «В практике экономического взаимодействия в ШОС должна учитываться повестка дня динамично развивающегося нового интегрального объединения — ЕАЭС, масштабная инициатива Председателя Китайской Народной Республики господина Си Цзиньпина о строительстве «Экономического пояса Великого шелкового пути». Важно учесть запуск крупнейшего проекта — Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, соучредителями которого выступили все государства — члены ШОС. Полагаем, это позволило бы уточнить позиции сторон, формирующих и долго ведущих работу над формированием подходов к созданию Банка развития и Фонда развития ШОС»³¹.

В ходе Уфимского саммита стран ШОС заместитель министра иностранных дел КНР Чэн Гопин заявил, что Банк развития Шанхайской организации сотрудничества будет являться инструментом финансирования общих проектов, дополняющим уже существующие

шие финансовые межгосударственные институты: «можно сказать, что этот новый банк ШОС, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Новый банк развития БРИКС дополняют друг друга, стимулируют развитие, не противоречат друг другу»³².

В свою очередь президент Казахстана Н. Назарбаев отметил потенциал формирования единой системы поддержки регионального сотрудничества, включая возможности синхронизации совместных мер по улучшению инвестиционно-финансового климата в рамках АБИИ, Евразийского банка развития и Банка развития БРИКС. Таким образом, участникам ЕАЭС, ШОС и резидентам проекта Экономического пояса Шелкового пути имеет смысл рассмотреть возможности создания и взаимодействия наднациональных финансовых институтов как части единой системы инвестиционных инструментов.

По мнению аналитиков Фонда «Берлек-Единство», синхронизация деятельности международных финансовых институтов сегодня может быть интересна всем странам региона. Еще совсем недавно к созданию Банка развития ШОС миноритарные акционеры ЕАБР относились скептически. Вступившие в Евразийский экономический союз Армения и Кыргызстан опасались формирования Банка ШОС на основе Евразийского банка развития, так как это могло привести к сокращению финансирования некоторых переходных проектов их интеграции в ЕАЭС. Однако новый наднациональный банк развития (не на базе другого института, а именно как самостоятельное образование) эти риски исключил. Теперь важно, чтобы «молодые» финансовые институты функционировали в режиме общей согласованности с другими аналогичными формированиями³³.

Уфимский саммит ШОС показал четкий настрой глав государств-участников на ускорение процесса создания Фонда развития и Банка развития ШОС, что отражает усиление роли экономической безопасности в создании всеобъемлющей системы региональной безопасности в Евразии. Президент Казахстана Н. Назарбаев отметил, что в целях полноценного запуска экономического трека ШОС нужно продолжать поиск компромиссов. А Президент Кыргызстана А. Атамбаев недвусмысленно заявил: «Думаю, нам необходимо поручить, причем жестко поручить, нашим правительствам все-таки до-

говориться и доработать вопрос о создании Банка развития и Фонда развития ШОС, с тем чтобы выйти на конкретные результаты»³⁴.

Ниже следует краткий обзор истории формирования механизмов финансово-инвестиционного сотрудничества в рамках ШОС. Российская интерпретация истории формирования финансовых механизмов ШОС отражена в опубликованном в октябре 2014 г. справочном материале МИД РФ. В нем говорится, что на заседании Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (СГГ ШОС) в июне 2004 г. в Ташкенте по инициативе Пекина была достигнута принципиальная договоренность начать проработку вопроса о создании Фонда развития ШОС. В сентябре 2004 г. в Бишкеке принято решение Совета глав правительств государств — членов (СГП) ШОС о создании экспертной рабочей группы для подготовки предложений о принципах формирования и порядке функционирования такого Фонда.

С 2005 г. заседания экспертной рабочей группы по Фонду развития проводились на регулярной основе, но без осязаемого результата в согласовании концептуальных основ создания и функционирования этой структуры. В январе 2009 г. в рамках группы был запущен процесс обсуждения российской идеи открытия Специального счета при Секретариате ШОС под конкретные программы и проекты. Имелось в виду привлечь для его формирования добровольные взносы государств-членов, а также взносы участников проектов и инвесторов, включая предприятия и организации государственного и негосударственного сектора, фонды и общественные организации. Предлагалось также использовать безвозмездную помощь международных организаций и государств, не являющихся членами ШОС.

В декабре 2009 г. в Алматы состоялась первая встреча министров финансов и руководителей центральных (национальных) банков государств — членов ШОС, на котором российская сторона внесла на рассмотрение предложение об использовании Спецсчета для финансирования исключительно технико-экономического обоснования совместных проектов с выделением средств на основе срочности, платности и возвратности и с капитализацией до 15 млн долл. Однако центральноазиатские партнеры, поддерживая российскую идею в целом, настаивали на расширении сферы использования

Счета путем выделения из него средств в том числе на проведение различных совместных мероприятий, семинаров и подготовку специалистов. В дальнейшем этот вопрос регулярно, но без заметного прогресса рассматривался на встречах экспертов, а решение продолжить работу по нему ежегодно подтверждалось на заседаниях СГГ и СГП ШОС.

В ноябре 2012 г. китайская сторона в контактах с российской стороной на рабочем уровне приступила к зондажу возможности своего вступления в Евразийский банк развития (ЕАБР) с тем, чтобы использовать его в качестве механизма финансирования проектов в рамках ШОС. При этом Минфин КНР предложил начать консультации с российскими коллегами по модальностям решения этого вопроса.

В июне 2013 г. в Санкт-Петербурге на встрече Первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации И.И. Шувалова с первым заместителем Премьера Госсовета КНР Чжан Гаоли была достигнута принципиальная договоренность приступить к экспертной проработке вопроса о присоединении Китая к ЕАБР. В июле в Москве состоялись неформальные консультации с заместителем министра финансов КНР Жу Гуанчжао, который подтвердил готовность присоединиться к ЕАБР на паритетных с Россией условиях.

В докладе Президенту Российской Федерации, подготовленном МИД России, Минфином России и Минэкономразвития России в ноябре 2013 г., предлагалось отказаться от паритета с китайской стороной при формировании уставного капитала Банка развития ШОС, а также от предложения по созданию Фонда развития (Спецсчета) ШОС с тем, чтобы исключить чрезмерную нагрузку на федеральный бюджет. При этом согласие на переговоры предлагалось обусловить реальными подвижками со стороны остальных партнеров по ряду политических аспектов деятельности ШОС (прием новых членов, создание универсального центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности). Подчеркивалась также необходимость тщательной проработки шагов по укреплению потенциала ЕАБР в случае подключения к нему китайской стороны на паритетных с Россией условиях (не более 1 млрд долл.).

В декабре 2013 г. во исполнение поручения В.В. Путина Правительство Российской Федерации поручило МИДу, Минфину и Минэкономразвития России «подготовить согласованные предложения с проектом директив для проведения переговоров по вопросам учреждения Банка развития ШОС» (с привлечением при необходимости Банка России и Внешэкономбанка).

На встрече заместителя министра финансов России Д.В. Панкина с заместителем министра финансов КНР Ши Яобином в Москве в декабре 2013 г. была подтверждена готовность Китая войти в ЕАБР и рассмотреть возможность возложения на эту структуру функций Банка развития ШОС (с соответствующей корректировкой названия).

С учетом этого Министр финансов России А.Г. Силуанов в конце декабря 2013 г. обратился к заместителю премьер-министра — министру финансов Республики Казахстан Б.Т. Султанову с просьбой высказать позицию Казахстана как соучредителя ЕАБР по китайскому предложению. Официальной реакции казахстанской стороны на обращение А.Г. Силуанова не поступило. В полученном в рабочем порядке письме вице-министра финансов Казахстана Р. Даленова в адрес Минфина России с копией в ЕАБР от февраля 2014 г. была выражена просьба представить «полную информацию и дальнейшее видение вопроса о вхождении КНР в ЕАБР, а также реализации ЕАБР функций Банка развития ШОС». Такая информация была направлена в Астану в марте 2014 г.

В мае 2014 г. в Пекине по российской инициативе состоялись переговоры Первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации И.И. Шувалова с вице-премьером Госсовета КНР Чжан Гаоли, министром финансов Лоу Цзивэем, руководством Народного банка Китая и Китайской инвестиционной корпорации. С российской стороны во встрече принимали участие также министр финансов А.Г. Силуанов и министр экономического развития А.В. Улюкаев. В повестке дня присутствовал вопрос о создании в ШОС финансовых механизмов.

В ходе консультаций зам. министра финансов России Д.В. Панкина с китайским коллегой в августе 2014 г. в Пекине была достигнута договоренность о подготовке плана действий по созданию Банка развития ШОС. Проект такого документа, разработанный Минфи-

ном России, предусматривал согласование вопроса о преобразовании ЕАБР в банковскую структуру ШОС с Китаем, Казахстаном (как соучредителем ЕАБР) и Узбекистаном (членом ЕАБР не является) с последующим запуском переговорного процесса в шестистороннем шосовском формате³⁵.

МБО ШОС

26 октября 2005 г. во время совещания в Москве премьер-министров стран ШОС в присутствии руководителей 10 членов и наблюдателей организации был создан региональный механизм международного финансового сотрудничества — Межбанковское объединение (МБО) ШОС. Межбанковское объединение (МБО) ШОС — механизм финансирования и банковского обслуживания инвестиционных проектов, поддерживаемых правительствами государств-членов, расширяет возможности сотрудничества в финансовой сфере, используя потенциал банковских и финансовых институтов.

Объединение было создано в развитие решения Совета глав правительств (премьер-министров) государств — членов ШОС (СГП) от 2004 г. о формировании Фонда развития Организации. В связи с серьезными расхождениями в подходах было принято предложение российской стороны работать по двум направлениям — собственно Фонду развития и «банковскому пулу», который позднее трансформировался в МБО.

Председателем Совета МБО — координационного органа объединения — до конца октября 2011 г. являлась российская сторона. 14 июня 2006 г. в Шанхае состоялось заседание Совета МБО, где был принят ряд документов, закладывающих нормативно-правовую основу для эффективного функционирования объединения: «Положение о работе Совета Межбанковского объединения в рамках ШОС», «Общие принципы формирования и управления банком проектов Межбанковского объединения ШОС» и «Рамочные принципы по предоставлению кредитных линий между банками — членами Межбанковского объединения в рамках ШОС». Кроме того, представители МБО подписали Программу действий в поддержку регионального экономического сотрудничества между банками — членами МБО в рамках ШОС.

МБО и Деловым советом ШОС (неправительственная структура, объединяющая деловые круги государств-членов) 16 августа 2007 г. «на полях» заседания Совета глав государств — членов ШОС подписано Соглашение о сотрудничестве. Данный документ предусматривает создание единой базы данных по инвестиционным проектам, предлагаемым к совместной реализации в рамках Организации, обмен деловыми предложениями, координацию действий в информационной сфере с целью широкого и объективного освещения экономического взаимодействия в ШОС, сотрудничество в области подготовки специалистов для работы на экономическом направлении.

В ходе Душанбинского саммита 28 августа 2008 г. подписан меморандум об основах партнерских отношений между МБО ШОС и Евразийским банком развития. Меморандум об основах партнерских отношений между МБО ШОС и Евразийским банком развития (разработан по инициативе Внешэкономбанка в 2007 г.) предусматривает установление долговременного сотрудничества на принципах равноправия, добровольности и взаимной выгоды, исходя из общепринятой международной банковской практики. Обозначенные сферы партнерства: финансирование совместных инвестиционных проектов и экспортных операций (условия оговариваются по каждому отдельному случаю), обмен опытом, в том числе через проведение семинаров и бизнес-форумов, проведение регулярных консультаций по проблемам, представляющим взаимный интерес, постоянный обмен информацией о потенциальных клиентах и перспективных проектах, а также относительно рисков при их реализации.

Основные усилия МБО в 2010 г. были направлены на реализацию задач, поставленных Совместной инициативой по активизации многостороннего экономического сотрудничества по преодолению последствий мирового финансово-экономического кризиса и обеспечению дальнейшего развития экономик государств — членов ШОС, принятой на заседании Совета глав правительств 14 октября 2009 г.

Приоритетное внимание банки — члены МБО уделяли инвестиционному сотрудничеству. Вместе с тем следует отметить, что большинство проектов реализуется преимущественно на двусторонней основе. К этой работе активно подключился Евразийский банк развития (ЕАБР).

В стадии реализации находились такие проекты, как строительство цементного завода в г. Сланцы Ленинградской области (стоимость проекта — 442,2 млн евро, участвуют Внешэкономбанк и ГБРК), создание вагоностроительного завода в г. Тихвин Ленинградской области (стоимость проекта — 998 млн долл., участвуют Внешэкономбанк и ЕАБР). С участием банков — членов МБО также реализовывались такие крупные проекты региона ШОС, как строительство Мойнакской ГЭС (Казахстан, объем инвестиций первой очереди — 250 млн долл. участвуют ГБРК и АО «Банк развития Казахстана»), строительство участка автомобильной трассы Китай—Кыргызстан—Узбекистан (участвует ГБРК).

Также было подписано кредитное соглашение по проекту строительства 3-го энергоблока на Экибастузской ГРЭС-2 в Республике Казахстан (стоимость проекта — 789,2 млн долл., участвуют на паритетной основе Внешэкономбанк и ЕАБР, поставку оборудования для ГРЭС в объеме 400 млн долл. должна будет осуществлять российская компания «Силовые машины»). Определена схема финансирования строительства установки бутан-пропановой смеси на Мубарекском газоперерабатывающем заводе в Республике Узбекистан (объем инвестиций — более 220 млн долл., участвуют ГБРК и Нацбанк внешнеэкономической деятельности Узбекистана).

Путем взаимного предоставления кредитных линий банки-члены МБО ШОС оказали совместную поддержку сельскохозяйственным проектам Таджикистана, проектам малого и среднего бизнеса Узбекистана и Кыргызстана. Предпринимались шаги по переходу на использование национальных валют при проведении расчетов и кредитовании проектов (ГБРК договорился об операциях в юанях с РСК Банком (Киргизия) на сумму, эквивалентную 2 млн долл., и с ГСБ «Амонатбанк» (Таджикистан).

Банки — члены МБО приняли участие в разработке основных принципов формирования и функционирования Специального счета ШОС. В частности, изучалась возможность использования механизма МБО при проведении межбанковских расчетов и организации финансирования инвестиционных проектов на возвратной основе с использованием средств Специального счета ШОС.

В соответствии с принятым в 2009 г. Советом МБО регламентом сотрудничества с финансовыми институтами государств-наблюдателей при ШОС Объединение во взаимодействии с Секретариатом ШОС предприняло шаги в целях активизации процесса определения правительствами государств-наблюдателей при ШОС потенциальных финансовых партнеров МБО. Так, в работе последнего заседания Совета МБО ШОС в июне 2010 г. в Пекине принял участие представитель Эксимбанка Индии. Была получена заявка о присоединении к деятельности МБО уполномоченного банка Белоруссии как государства — партнера по диалогу ШОС.

Совершенствовалась институциональная основа МБО ШОС. В ходе заседания Совета МБО ШОС в июне 2010 г. руководители банков-членов отметили последовательную реализацию Программы действий в поддержку регионального экономического сотрудничества, принятую в 2006 г., и констатировали, что этап организационного становления МБО завершен.

По предложению Председателя Внешэкономбанка В.А. Дмитриева была разработана Стратегия дальнейшего развития МБО ШОС на среднесрочную перспективу (2012—2016 гг.). Смысл стратегии — определение параметров, форм и направлений совместной деятельности в целях более полного использования потенциала МБО ШОС при решении актуальных задач проведения модернизации и поддержки инновационного развития экономик государств-членов в посткризисных условиях. Стратегия была подписана в присутствии глав правительств государств — членов ШОС (Санкт-Петербург, 7 ноября 2011 г.). В 2010 г. значительное внимание уделялось работе по обмену опытом и подготовке кадров на основе соответствующего соглашения, принятого банками-членами МБО ШОС 14 июня 2009 г. в Екатеринбурге.

В рамках данного направления состоялась стажировка представителей Внешэкономбанка в Государственном банке развития Китая (ГБРК). Участникам была предоставлена возможность получить расширенную информацию о структуре управления ГБРК, системах планирования и финансового управления, методах управления рисками, основных механизмах внутреннего аудита ГБРК и системе управления персоналом.

Представители банков — членов МБО ШОС (АО «Банк развития Казахстана», ОАО «РСК Банк» (Кыргызская республика) приняли участие в организованной при содействии Внешэкономбанка пятой международной межбанковской конференции «Человек как капитал. Новые горизонты развития», которая прошла 22 апреля 2010 г. в Москве. Круглый стол в рамках конференции был посвящен особенностям управления человеческими ресурсами в посткризисный период, совершенствованию форм и методов управления персоналом. Представители банков — членов МБО ШОС также приняли участие в семинаре по финансовому сотрудничеству и региональному экономическому развитию, организованном Государственным банком развития Китая в рамках «Дня ШОС» на 19-й Международной торгово-экономической ярмарке в г. Урумчи в сентябре 2010 г.

5 июня 2012 г. в Пекине состоялось очередное заседание Совета МБО ШОС, на котором был принят целый ряд документов. В частности, Соглашение о сотрудничестве между банками — членами МБО ШОС по обслуживанию и развитию реального сектора экономики. Документ определяет приоритетные для финансирования направления (производство высокотехнологичного и инновационного оборудования, энергосбережение и охрана окружающей среды, модернизация сельского хозяйства и АПК, малый и средний бизнес и др.). Данное Соглашение является своего рода «дорожной картой» по реализации Стратегии дальнейшего развития МБО ШОС на среднесрочную перспективу (2012—2016 гг.). Было подписано также Соглашение о сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды и энергосбережения между банками — членами МБО ШОС. Целью документа является обеспечение эффективного взаимодействия, обмена опытом и информационного сотрудничества в сфере охраны окружающей среды, энергосбережения и уменьшения выбросов в атмосферу, а также поддержка развития альтернативной энергетики и освоения возобновляемых источников энергии.

По итогам заседания было принято решение о присвоении ОАО «Сберегательный банк «Белорусбанк» статуса банка — партнера МБО ШОС. «Белорусбанк» стал первым финансовым институтом государства, имеющего официальный статус при ШОС, получившим статус банка — партнера объединения. Принято также заявле-

ние (инициатива) Совета МБО ШОС по вопросам устойчивого развития. Согласно документу, банки — члены МБО будут повышать эффективность инвестиционной деятельности, стимулировать социально-экономический рост путем рационального использования ресурсов на благо народов государств — членов ШОС, стремиться к достижению энергетической безопасности, а также совершенствовать собственные системы КСО и продвигать ее принципы среди всех заинтересованных сторон.

С 26 октября 2011 г. по 26 октября 2012 г. банком-председателем в МБО ШОС являлась АО Корпорация «Государственный банк развития Китая». С 26 октября 2012 г. председательство перешло к ОАО «РСК Банк» (Киргизская Республика).

13 сентября 2013 г. в Бишкеке состоялось IX заседание Совета Межбанковского объединения в рамках Шанхайской организации сотрудничества (МБО ШОС), приуроченном к заседанию Совета глав государств — членов ШОС. Основными темами обсуждения стали реализация многосторонних инвестиционных проектов и взаимодействие с финансовыми институтами государств-наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС. Участники заседания рассмотрели вопросы текущей деятельности и обозначили первоочередные задачи, стоящие перед Объединением в рамках реализации Стратегии дальнейшего развития МБО ШОС на среднесрочную перспективу (2012—2016 гг.).

Банками-членами МБО было принято Положение о порядке функционирования рабочей группы МБО ШОС по рассмотрению совместных инвестиционных проектов и механизма гарантий и страхования инвестиций. Документ призван активизировать работу по отбору инвестиционных проектов для возможного совместного финансирования банками-членами МБО ШОС³⁶.

В настоящее время банками — членами МБО ШОС являются Банк Развития Казахстана, Государственный банк развития Китая, РСК Банк (Расчетно-сберегательная компания Кыргызстана), Государственная корпорация Банк развития и внешнеэкономической деятельности («Внешэкономбанк», Россия), Государственный сберегательный банк «Амонатбанк» (Таджикистан) и Национальный банк внешнеэкономической деятельности Республики Узбекистан.

Банки — партнеры МБО ШОС — Акционерный Сберегательный банк «Беларусбанк»; «Хабиб Банк Лимитед» (Пакистан) и Банк развития Монголии.

Приоритетные направления деятельности МБО ШОС в 2017 г. включают в себя утверждение новой Стратегии дальнейшего развития Объединения на среднесрочную перспективу (2017—2021), взаимодействие с международными финансовыми институтами, действующими на пространстве ШОС и в азиатском регионе, расширение сотрудничества с финансовыми институтами государств — членов и партнеров по диалогу ШОС³⁷.

Упомянутая Стратегия была утверждена на XIII заседании совета МБО ШОС в Астане. Согласно стратегии, МБО ШОС в своей работе сосредоточится на следующих приоритетных направлениях:

- совместное финансирование проектов в приоритетных сферах, представляющих интерес для экономик государств — членов ШОС;
- обновление перечня инвестиционных проектов, рекомендуемых банками — членами МБО ШОС для совместного финансирования;
- создание многосторонних механизмов финансирования приоритетных проектов;
- содействие развитию экспортного потенциала стран банков-членов и банков — партнеров МБО ШОС, в том числе по линии малого и среднего бизнеса;
- проработка вопросов по созданию оптимальных условий для постепенного перехода от двустороннего формата сотрудничества в проектной финансовой модели к многостороннему с учетом национальных интересов государств ШОС;
- формирование консолидированных подходов МБО в отношении инициативы Экономического пояса Шелкового пути с целью создания благоприятных условий для продвижения экономического сотрудничества на пространстве ШОС.

На заседании также был избран председатель совета МБО ШОС на следующий срок (с октября 2017 г. по октябрь 2018 г.). Им стал председатель правления Государственного банка развития Китая Ху Хуайбан³⁸.

Деловой совет ШОС

В июне 2017 г. в Астане состоялся совместный форум Межбанковского объединения Шанхайской организации сотрудничества и Делового совета ШОС. В своем выступлении на нем председатель Национальной части Делового совета ШОС от РФ, Президент ТПП РФ Сергей Катырин отметил, что нужны средства для финансового сопровождения проектов в рамках ШОС.

«Да, здесь активно работает Межбанковское объединение ШОС, другие международные многосторонние финансовые организации с внушительными возможностями: Фонд Шелкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Новый банк развития БРИКС. Но остается вопрос содействия финансовым институтам в подборе лучших и важнейших проектов, остается вопрос донесения до деловых кругов стран ШОС информации о возможностях и условиях получения такого финансирования. Это важная задача для Делового совета ШОС», — заявил С. Катырин.

Отдельный большой вопрос, влияющий на проектное финансирование, — использование кредитных рейтингов для принятия инвестиционных решений. С. Катырин подчеркнул, что для развития экономик стран ШОС целесообразно задуматься о формировании системы национальных рейтинговых агентств и единой рейтинговой платформы стран ШОС. Это, с учетом национальной специфики, повысит объективность оценки проектов и создаст альтернативу рейтингам ведущих западных рейтинговых агентств³⁹.

Деловой клуб ШОС

Перспективной площадкой для финансово-инвестиционного сотрудничества является также Некоммерческое партнерство по содействию международному экономическому сотрудничеству Деловой клуб Шанхайской организации сотрудничества (ДК ШОС). Многостороннее сотрудничество позволяет мобилизовать финансовые ресурсы и интеллектуальный потенциал для создания новых продуктов и передовых технологий.

ДК ШОС, выполняя задачи по укреплению деловых связей между странами — участниками ШОС, способствует всестороннему

развитию проектов социально-экономического и торгово-промышленного направления, созданию производств и объектов, с применением новых, перспективных технологий и разработок с привлечением инвестиций в развитие городов, областей и регионов Российской Федерации, предоставляя полный комплекс услуг по привлечению прямых инвестиций в инвестиционные и инновационные проекты:

- проведение предварительного экспресс-аудита коммерческих идей, бизнес-планов на предмет их целесообразности, экономической эффективности и реализуемости в конкретных пространственно-временных условиях хозяйствования;
- проведение консультирования по стратегическому управлению и бизнес-планированию;
- проведение глубинного анализа инвестиционных проектов;
- профессиональная разработка бизнес-планов, инвестиционных проектов;
- разработка программ продвижения конкретных проектов среди потенциальных инвесторов;
- проведение презентаций и защит готовых инвестиционных проектов перед заинтересованными инвесторами и сопровождение проекта до заключения договоров;
- организация работ по проведению юридической экспертизы инвестиционных проектов и консультационному сопровождению проектов;
- подготовка и проведение встреч между авторами (инициаторами) инвестиционных проектов и заинтересованными инвесторами;

Работа по поиску и привлечению прямых инвестиций в проекты предприятий осуществляется в рамках деятельности Делового совета ШОС. Инвестиции могут привлекаться как от фондов прямых инвестиций, венчурных фондов, инвестиционных компаний, частных инвесторов, так и от компаний, являющихся стратегическими инвесторами.

В настоящее время ДК ШОС взаимодействует с рядом инвесторов из Китая, Индии, Пакистана, Турции, инвестиционными фондами, заинтересованных в инвестировании проектов на территории Российской Федерации по следующим отраслевым направлениям:

пищевая промышленность, агропромышленный комплекс, легкая промышленность, машиностроение, транспорт, логистика, нефтепереработка, строительство, лесопереработка, альтернативные источники энергии, инновации, технологии.

Взаимодействие с инвесторами также охватывает решения задач эффективного использования природных ресурсов, улучшения средств коммуникаций, совершенствование обмена информацией, организации совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, развитие туризма, совершенствования системы профессионального обучения⁴⁰.

По мнению директора Делового клуба ШОС Д. Тюрина, Шанхайской организации сотрудничества нужны собственные финансовые механизмы. Их отсутствие — настоящая «ахиллесова пята» организации. Межбанковское объединение ШОС не смогло выработать понятных алгоритмов многостороннего проектного финансирования, работая в основном в режиме двусторонних связей. Именно на таких началах осуществлялось привлечение зарубежных инвестиций, например, для совместных проектов ВЭБа и Евразийского банка развития (ЕАБР) — строительства платной автомобильной дороги «Западный скоростной диаметр», вагоностроительного завода в Тихвине и цементного завода в г. Сланцы Ленинградской области, а также третьего энергоблока Экибастузской ГРЭС-2 в Казахстане — совместного проекта ВЭБа и Банка развития Китая.

Однако даже если банки — члены МБО найдут какую-то устраивающую всех формулу многостороннего участия, это все равно не приведет к переходу количества в качество. Такую задачу может решить только создание в той или иной форме самостоятельного финансового института ШОС. Сегодня обсуждается несколько концепций его организации: Фонд развития ШОС и Банк Развития.

Первая идея, в поддержку которой выступает Россия, предусматривает создание сравнительно небольшого финансового института для кредитования разработок международных проектов с их последующим финансированием другими международными финансовыми учреждениями — Новым банком развития БРИКС, ЕАБР, Азиатским банком инфраструктурных инвестиций, МБО ШОС, китайским Фондом Шелкового пути и т. д.

КНР патронирует вторую концепцию — создание мощного финансового института под условным названием «Банк развития ШОС». Для других стран, даже несмотря на желание получать кредиты из КНР, основным сдерживающим фактором являются вопросы распределения голосующих долей в правлении. Узел противоречий здесь — несопоставимость размера экономик Китая и стран Центральной Азии. Принятие решений на основе величины взносов участников в соответствии, например, с моделью Международного валютного фонда исказит принципы консенсуса и равноправия, принятые в ШОС, и поставит партнеров в зависимое положение от КНР.

Другими перспективными направлениями финансового взаимодействия стран ШОС являются расчеты в национальных валютах, обсуждение общих правил использования новых финансовых инструментов, в том числе основанных на технологиях блокчейн и криптовалют. Последнее, помимо всего прочего, может придать новый импульс идее создания наднациональной евразийской валюты⁴¹.

Концепция создания Банка развития ШОС была выдвинута премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао на девятом заседании премьеров стран — участниц ШОС в Душанбе 25 ноября 2010 г. Она нацелена на продвижение строительства региональной системы финансирования. Вэнь Цзябао предложил углублять финансовое и межбанковское сотрудничество в рамках ШОС и рассмотреть вопрос о создании банка развития ШОС, обсудить новые взаимовыгодные способы совместного финансирования, он также предложил расширить сотрудничество по расчету в национальных валютах и содействовать региональному торгово-экономическому сотрудничеству.

В декабре 2010 г. сообщалось о том, что Китай планирует инвестировать 8 млрд долл. на создание Банка развития ШОС. Со ссылкой на China Business News также сообщалось, что Китай будет основным инвестором банка с фондом около 10 млрд долл. Остальные средства поступят от других членов ШОС, в том числе и от России. Банк развития ШОС планируется создать по модели Всемирного банка и Международного валютного фонда. Подчеркивалось, что Китай станет играть более весомую роль в деятельности банка, если будет определено, что вес зависит от доли инвестиций⁴².

Ниже изложены основные позиции и мнения официальных и экспертных кругов России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана относительно создания Банка развития ШОС и других аспектов финансового сотрудничества в рамках организации.

Взгляд из России

7 ноября 2011 г. после десятого заседания глав правительств государств — членов ШОС премьер России В. Путин на пресс-конференции отметил, что Россия поддерживает идею о создании Специального счета в рамках ШОС в сжатые сроки, так как он будет способствовать эффективному контролю и регулированию финансов по проектам. Россия также готова рассматривать предложение китайского партнера о создании Банка развития ШОС⁴³.

В России считают, что растущая экономическая мощь Китая порождает опасения у других стран — членов ШОС относительно того, что новый финансовый институт может стать инструментом китайского доминирования.

Логика китайской стороны понятна и основана на естественном стремлении использовать в рамках ШОС свое конкурентное преимущество: китайская экономика, во многом все еще сориентированная на экспорт, будет требовать расширения рынков сбыта. Поэтому в свое время Китай предложил идею зоны свободной торговли ШОС, а позднее — Фонда развития и Банка развития ШОС, чтобы качественно расширить инструментарий своего торгово-экономического влияния.

Чтобы сбалансировать эту тенденцию, Россия и Казахстан в свою очередь предложили создавать Банк развития ШОС на основе расширения возможностей уже существующего Евразийского банка развития со штаб-квартирой в Алматы. Это породило новый виток дискуссий в рамках ШОС, которые продолжаются и по сей день.

Может ли торгово-экономическое сотрудничество в рамках ШОС быть асимметричным — вот главная дилемма для России и других стран-участниц. Некоторые эксперты полагают, что КНР не согласится войти в Евразийский банк развития в статусе младшего или даже равного России партнера, и при создании Банка развития ШОС придется согласиться на ключевые условия — китайское доминирование в капитале, размещение органов управления в Пекине

или Шанхае, а соответственно — на большое число граждан КНР среди сотрудников банка.

Суммируя суть существующих разногласий, А. Габуев подчеркивает, что есть китайский подход: давайте создадим банк, взнос будет пропорционален ВВП. Есть другой подход, который представляют Россия и ряд других стран: если делать взносы в уставной капитал по размеру ВВП, то в итоге мы получим еще один большой китайский банк развития, в котором у всех остальных членов ШОС вместе взятых не будет даже блокирующего пакета. Получится примерно 80 % у Китая и меньше 20 % у всех остальных. Однако на пространстве ШОС уже действуют китайские госбанки и различные институты развития. Они вносят, несомненно, большой вклад в экономический рост, без них многие проекты здесь никогда бы не получили финансирования.

Но у китайских партнеров, констатирует эксперт, крайне жесткие переговорные позиции. У руководства КНР очень высокие требования к эффективности всех госкомпаний, в том числе и банков. И главная задача этих банков — развивать именно китайскую экономику, помогать китайским компаниям и реализовывать проекты так, как это выгодно КНР. Это — прагматичный, понятный и единственно возможный с точки зрения китайских национальных интересов подход. Но в рамках ШОС речь идет не о китайском, а об общем институте. Поэтому отсюда возникают возможные альтернативные модели создания Банка.

Как же добиться компромисса? По мнению А. Габуева, прежде всего, важна общая цель. Всем необходимо получить совместный институт развития, который будет давать деньги на длительный срок на выгодные всем проекты на выгодных всем условиях, по льготной ставке. Тут противоречий ни у кого нет. Также важна модель формирования уставного капитала. Все же формирование долей пропорционально ВВП является правильным, понятным и единственным критерием, который можно придумать. Будет это номинальный ВВП или ВВП по паритету покупательной способности, не так важно. В МВФ отстаивается паритет покупательной способности.

«Но более чем контроль, важны правила игры, по которым будет работать этот Банк. И готовность их соблюдать. И тогда звучит са-

мый ключевой вопрос: как Банк будет отбирать проекты? Какие критерии отбора? Как будет устроена процедура получения финансирования? Как будут учитываться интересы стран-получателей кредитов, например, по привлечению местных подрядчиков, по доле местной рабочей силы, по локализации применяемых технологий? Как обеспечить соблюдение самых передовых экологических и трудовых стандартов? Ответы на эти вопросы не должны зависеть от того, какова доля Китая в капитале Банка. Должны быть четкие понятные правила, выработанные совместно всеми участниками ШОС, чтобы не было важно, чьими деньгами наполнен Банк. Банк должен работать на общие интересы по понятной, прозрачной процедуре. И если эти процедуры будут прописаны и все участники Банка, включая Китай, будут их соблюдать, вопросы будут сняты»⁴⁴.

По мнению А. Габуева, дипломатические усилия следовало бы направить не на изменение этих базовых для Китая параметров, а на отражение в нормативных документах положений, соответствующих интересам России и ее партнеров в Центральной Азии: включение в Положение о банке и Руководство по инвестированию лучших практик Всемирного банка, Азиатского банка развития, ЕБРР и других подобных институтов, которые позволяют максимально учитывать интересы страны-реципиента кредита. Следовало бы также прописать в документах порядок формирования льготных ставок, обязательное наличие местных подрядчиков при реализации проектов (и установление минимального объема работ, выполняемых местными компаниями), жесткое соблюдение экологического законодательства, уровень передачи технологий и пр.⁴⁵

30 июня 2015 г. в Москве состоялась международная конференция «Роль межбанковского сотрудничества в обеспечении темпов экономического роста на пространстве ШОС, БРИКС, ЕАЭС», организованная Финансово-банковской ассоциацией стран — участников Шанхайского сотрудничества совместно с Российским союзом промышленников и предпринимателей, Деловым Клубом ШОС и при поддержке Ассоциации региональных банков России. В работе конференции приняли участие более 150 человек из 13 стран мира: представители центральных (национальных) банков, международных институтов развития, финансовых и экономических ми-

нистерств и ведомств, руководители банковских объединений и ассоциаций, представители инвестиционных и коммерческих структур стран, представленных на территории ШОС, БРИКС, ЕАЭС.

Целью конференции стала проработка идеи экономической консолидации пространства ШОС, БРИКС, ЕАЭС через усиление многосторонних форматов торгово-экономического и финансово-банковского сотрудничества стран альянсов⁴⁶.

8 июля 2015 г. в г. Уфе в преддверии саммитов БРИКС и ШОС состоялся Финансовый форум, организованный российским Внешэкономбанком. На форуме обсуждались роль финансовых институтов в содействии развитию регионов, поддержке устойчивого роста, инноваций и социальной стабильности, а также другие актуальные вопросы мировой финансовой архитектуры, учитывая последовательное усиление роли стран БРИКС в мировой политике и экономике. В мероприятии приняли участие представители крупных финансовых институтов и инвестиционных компаний стран БРИКС, ШОС, «Группы двадцати» (G20), представители бизнеса, академических кругов, федеральных и региональных органов власти.

Участники форума обсудили потенциальные возможности сотрудничества с многосторонними институтами развития, рассмотрели особую роль национальных банков развития в поддержке устойчивого роста и социальной стабильности, обменялись мнениями по поводу наиболее эффективных практик финансового взаимодействия.

Президент Нового банка развития Кундапур Ваман Каматх поделился с участниками форума своим видением деятельности Нового банка развития. Президент Банка развития Бразилии (BNDES) Лусиано Коутиньо посвятил свое выступление роли банков развития в развитии регионов и инноваций. Председатель Правления Банка развития Казахстана Болат Жамишев рассказал о роли Банка в программе индустриализации Казахстана. Президент Ассоциации региональных банков России, депутат Государственной Думы РФ, Глава комитета по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству Анатолий Аксаков на примере опыта России рассказал о новых инструментах, содействующих региональному развитию.

Перед участниками форума также выступили Президент Государственного банка развития Китая Чжэн Чжицзе, Председатель Банка развития Южной Африки Джабу Молекети, Председатель Правления Евразийского банка развития Дмитрий Панкин и другие руководители крупных финансовых институтов стран БРИКС и ШОС⁴⁷.

В декабре 2017 г. премьер-министр России Дмитрий Медведев призвал к скорейшему переводу в практическую плоскость вопросов создания Банка развития Шанхайской организации сотрудничества и Специального счета ШОС. «Нам предстоит еще договориться по целому ряду вопросов, в том числе по отдельным механизмам экономического сотрудничества внутри ШОС, потому что дискуссии о Банке ШОС, о специальном счете ШОС ведутся последние лет десять, я на каждом мероприятии слышу об этом выступления моих коллег и сам на эту тему выступал и выступаю», — сказал глава кабинета министров РФ на пресс-конференции по итогам заседания Совета глав правительств ШОС. Медведев подчеркнул: «Здесь уже пора все переводить в плоскость договоренностей, а не толочь воду в ступе». «Все в наших руках», — уверен глава кабинета министров⁴⁸.

Взгляд из Казахстана

Стремление Республики Казахстан, как и других стран Центральной Азии, к созданию Банка развития ШОС было не в последнюю очередь обусловлено заинтересованностью в китайской кредитно-денежной помощи. Еще в феврале 2008 г. Госбанк развития Китая и Банк развития Казахстана подписали соглашение о выделении кредита в размере 100 млн долл. на финансирование инфраструктурных и энергетических проектов. К концу 2008 г. объем кредитных ресурсов был увеличен до 400 млн долл.

Самой масштабной стала открытая в 2010 г. кредитная линия на сумму 13 млрд дол. Ее первый транш в 5 млрд долл. был направлен на увеличение доли КНР и доли РК в секторе нефтедобычи Казахстана и пошел на финансирование сделки по поглощению компании Мангистаунайгаз казахстанской госкорпорацией Казмунайгаз и китайской CNPC. Другой транш в 5 млрд долл. был получен правительством республики для борьбы с последствиями мирового

финансового кризиса (3,5 млрд долл. из них пришлись на связанный кредит на закупку китайского оборудования и техники). Последняя часть кредита в размере 3 млрд долл. при посредничестве Казахстана была предоставлена металлургической компании Казахмыс на расширение добычи меди. В 2015 г. Банком развития КНР и Республикой Казахстан было достигнуто соглашение по открытию кредитной линии в 120 млн долл. для финансирования производства ветро-энергетических установок⁴⁹.

То, что КНР выделяет льготные кредиты центральноазиатским странам, отнюдь не является простой благотворительностью, полагают казахстанские эксперты. Инвестиционные ресурсы идут на финансирование крупных проектов, реализация которых непосредственно завязана на производственные мощности в самой КНР. Освоение природных ресурсов Центральной Азии, сооружение там широко разветвленной транспортно-коммуникационной инфраструктуры позволяет китайскому правительству загружать долгосрочными заказами свой машиностроительный комплекс, а также на долгие годы плотно привязывать эти страны к китайской технологической идеологии.

Необходимо подчеркнуть, что финансовые ресурсы предоставляются Китаем на исключительно льготных условиях и только под обязательство использовать китайское оборудование и технику с привлечением для их обслуживания и эксплуатации специалистов из КНР. Например, Государственный банк развития Китая выделил Казахстану инвестиционный кредит на сумму 200 млн долл. на строительство Мойнакской ГЭС. При этом в качестве генерального подрядчика комплекса работ по ее проектированию и строительству «под ключ» китайская сторона определила собственную международную корпорацию водного хозяйства и энергетики.

Что касается особенностей инвестиционного сотрудничества Казахстана и Китая в рамках ШОС, то, по мнению ряда казахстанских экспертов, они заключаются в том, что, являясь взаимовыгодным, оно предусматривает разные по своей экономической природе результаты для взаимодействующих сторон. Китай в качестве результата этого сотрудничества преследует решение проблемы сохранения устойчивого экономического развития. Для Казахстана инвестици-

онное сотрудничество с Китаем должно способствовать дальнейшему сохранению устойчивого экономического роста и модернизации национальной экономики с целью эффективного участия в системе мирохозяйственных связей.

В мировой практике воздействие прямых иностранных инвестиций (ПИИ) на национальную экономику рассматривается как выходящее далеко за рамки простых торгово-посреднических, коммерческих связей. Прямые иностранные инвестиции рассматриваются прежде всего как привлечение передовых технологий, управленческих ноу-хау, квалифицированных специалистов, как обеспечивающие создание рабочих мест, предоставляющие возможность доступа к международным производственным сетям, к основным рынкам, популярным торговым маркам. Активы прямых иностранных инвестиций должны играть важную роль в модернизации национальной экономики, ускорении экономического роста. Кроме того, прямые иностранные инвестиции могут внести вклад в рост экономики и более традиционными путями — через увеличение нормы капитальных вложений, расширение фонда основного капитала в принимающей стране. Иностранные инвестиции должны стимулировать инновационную деятельность и предпринимательство и тем самым служить инструментом интеграции национального хозяйства принимающей страны в глобализированную мировую экономику на основе передовой технологии. Этого не происходит, когда размещение ПИИ нацелено лишь на использование статических сравнительных преимуществ принимающей страны, т. е. либо дешевый труд, либо избыточные, не осваиваемые страной природные богатства. Такого рода инвестиции приводят к сохранению опоры на существующее богатство страны.

По-видимому, инвестиционное сотрудничество Казахстана с Китаем на настоящее время (если учитывать, что вложения Китая сосредоточены в нефтегазовом секторе — 82 %) с экономической точки зрения представляет собой классический пример такого рода ПИИ. Для того чтобы повысить оптимальность влияния инвестиционного сотрудничества Казахстана с Китаем, необходимо осуществление действенной политики, направленной на формирование динамических сравнительных преимуществ казахстанской экономики

путем модернизации, формирования эффективных ниш деятельности национальной экономики в международном экономическом сотрудничестве. Одной из таких ниш может стать использование выгодного географического расположения Казахстана в качестве транспортного коридора между крупнейшими экономическими регионами — восточноазиатским и европейским⁵⁰.

Казахстанские эксперты далее подчеркивают, что казахстанская экономика, безусловно, нуждается в зарубежных, в том числе китайских, инвестициях. Казахстан и дальше будет продолжать серьезную работу по привлечению иностранных инвестиций. Но с принятием нового фундаментального документа развития страны — Стратегии «Казахстан — 2050» меняются принципы инвестиционной политики. Самым главным принципом становится прагматичный подход к зарубежным инвестициям, основанный на прибыльности и отдаче от инвестиций. «Мы должны привлекать инвесторов только на условиях поставки в нашу страну самых современных технологий добычи и переработки. Мы должны разрешать инвесторам добывать и пользоваться нашим сырьем только в обмен на создание новейших производств на территории нашей страны» — такова задача новой инвестиционной политики Казахстана, поставленная Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым⁵¹.

Представители Народного банка развития Казахстана (НБРК) входят в состав Экспертной рабочей группы по созданию Фонда развития ШОС. Начиная с 2004 г. НБРК принимает участие в заседаниях Экспертной рабочей группы по подготовке предложений о порядке формирования и принципах функционирования Фонда развития ШОС, в ходе которых прорабатывается вопрос о создании Фонда развития ШОС (Специальный счет ШОС) и Банка развития ШОС. 29 сентября 2016 г. представители НБРК приняли участие в Третьей встрече министров финансов и председателей центральных (национальных) банков государств — членов ШОС, а также в экспертном совещании, проведенном накануне Встречи, с целью подготовки проектов Совместного заявления и других документов, вносимых на рассмотрение и обсуждение участниками встречи⁵².

Руководство РК неизменно выражает политическую поддержку идее создания Банка развития ШОС и высказывается в пользу уско-

рения работы по его созданию. На заседании Совета глав правительств ШОС в декабре 2014 г. в Астане президент Казахстана Нурсултан Назарбаев поддержал идею создания Банка развития ШОС, а премьер-министр республики Карим Масимов предложил странам ШОС перейти к взаиморасчетам в нацвалютах. «Считаем возможным перейти к взаиморасчетам в национальных валютах, у нас уже есть наработки на двустороннем уровне, которое можно перевести в плоскость всей организации. Сегодня важно эффективное использование имеющихся ресурсов для максимальной минимизации последствий глобальных изменений и финансово-экономических потрясений», — подчеркнул премьер-министр Казахстана.

«Наша страна поддерживает инициативу создания банка развития ШОС, который необходим для дальнейшего расширения деятельности организации», — сказал президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, выступая на заседании⁵³.

Как заявил в июне 2016 г. министр иностранных дел Казахстана Е. Идрисов, «открытым остается вопрос о создании Банка развития и Фонда развития (Специального счета) ШОС. Скорейшее создание этих механизмов финансового сопровождения станет залогом для вывода экономической составляющей сотрудничества в рамках организации на качественно новый уровень. Казахстан выступает за формирование Банка развития ШОС на базе Евразийского банка развития»⁵⁴.

В июне 2017 г. в Астане прошло заседание Совета Межбанковского объединения Шанхайской организации сотрудничества (МБО ШОС). Открыл заседание председатель правления АО «Банк развития Казахстана» Б. Жамишев, возглавляющий в настоящее время Совет Межбанковского объединения ШОС. Участники заседания и главы официальных делегаций в своих докладах выразили надежды на расширение потенциала МБО, также было положительно отмечено расширение сотрудничества с финансовыми институтами государств-наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС.

Участники заседания отметили необходимость продолжать начатый курс инвестиционного сотрудничества по совместному финансированию проектов. При этом приоритетное внимание уделять реализации проектов государств — членов ШОС, направленных на

углубление торгово-экономического и инновационного развития экономик, повышение благосостояния и уровня жизни населения наших государств. В рамках заседания состоялась церемония подписания Стратегии дальнейшего развития Межбанковского объединения ШОС на среднесрочную перспективу (2017—2021 г.), а также Меморандума об основах партнерских отношений между Межбанковским объединением ШОС и китайским Фондом Шелкового пути⁵⁵.

Представители РК высказывали и другие идеи, касающиеся развития финансового сотрудничества в рамках ШОС. Казахстан предложил создать Региональный центр ШОС по мониторингу состояния мировых финансовых рынков и макроэкономических процессов. Основными направлениями его деятельности могли бы стать разработка методик оценки финансового состояния; наблюдение за динамикой показателей экономического сотрудничества, состоянием финансовых индексов на биржах; разработка прогнозов развития как для отдельных рынков, так и для мировой экономики и пр. При неблагоприятном прогнозе Центр мог бы выносить соответствующие предложения и рекомендации, составлять планы совместной деятельности по защите экономики стран — членов ШОС от негативного внешнего влияния и преодоления его возможных последствий⁵⁶.

Взгляд из Кыргызстана

Кыргызская Республика проявила наибольший интерес к созданию Банка развития ШОС также во многом благодаря заинтересованности в получении китайских кредитов. В 2006 г. Пекин заявил о готовности предоставить Киргизии 1,2 млрд долл. на строительство киргизского участка железной дороги Узбекистан—Киргизия—Китай при условии получения доступа к месторождениям природных ресурсов, расположенным вдоль магистрали. Предложение вызвало негативную реакцию в киргизском обществе и было «заморожено». В 2013 г. Эксимбанк предоставил правительству Киргизии 386 млн долл. на модернизацию тепловой электростанции Бишкека и 400 млн долл. на финансирование первой фазы строительства авто-

дороги Север—Юг. Кредит на вторую фазу в размере 297 млн долл. Киргизия получила в 2015 г.⁵⁷

Как говорится в справочном материале МИД Кыргызской Республики, «Согласно директивным установкам для кыргызской стороны одним из приоритетных направлений сотрудничества ШОС является экономическая составляющая. Ведущим органом в данной области является Совещание министров, отвечающих за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность. Функционирует также механизм регулярных встреч министров транспорта, сельского хозяйства, руководителей таможенных служб и др. Созданы экспертные рабочие группы, в состав которых входят представители государств-членов Организации по созданию Специального счета и Банка развития ШОС, механизмов использования государственных и частных финансовых средств для реализации совместных проектов»⁵⁸.

Банк развития Шанхайской организации сотрудничества необходим государствам — членам организации для укрепления их экономик, заявил кандидат экономических наук, заместитель декана факультета экономики и финансов Бишкекского гуманитарного университета Алмаз Мамытов. По словам А. Мамытова, на саммите ШОС в Уфе 2015 г. ожидалось подписание соглашения о создании системы поддержки малого и среднего бизнеса членами межбанковской ассоциации ШОС, которое должно было объединить шесть крупнейших банков и разрабатывать механизмы финансирования и банковского обслуживания инвестиционных проектов, поддержанных правительствами государств — членов организации. Экономист отметил, что разговоры и дискуссии о создании банка развития ШОС идут давно, и уже настало время переходить к практическим действиям⁵⁹.

Кыргызская Республика, как и другие страны Центрально-Азиатского региона, активно использовала площадки саммитов ШОС и свои возможности как страны-председателя организации на ротационной основе для выражения активной политической поддержки идеи Банка развития ШОС.

Как заявил на саммите ШОС в Уфе А. Атамбаев, «одной из первоочередных задач мы считаем создание отдельного финансового

института ШОС для обеспечения финансового сопровождения проектной деятельности и выполнения программы экономического сотрудничества. Думаю, нам необходимо поручить, причем жестко поручить, нашим правительствам все-таки договориться и доработать вопрос о создании Банка развития и Фонда развития ШОС с тем, чтобы выйти на конкретные результаты»⁶⁰.

Банк развития Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) начнет свою деятельность в ближайшее время, заявил экс-премьер-министр Кыргызской Республики Д. Оторбаев на Втором форуме малого бизнеса стран ШОС и БРИКС в Уфе в декабре 2016 г. Кыргызстан выступает за создание Банка развития ШОС. Все страны, в основном большие, готовы к капитализации. Банк развития ШОС будет создан в ближайшее время, и мы, как относительно небольшая страна, естественно, заинтересованы в получении ресурсов, заявил Оторбаев. Доступ к денежным ресурсам является одной из главных проблем для представителей малого бизнеса. По мнению экспертов, активизация работы Банка развития ШОС позволит существенно увеличить количество предпринимателей и реализуемых ими проектов⁶¹.

«Формат Шанхайской организации сотрудничества позволяет странам претворять в жизнь инициативы не только по развитию собственной экономики, но также участвовать в реализации совместных инвестиционных проектов. Одним из ключевых вопросов продвижения инвестиционных проектов сотрудничества является, несомненно, обеспечение их финансирования на благоприятных и прозрачных условиях. Поэтому кыргызская сторона выступает за скорейшее согласование вопросов создания и запуска Банка развития ШОС. Данная финансовая структура могла бы аккумулировать как государственные, так и частные средства и в перспективе может стать эффективным инструментом финансового сопровождения совместных инвестиционных проектов стран ШОС», — подчеркнул в июне 2016 г. министр экономики Кыргызстана А. Кожошев⁶².

По итогам заседания Совета глав правительств стран ШОС в ноябре 2016 г. в Бишкеке были подписаны 12 итоговых документов. В частности, принято решение о дальнейшей работе по созданию

Банка развития ШОС и Фонда развития организации. Исполняющий обязанности премьера Кыргызстана С. Жээнбеков заявил, что «все эти проекты дадут толчок к практической реализации проектов по сопряжению проектов Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути»⁶³.

В пользу образования указанных финансовых институтов высказался также президент Таджикистана Эмомали Рахмон. Его аргументом стало то, что расширение экономического взаимодействия в рамках ШОС, включая реализацию крупных инвестиционных проектов регионального значения, нуждается в более эффективном финансовом сопровождении⁶⁴.

«Пришло время для создания Банка развития ШОС. И здесь наряду с тем приоритетом, которые мы отдаем Банку развития ШОС, мы хотим еще раз напомнить, что Кыргызстан был одним из создателей ШОС, «Шанхайской пятерки» изначально. И сегодня мы настаиваем на том, чтобы банк был создан и располагался в городе Бишкек», — заявил А. Атамбаев на заседании Совета глав государств — членов ШОС в Астане в июне 2017 г.⁶⁵

По приглашению президента Кыргызстана Алмазбека Атамбаева 5—6 сентября 2017 г. состоялся государственный визит главы Узбекистан Шавката Мирзиёева в КР. По итогам переговоров главы государств приняли совместное заявление, в котором говорится:

«Главы государств в целях финансового обеспечения совместных проектов в рамках ШОС считают важным ускорить выполнение решения Совета глав правительств (премьер-министров) государств — членов ШОС от 2016 г. о продолжении консультаций на экспертном уровне по обсуждению вопроса о создании Банка развития ШОС и Фонда развития (Специального счета) ШОС»⁶⁶.

20 сентября 2017 г. в г. Нью-Йорк министр иностранных дел Кыргызской Республики Эрлан Абдылдаев принял участие во Внеочередном заседании Совета министров иностранных дел государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), состоявшемся на полях 72-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. В целях реализации экономических проектов на пространстве ШОС кыргызская сторона выступила за скорейшее создание финансовых механизмов ШОС — Банка развития и Фонда развития ШОС⁶⁷.

Взгляд из Таджикистана

Политическая поддержка идее создания Банка развития ШОС всегда была в Таджикистане активна. Как заявил, например, министр иностранных дел Республики Таджикистан С.М. Аслов на заседании Совета министров иностранных дел государств — членов ШОС в июле 2014 г., «перед лицом новых угроз, в частности для противостояния негативным процессам как мирового, так и регионального характера ШОС нуждается в эффективно действующем механизме в финансово-экономической сфере. Его создание позволит усилить экономическое направление в деятельности нашей организации в русле «шанхайского духа» и разрешать возникающие экономические вопросы на справедливой основе... Общим интересам отвечало бы ускорение работы по созданию Банка развития и Фонда развития ШОС»⁶⁸.

По сравнению с Казахстаном объемы китайских кредитов, предоставляемых остальным странам региона, гораздо скромнее. Тем не менее, это наиболее значимый побудительный мотив в пользу создания Банка развития ШОС в Таджикистане.

Китай стал активно использовать тактику кредитования таджикской экономики, предоставляя РТ льготные кредиты на социально значимые проекты. Данные кредиты, как правило, «осваиваются» китайскими же компаниями. В этом плане сегодня КНР является крупнейшим кредитором Таджикистана и существенно опережает международные финансовые структуры и другие страны⁶⁹.

В Таджикистане китайские кредиты широко используются для реконструкции энергосетей и дорог. Так, полученные Таджикистаном в 2006 г. 600 млн долл. были направлены на возведение линии электропередачи Север—Юг, строительство автомагистрали Душанбе—Худжанд—Чанаки на финансирование тоннеля Шар-Шар. В 2014 г. между Министерством финансов Таджикистана и Эксимбанком были подписаны кредитные соглашения о строительстве участка Вахдат — Яван железной дороги Душанбе — Курган-Тюбе, второй очереди ТЭЦ Душанбе-2 и модернизации Таджикской алюминиевой компании. Общая сумма кредитов превысила 490 млн долл.

Как отмечал заведующий отделом Центральной и Южной Азии Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан профессор М.А. Олимов, подавляющее большинство китайских финансовых средств в таджикской экономике (свыше 80 %) — это кредиты, т. е. долги, которые Таджикистану уже в краткосрочной перспективе придется возвращать с процентами (пусть даже и не столь большими). Сегодня РТ аккумулирует более 2/3 китайских кредитов в Центрально-Азиатском регионе. Речь идет о долгах именно государства. За все время кредитной истории таджиков перед китайцами ни одна частная таджикская структура не получила от китайцев ни копейки. Все займы предоставляются только государству и под его гарантии⁷⁰.

По предположению экспертов из Таджикистана, кредитные механизмы будут чаще использоваться китайской стороной в целях расширения сферы юаня в ЦА. Отдельные шаги в этом направлении уже предпринимаются. К ним можно отнести подписанное в 2015 г. Нацбанком Таджикистана и Народным банком Китая соглашение о взаимном обмене валют по фиксированным курсам, которое предусматривает также поэтапное выделение 500 млн долл. таджикской стороне на поддержку курса сомони⁷¹.

Вопросы создания Банка развития Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и подготовки специалистов банковского сектора были обсуждены в августе 2013 г. в Душанбе на встрече главы Национального банка Таджикистана А. Ширинова с послом Китая в РТ Фань Сяньчжуном. Как сообщила пресс-служба Нацбанка РТ, таджикская сторона выразила заинтересованность в подготовке и переподготовке таджикских специалистов банковского сектора и открытии филиалов банков Китая в Таджикистане. Стороны рассмотрели возможность использования валют двух стран при взаимном товарообороте⁷².

26—27 апреля 2017 г. в г. Душанбе под председательством таджикской стороны состоялось седьмое заседание Специальной рабочей группы государств — членов ШОС по содействию инвестициям. Специальная рабочая группа государств — членов ШОС по содействию инвестициям была создана в марте 2004 г. и осуществляет свою деятельность при Совещании министров государств — членов

ШОС, отвечающих за внешнеэкономическую и внешнеторговую деятельность с целью реализации положений Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств — членов ШОС. В ходе заседания эксперты обменялись мнениями о ходе реализации Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества ШОС в части, касающейся инвестиционного взаимодействия и раздела «Торгово-экономическое сотрудничество» Плана действий на 2016—2020 гг. по реализации Стратегии развития ШОС до 2025 г.

Начальник Главного управления по инвестициям и координации внешней помощи Государственного комитета по инвестициям и управлению государственным имуществом Республики Таджикистан С. Курбонзода отметил, что «содействие инвестициям — важная составляющая торгово-экономического сотрудничества государств — членов ШОС. СРГ по содействию инвестициям играет все более значимую роль для обсуждения актуальных вопросов, связанных с развитием взаимодействия в сфере содействия инвестициям в рамках ШОС⁷³.

Взгляд из Узбекистана

Несмотря на скептическое отношение Республики Узбекистан к перспективе превращения ШОС в организацию экономической интеграции с наднациональными органами управления, Узбекистан неизменно высказывается в поддержку Банка развития ШОС.

Так, президент Узбекистана Ислам Каримов в своем выступлении на саммите глав государств — членов ШОС в июне 2011 г. в Астане отметил, что его страна считает важным реализацию предложения Китайской Народной Республики о создании Банка развития ШОС. По его словам, Узбекистан является сторонником реализации на пространстве ШОС инвестиционных программ строительства и модернизации автомобильных, железнодорожных и воздушных коммуникаций как внутригосударственного, так и трансграничного значения, а также создания современных логистических центров и хабов. Их осуществление будет способствовать развитию торгово-экономических отношений государств — членов ШОС со странами Евросоюза, Южной и Юго-Восточной Азии.

«В этой связи Узбекистан считает важным реализацию предложения КНР о создании Банка развития ШОС, которое направлено на формирование многостороннего механизма финансирования приоритетных социально-экономических и инфраструктурных проектов в рамках организации, позволит более эффективно решать стоящие перед государствами — членами ШОС общие задачи»⁷⁴.

Заинтересованность узбекской стороны в китайских кредитах также является здесь важным побудительным мотивом. Кредитное сотрудничество КНР и Узбекистана характеризуется настойчивым стремлением Ташкента ориентировать китайский капитал на финансирование реального сектора. В 2011 г. доступ к кредитным линиям Китая на общую сумму 1,5 млрд долл. получили несколько госбанков Узбекистана. Эти средства они используют для кредитования узбекских предприятий при условии закупки последними китайского оборудования. В 2014 г. Государственный банк Китая предоставил Узбекистану заем в 100 млн долл. на строительство двух дожимных компрессорных станций в рамках обустройства газовых месторождений Алан и Шуртан. В 2015 г. Эксимбанк выделил правительству РУ 300 млн долл. на возведение химического комплекса по выпуску поливинилхлорида на базе ОАО Навоизот⁷⁵.

Как подчеркнул первый заместитель премьер-министра Узбекистана Рустам Азимов на заседании глав правительств ШОС в ноябре 2016 г. в Бишкеке, одним из слабых мест организации является отсутствие эффективного многостороннего механизма финансовой поддержки инвестиционной активности. «Узбекистан поддерживает создание банка развития ШОС, являющегося одним из важных факторов развития инвестиционного сотрудничества», — сказал он в своем выступлении.

При этом, по его словам, в работе нового финансового института должны быть соблюдены определенные принципы. Помимо того, что банк должен создаваться в качестве абсолютного нового самостоятельного финансового института, его деятельность должна сосредоточиться исключительно на реализации инвестиционных проектов, обеспечивающих структурные реформы и экономическое развитие стран — членов ШОС. Также, по мнению узбекской стороны, штаб-квартира банка должна размещаться в стране, которая

будет являться крупнейшим донором указанного финансового института⁷⁶.

Показательна также позиция Узбекистана относительно трансформации ЕАБР в Банк развития ШОС. Узбекистан и Кыргызстан не хотят трансформировать Евразийский банк развития в банк ШОС. Об этом в интервью российскому изданию «Ведомости» рассказал в феврале 2015 г. новый председатель правления ЕАБР Дмитрий Панкин. По его словам, они считают, что должен быть независимый банк ШОС на их территории. «Узбекистан считает, что банк должен располагаться в Ташкенте, КР настаивает на том, что он должен быть в Бишкеке», — добавил Дмитрий Панкин.

Однако он отметил, что ведутся переговоры о расширении состава учредителей банка. Был вариант трансформации Евразийского банка развития в банк стран ШОС, но возник ряд сложностей, связанных с таким проектом⁷⁷.

По поводу финансового и торгово-экономического сотрудничества в рамках ШОС в экспертной среде Узбекистана идут оживленные дискуссии. Как подчеркивает, например, узбекский комментатор Ю. Черногаев (не без полемических преувеличений, по мнению автора), «За 20 лет ШОС не реализовал ни одного многостороннего проекта! Многолетние разговоры о Банке ШОС (штаб-квартира предполагалась в Ташкенте) — совершенно бесплодные. Между тем, Банк БРИКС давно уже работает. С Фондом развития ШОС — та же история... Китай и Россия уже негласно бросили надежды на эту новую «формацию» и все контракты со странами — членами ШОС заключают на двухсторонней основе... А Россия теперь рассматривает ШОС не иначе, как механизм «подключения» стран-членов к своему ЕАЭС (смотрит в том числе и на Узбекистан). Неужели все обещания отцов-основателей об общей могучей экономике — не более чем сладкие грезы для политиков, решивших создать свой собственный, не ориентированный на Запад союз?»

По мнению эксперта, это обусловлено особенностями механизма принятия решений в рамках ШОС. «В Уставе ШОС записан основополагающий принцип: «Решения в ШОС принимаются путем согласования без проведения голосования». Так хотели избежать формирования фракций, так хотели подчеркнуть равенство — никто

не может «давить», будем договариваться... В результате все обсуждения, если есть разные мнения (а они должны быть!) наталкиваются в ШОС каждый раз на неопределенные выражения с трудноуловимым негативным смыслом... Вопрос может оставаться в повестке дня десятилетиями... ШОС — единственная международная организация, исповедующая этот странный принцип. Теперь, когда в организации вместе оказались Китай и Индия, Индия и Пакистан, рассматривается заявка Ирана (с 2008 г.), консенсус в ШОС представляется еще более проблематичным»⁷⁸.

Таким образом, можно вслед за К. Муратшиной следующим образом резюмировать позиции стран-членов ШОС: «Китай более заинтересован в создании коммерческого многостороннего банка, который, благодаря величине своих потенциальных вложений в уставный капитал, он сможет использовать как инструмент наращивания своего влияния в регионе. При этом концепция Банка ШОС является лишь одной из составляющих общей стратегии финансовой дипломатии КНР в Центральной Азии, реализуемой, как следует признать, достаточно успешно. Россия выступает за создание Фонда или Специального счета ШОС, который бы использовался строго по необходимости и с меньшими объемами финансирования. Страны Центральной Азии поддерживают позицию КНР, поскольку заинтересованы в получении кредитов из любого источника, а также допускают создание обоих институтов»⁷⁹.

На саммите в Астане в 2017 г. главы государств отметили важность продолжения консультаций на экспертном уровне по обсуждению вопроса о создании Банка развития ШОС и Фонда развития (Специального счета) ШОС в соответствии с решением Совета глав правительств (премьер-министров) государств — членов ШОС (г. Бишкек, 3 ноября 2016 г.) в целях финансового обеспечения совместных проектов в рамках ШОС⁸⁰.

Как полагают эксперты стран — членов ШОС, Банк ШОС должен стать финансовым институтом, оказывающим поддержку преимущественно инфраструктурным объектам, которые в перспективе могут обеспечить высокий уровень проектной помощи в рамках ШОС. На саммите ШОС в Уфе было принято решение о создании Банка ШОС с преимущественным участием КНР в уставном капи-

тале и административных органах (с условием нахождения консенсуса в вопросе выбора схемы инвестирования остальных партнеров)⁸¹.

Однако в экспертной среде и в банковском сообществе высказываются и другие мнения на этот счет. Так, по мнению председателя правления Евразийского банка развития Д. Панкина, «острота создания еще одного банка ШОС ушла. И слишком много банков получается в одном регионе. Есть и банк БРИКС, есть и банк ШОС, есть Евразийский банк... Скорее сейчас важна координация работы действующих банков, банков развития, создающихся банков в Китае, банка ШОС, Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Банка БРИКС, координация их с имеющимися банками. И отработка проектов. Потому что банков много, проектов мало. То есть важно сейчас работать по конкретным проектам, доводить их до стадии, когда банки могут их финансировать»⁸².

Как отмечалось на состоявшейся в июне 2015 г. международной конференции «Роль межбанковского сотрудничества в обеспечении темпов экономического роста на пространстве ШОС, БРИКС, ЕАЭС», интеграцию финансовых рынков государств альянсов ШОС, БРИКС, ЕАЭС сдерживают сложная кризисная ситуация в финансово-кредитной сфере, структурные диспропорции в экономиках стран, дефицит собственного капитала как предприятий, так и банковских структур, дисбаланс между сроками привлечения кредитных ресурсов и их размещением, различия в системах учета и контроля банковской деятельности. В существующих условиях международных экономических отношений особую роль играет координация действий именно финансовых и банковских институтов, как основных посредников, обеспечивающих потребности современной мировой экономики⁸³.

Банки — члены МБО ШОС, с одной стороны, должны выполнять задачу по аккумуляции финансовых ресурсов региона и предоставлять конкретные услуги первоочередным объектам сотрудничества; с другой — они должны изучать возможности того, как приспособиться к глобализации, создать финансовую систему и рынок, соответствующие особенностям данного региона, во избежание собственной маргинализации на волне нынешней глобализации⁸⁴.

В январе 2017 г. Президент Государственного банка развития Китая (ГБРК) Чжэн Чжицзэ выдвинул предложения относительно взаимодействия МБО ШОС в сфере финансовой инновации, включая инновационные механизмы сотрудничества и развития взаимосвязанных отношений между правительством, предприятиями и финансовыми институтами; поиск новых и углубление существующих форм сотрудничества финансовых институтов; новые модели финансирования и расширение каналов привлечения средств; инновация в кредитной системе и усиление контроля над рисками⁸⁵.

20 сентября 2017 г. в Нью-Йорке «на полях» 72-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялось внеочередное заседание Совета министров иностранных дел государств — членов ШОС. В целях эффективной реализации экономических и инвестиционных проектов в приоритетных направлениях сотрудничества на пространстве ШОС министры выступили за активизацию обсуждения вопроса о создании Банка развития ШОС и Фонда развития (Специального счета) ШОС⁸⁶.

В ходе заседания Совета глав правительств государств — членов ШОС в декабре 2017 г. главы делегаций высказались за углубление сотрудничества в экономической и финансовой сферах в целях создания благоприятных условий для развития торговли и инвестиционного сотрудничества. Они считают необходимым формирование сети финансовых структур и услуг, а также укрепление обменов в области контроля финансовой деятельности. Подчеркнута необходимость использования в полной мере возможностей межбанковского сотрудничества, существующих и вновь создаваемых на пространстве ШОС финансовых механизмов. Будут продолжены консультации на экспертном уровне в целях выработки общих подходов к созданию Банка развития ШОС и Фонда развития (Специального счета) ШОС в интересах продвижения экономического сотрудничества на приоритетных направлениях, прежде всего в сфере инвестиций.

Главы делегаций отметили актуальность использования национальных валют во взаимной торговле и инвестиционной деятельности в целях снижения транзакционных издержек, сокращения времени прохождения операций и укрепления позиций валют государств-членов на международном рынке капиталов.

Главы делегаций подчеркнули также необходимость более активного вовлечения Делового совета ШОС и Межбанковского объединения ШОС в решение задач развития всестороннего экономического сотрудничества. В этой связи они одобрили принятие Стратегии дальнейшего развития Межбанковского объединения ШОС на 2017—2021 гг. Отмечена целесообразность привлечения к деятельности этих структур правительственных организаций и деловых кругов государств-наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС⁸⁷.

Инвестиционное сотрудничество в рамках ШОС

Для государств — участниц ШОС важно региональное сотрудничество в сфере экономики, что предполагает упрощение условий торговли и инвестирования, включая улучшение инфраструктуры, выравнивание таможенных пошлин и тарифов, чтобы достичь экономического роста. В странах с разным уровнем экономического развития прямые иностранные инвестиции играют важную роль. Важны мотивы иностранных инвесторов и те цели, которые стоят перед принимающей стороной, а также проводимая политика правительства по отношению к иностранным инвесторам. Значение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) для стран-реципиентов велико, так как сопровождается передачей новых технологий и применением новых, более современных управленческих решений. Показывая роль ПИИ в экономике государств — участников ШОС и на мировом рынке инвестиций, У.Ф. Удалов, О.А. Бодрикова и В.В. Второв проанализировали ряд показателей, характеризующих роль ПИИ в экономике страны.

В частности, они выяснили, что показательный индекс ПИИ ранжирует страны ШОС в зависимости от количества получаемых ими прямых иностранных инвестиций относительно ВВП. Для оценки данного показателя важны не только размеры национального рынка, но и деловой климат, экономическая стабильность, наличие природных ресурсов, инфраструктура, квалификация трудовых ресурсов и используемые технологии, инвестиционный климат и результаты политики по привлечению прямых иностранных инвестиций. В табл. 1 представлены места семи стран-членов ШОС по зани-

Таблица 1. Место стран ШОС по показательному и потенциальному индексу ПИИ

Экономики	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Ранжирование по показательному индексу						
Россия	62	65	60	58	56	57
Китай	97	83	86	84	82	79
Казахстан	18	9	25	24	22	23
Узбекистан	92	77	74	74	73	71
Кыргызстан	37	51	36	34	33	34
Таджикистан	110	109	117	114	114	113
Ранжирование по потенциальному индексу						
Россия	9	8	8	7	7	6
Китай	30	27	26	25	25	23
Казахстан	44	54	53	50	49	47
Узбекистан	109	106	105	104	103	101
Кыргызстан	97	90	91	89	88	88
Таджикистан	110	109	110	111	109	108

маемым ими местам в мире, ранжированные на основе значений показательного и потенциального индекса ПИИ.

Самое высокое место среди стран ШОС занимал Казахстан — 23 позиция среди стран мира по итогам 2013 г. Важно отметить, что за рассматриваемый период эта позиция значительно колебалась от 25 места в 2010 г. до 9 места в 2009 г.

Высокое место по этому показателю занимала Россия. В 2008 г. была на 62-м месте, а в 2013 г. уже на 57-й позиции. Важно подчеркнуть, что хотя у России показательный индекс ПИИ за рассматриваемый период и колебался, в целом можно проследить тенденцию улучшения позиции России.

Для анализа инвестиционной привлекательности экономик ШОС важен также потенциальный индекс прямых иностранных инвестиций. Этот показатель учитывает большое число факторов, которые влияют на экономическую привлекательность национальной экономики для иностранных инвесторов. Данный индекс — это

среднее арифметическое показателей (в диапазоне от 0 до 1), которые характеризуют экономику исследуемой страны: ВВП на душу населения; темпы роста ВВП (за последние 10 лет) и перспективы роста; доля экспорта экономики в ВВП; доля экономики в мировом экспорте природных ресурсов; доля средств, выделяемых на НИ-ОКР в ВВП; доля экономики в мировом притоке ПИИ (инвестиционный климат).

Ранжирование экономик ШОС по потенциальному индексу ПИИ позволяет сделать вывод, что самыми привлекательными для иностранного инвестирования являются Россия и Китай. За период 2008—2013 гг. по потенциальному индексу инвестирования ПИИ стабильно самую высокую позицию в ШОС занимала Россия: в 2008 г. — 9, в 2011 г. — 7, а в 2013 г. поднялась даже на 6 позицию. Следовательно, из стран ШОС Россия является одной из наиболее привлекательных для иностранного капитала. Позиции, которые занимают страны-участницы ШОС по показательному и потенциальному индексам прямых иностранных инвестиций, коррелируют с притоком инвестиций в экономику этих государств (табл. 2).

Таблица 2. Приток ПИИ в страны-участницы ШОС, млн долл. в 2008—2013 гг.

Страны	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
Россия	74 783,0	36 583,0	43 168,0	55 084,0	51 416,0	79 262,0
Китай	108 312,0	95 000,0	114 734,0	123 985,0	121 080,0	123 911,0
Казахстан	14 321,8	13 242,5	11 550,7	13 903,0	14 022,1	9738,5
Узбекистан	711,3	842,0	1628,0	1467,0	1094,0	1077,0
Кыргызстан	377	189,4	437,6	693,5	372,2	757,6
Таджикистан	375,8	15,8	15,8	11,1	289,9	107,8

На основе показательного и потенциального индексов инвестирования ПИИ, применяя методику ЮНКТАД, была построена матрица интегральной инвестиционной привлекательности прямых иностранных инвестиций государств-участников ШОС (табл. 3).

Согласно данным табл. 3, Россия благодаря высокому потенциальному индексу ПИИ входит группу передовых стран ШОС. Важно

Таблица 3. Матрица интегральной инвестиционной привлекательности ПИИ стран ШОС 2012—2013 гг.

	Высокий показательный индекс ПИИ	Низкий показательный индекс ПИИ
Высокий потенциальный индекс ПИИ	Передовые экономики Россия, Китай	Малоперспективные Узбекистан
Низкий потенциальный индекс ПИИ	Перспективные Казахстан, Кыргызстан	Непривлекательные Таджикистан

отметить, что потенциал ШОС далеко не исчерпан, организация приобретает необходимый авторитет не только в регионе, но и в мире в целом. Несмотря на имеющиеся проблемы и противоречия следует признать, что на сегодняшний день Шанхайская организация сотрудничества из всех существующих межгосударственных объединений в регионе, является необходимой и перспективной, прежде всего для государств Центральной Азии⁸⁸.

Известный китайский исследователь Ли Синь отмечал в 2015 г.: «По мере непрерывного углубления экономического сотрудничества происходит очевидное улучшение инвестиционных условий стран-участниц, объем взаимных инвестиций быстро увеличивается. Суммарные инвестиции Китая в другие страны — члены ШОС приближаются к 30 млрд долл. По мере увеличения объема инвестиций сферы взаимного инвестирования стран-участниц также постепенно расширяются: от полезных ископаемых и строительства инфраструктуры до перерабатывающей отрасли, сельского хозяйства, сферы услуг, культуры и других отраслей, а нересурсные отрасли станут в будущем новыми источниками роста взаимного инвестирования»⁸⁹.

В целях продвижения конкретных инвестиционных проектов в различных отраслях экономики России создана Инвестиционная площадка в электронном виде, которая ориентирована на организацию прямых контактов между предпринимателями из стран Шанхайской организации сотрудничества, Азиатско-Тихоокеанского региона и Ближнего Востока.

Ее цель — развитие межрегионального инвестиционного сотрудничества между странами, входящими в Деловой Совет стран

Шанхайской организации сотрудничества. Задача — разработка, запуск и поддержка автоматизированного интеллектуального пространства (интернет-портала), обеспечивающего качественный контакт между соискателями инвестиций и инвесторами.

Основные участники проекта — государства, являющиеся членами ШОС, а также любые другие регионы и страны, желающие вести экономическое сотрудничество со странами-участницами ШОС. Преимущества площадки:

- инвестиционная площадка «Оазис» функционирует при поддержке Делового совета ШОС, в рамках которого взаимодействуют предприниматели из 18 стран. Это закладывает основу для сочетания преимуществ участников проектов из разных стран;

- сайт площадки выполнен в трех языковых версиях — русской, китайской и английской. Эти версии постоянно синхронизируются, что обеспечивает легкость и эффективность коммуникации между пользователями площадки;

- регистрация пользователей на сайте площадки бесплатна, сайт не создает ложных («имиджевых») поводов для оплаты и не блокирует основные функции для бесплатных учетных записей, как это часто делается в аналогичных системах;

- инвестиционная площадка ориентирована на организацию прямых контактов между предпринимателями из разных стран, на продвижение конкретных проектов, в том числе в области малого и среднего бизнеса, а также предприятий, расположенных в регионах.

Данная площадка может быть использована для продвижения инвестиционных проектов, установления связей с потенциальными инвесторами, формирования положительного и привлекательного инвестиционного региона⁹⁰.

На Шанхайском саммите ШОС в июне 2016 г. главы государств отметили, что значительный потенциал торгово-экономических связей и инвестиционного сотрудничества в рамках ШОС, сформированный за 15 лет деятельности Организации, обеспечивает положительные тенденции в развитии регионального экономического взаимодействия и содействует совершенствованию механизмов сотрудничества. Они считают, что гармоничное развитие на пространстве ШОС отвечает интересам сбалансированного экономического

роста в регионе в целом. В этой связи будут приниматься согласованные меры, направленные на дальнейшее расширение взаимовыгодного торгово-экономического взаимодействия в рамках Организации, в том числе путем формирования благоприятных условий для торговли, взаимных инвестиций и сотрудничества между деловыми кругами⁹¹.

Как полагает М.Г. Шилина, на экономическое и инвестиционное сотрудничество негативно влияют проблемы в кредитно-финансовой сфере. Одной из проблем, стоящих перед ШОС, пока является аккумуляция средств для строительства объектов многостороннего торгово-экономического сотрудничества. Существует необходимость усилить роль Межбанковского совета, предоставить ему возможность финансирования проектов на более гибких рыночных условиях, которые бы соответствовали текущей экономической ситуации⁹².

По данным газеты «Коммерсант», в кулуарах встречи глав правительств стран-членов ШОС в декабре 2014 г. в Астане Китай предлагал остальным участникам ШОС решить проблему банка путем создания нового фонда «Китай—Евразия» с капиталом как минимум 20 млрд долл. для финансирования совместных проектов в регионе. По словам российского чиновника, «Москве уже в 2015 году предстоит сделать выбор: согласиться на роль младшего партнера Пекина в многосторонних финансовых организациях, имея доступ к китайским деньгам и возможность в коалиции с другими участниками хоть как-то контролировать финансовую экспансию КНР, либо демонстративно остаться за бортом»⁹³.

По мнению российских экспертов, ни один из членов ШОС не может сравниться с финансовыми возможностями КНР. Пекин готов кредитовать страны ШОС, тем самым постепенно вытесняя доллар и наращивая свой авторитет в Организации. К тому же, китайский проект существенно снижает роль России в ШОС, поскольку на фоне надвигающейся новой волны кризиса и падения цен на нефть дешевые китайские деньги по линии ШОС стали бы дополнительным соблазном для многих членов Организации. С принятием Индии в полноправные члены ШОС, эта дилемма может быть решена, поскольку индийский взнос в данный банк, равный китайскому

и российскому, автоматически исключил бы возможность одностороннего доминирования⁹⁴.

Кредитная политика — один из ключевых инструментов экономической стратегии КНР в Центральной Азии. В общей сложности к началу 2016 г. Китай предоставил в виде займов государствам ЦА около 30 млрд дол.

Свою кредитную деятельность Пекин активизировал в середине 2000-х годов. Первые шаги по данному направлению были сделаны под лозунгом инвестиционного сотрудничества в рамках ШОС. В 2004 г. на Ташкентском саммите организации Китай взял обязательство выделить ее участникам кредиты на сумму 900 млн дол. В 2009 г. на саммите ШОС в Екатеринбурге Китай заявил о готовности предоставить странам объединения уже 10 млрд долл.

Для управления средствами китайская сторона настаивала на создании специального механизма, в частности формировании Банка ШОС. Однако эта инициатива не получила поддержки у России, которая уже имела альтернативу в виде учрежденного в 2006 г. Евразийского банка развития. В этой связи Пекин приступил к распределению ресурсов из кредитной линии для государств ШОС путем заключения с ними двусторонних соглашений.

Условия кредитования имели и имеют следующие общие особенности. Займы предоставляются под низкий процент (1,5—3 %), на продолжительный срок (до 20 лет) и с учетом льготного периода, что делает их сверхпривлекательными для государств региона, доступ которых на западные финансовые рынки затруднен. Кредитная деятельность Китая имеет целевой характер и концентрируется на ограниченном спектре отраслей, как то: добыча и транспортировка нефти и газа, создание энергетических мощностей, строительство объектов инфраструктуры, горнодобывающая промышленность. Предпочтение отдается проектам, способствующим расширению рынка сбыта китайской продукции (например, по обустройству ориентированной на СУАР КНР транспортной инфраструктуры), а также тем, которые открывают доступ компаниям из Китая к среднеазиатским месторождениям углеводородов и металлов. Деньги осваиваются преимущественно китайскими подрядчиками, часто с привлечением своей рабочей силы и с использованием китайского

оборудования. Основные платежи по двусторонним соглашениям проводятся через Народный банк Китая, Экспортно-импортный банк КНР (Эксимбанк) и Государственный банк развития КНР.

В целом активная кредитная политика Китая в ЦА привела к быстрому росту долговых обязательств стран региона перед восточным соседом. Если раньше главными займодателями для них были международные финансовые институты, то теперь в числе ведущих кредиторов уверенно закрепился Китай и планомерно продолжает усиливать свои позиции. В 2015 г. доля КНР во внешнем государственном долге Таджикистана достигла 43 % (0,9 млрд дол.), Киргизии — 35 % (1,2 млрд), Казахстана — 8,5 % (13,3 млрд). Кредиты государствам региона остаются основной финансовой политики КНР в ЦА. На этом фоне в ЦА растет и политический вес Поднебесной⁹⁵.

Таким образом, отсутствие общего для стран ШОС Банка обуславливает ситуацию, при которой многие проекты в Центральной Азии финансируются Китаем напрямую, что ведет к его экономическому доминированию в регионе. Сложившаяся ситуация невыгодна России, так как не позволяет контролировать данный процесс. Поэтому следует согласиться на создание Банка развития с доминированием Китая в уставном капитале и органах управления, но согласовать принципы инвестирования на наиболее выгодных условиях. В данном контексте следует сосредоточиться на тщательной разработке нормативных документов, содержащих порядок формирования льготных ставок и схемы, принимающие во внимание интересы страны — реципиента кредита, что позволит учитывать позицию России и других членов ШОС⁹⁶.

По мнению А. Габуева, к 2013 г. «стало ясно, что банк не очень нужен для продвижения экономических интересов Китая в Центральной Азии — после мирового кризиса страны региона выстроились в очередь за китайскими деньгами, и Пекин начал выдавать им кредиты на двусторонней основе через свои госбанки (основные проекты финансировались по линии Банка развития Китая, Экспортно-импортного банка и группы СІТІС). Кредитуя отдельные страны, Пекин не был связан никакими многосторонними правилами, а потому мог сполна пользоваться сложным положением заемщиков и выбивать крайне выгодные условия. Россия оказалась пол-

ностью исключена из этой схемы и, более того, никак не могла сопротивляться кредитной экспансии Пекина»⁹⁷.

Как отмечал ранее А. Габуев, «начиная с 2012 г. недовольство позицией России нарастает, периодически прорываясь в публичное пространство — чаще всех вопрос поднимает президент Киргизии Алмазбек Атамбаев. В неформальных же разговорах раздражение «неконструктивной позицией» Москвы выражают многие чиновники и банкиры других стран Центральной Азии, в особенности — Казахстана.

Причина понятна. Торпедирование Москвой идеи Банка развития ШОС не только не тормозит кредитную экспансию Пекина в Центральной Азии, но и переводит ее в самую неприятную форму. В условиях отсутствия многостороннего института с четкими правилами, каким мог бы быть Банк развития ШОС, страны региона вынуждены напрямую обращаться к КНР и вести переговоры с Пекином один на один. Китай не связан никакими рамками и может жестко продавливать свои условия»⁹⁸.

При создании Банка Развития ШОС следует учесть предложения экспертов, касающихся развития Нового банка развития (НБР) БРИКС. В частности, основными функциями и приоритетами банка развития в условиях современной мировой экономики следует считать финансирование (на основе анализа соотношения качества и цены в рамках проектного финансирования) тех проектов в области экономики, социальной политики и защиты окружающей среды, которые вносят наибольший вклад в приумножение общественного блага (public utility), при том, что именно банк развития, в отличие от других финансово-кредитных институтов, способен обеспечить финансирование подобных проектов на льготной и долгосрочной основе⁹⁹.

В данном контексте следует продолжить разработку концепции Банка ШОС как многопрофильного банка развития, который мог бы органично дополнить работу уже существующих в зоне ответственности ШОС кредитно-финансовых институтов и организаций. Как отмечает, например, К. Муратшина, на евразийском пространстве и так действует большое количество международных финансовых организаций: Азиатский банк развития, Евразийский банк развития, Банк БРИКС, Азиатский банк инфраструктурных инвести-

ций, Всемирный банк. Практически все акторы, в первую очередь Китай, заинтересованы лишь во вложениях в инфраструктуру и получение энергоресурсов. Многосторонние банки развития, действующие на этом пространстве, ставят себе целью вложения исключительно в определенные отрасли: строительство автомобильных и железных дорог, трубопроводов и электросетей. Социальной значимостью и вложениями в обрабатывающую промышленность отличаются лишь проекты созданного Россией и Казахстаном ЕАБР¹⁰⁰.

По мнению Председателя правления ЕАБР Д. Панкина, «сейчас для банков развития очень важно дистанцироваться от проектов, которые могли бы быть профинансированы коммерческими банками. Где необходимы международные банки развития? Это трансграничные большие инфраструктурные проекты. Например, транспортный путь из Китая через Казахстан, через Россию в Западную Европу. Или проект строительства линий электропередач между Китаем и Россией, Казахстаном — Китаем, Казахстаном — Россией. И в таких проектах, где участвует несколько стран, очень важно иметь некий координирующий орган, которым как раз и может стать международный банк развития. А дальше уже национальные банки развития могут подсоединяться и брать на себя какую-то часть этих крупных проектов. Для реализации крупных межстрановых проектов, которые не потянет коммерческий банк, нужно объединение усилий международных и национальных банков развития»¹⁰¹.

В заключение следует отметить, что вопрос о создании Банка развития ШОС — лишь один спектр широкой палитры перспектив финансового сотрудничества в рамках организации. Эти перспективы в концентрированном виде изложил известный китайский исследователь Ли Синь.

По его мнению, укрепляется финансовое сотрудничество, осуществляется содействие финансированию, расширяются межбанковское и финансово-кредитное сотрудничество между всеми странами, допускается оформление кредитов в национальной валюте и экспортных покупательских кредитов для стран-участниц, кроме того, происходит эмиссия облигаций в национальной валюте. Происходит интенсификация проектов по финансовой поддержке на случай рисков; создаются механизмы сотрудничества по проведе-

нию межбанковских расчетов в национальной валюте; стимулируется развитие двусторонних расчетов в национальной валюте в сфере бизнеса.

Активно стимулируются контакты и сотрудничество между центральными банками и финансовыми учреждениями всех стран региона; принимаются меры предосторожности в отношении финансовых рисков; контроль и управление трансграничными банками осуществляются на основании принципов, установленных Базельскими соглашениями; идет активный поиск эффективных механизмов контроля и управления финансами. В будущем специальный банковский счет для экономического сотрудничества в рамках ШОС превратится в Фонд развития ШОС, будут созданы Фонд инвестиционного сотрудничества ШОС и Венчурный фонд, которые будут предоставлять финансирование для обслуживания совместных проектов в рамках многостороннего сотрудничества. В регионе поощряется создание кооперативных банков; страховых компаний; продвигаются финансовые инновации внутри региона; возрастает интенсивность кредитной поддержки малого и среднего бизнеса; прилагаются усилия для того, чтобы заложить прочный фундамент для развития инвестиций и торговли внутри региона.

Создание Валютного фонда ШОС будет способствовать валютному сотрудничеству между странами-членами; интенсифицирует валютные свопы между центральными банками; сделает более интенсивными взаимные расчеты в национальной валюте при торговле; позволит определить возможности, выходящие за пределы использования суверенных валют; будет стимулировать диверсификацию резервных валют стран-участниц. Происходит содействие формированию и развитию оффшорных денежных и облигационных рынков, поддерживается интернационализация использования национальных валют стран региона. Стимулируется взаимная финансовая открытость региона; оказывается содействие свободным потокам финансовых реквизитов в регионе; происходит оптимизация распределения ресурсов; укрепляется сотрудничество в сфере фондовых средств, техники и кадров; развиваются торговля и инвестиции. Ускоряются темпы создания механизмов делового сотрудничества; происходит диверсификация сфер деятельности, включая

операции по международным расчетам, ссудам, агентские услуги и инвестиционные банки¹⁰².

Таким образом, рассмотрение вопросов финансово-экономического сотрудничества в рамках ШОС позволяет предложить следующие рекомендации. Они могут быть полностью или частично использованы в ходе дальнейшей работы по развитию финансового сотрудничества в период председательствования Китая в ШОС в 2018 г., на который страны — члены организации обоснованно возлагают большие надежды.

Выводы и рекомендации:

- повышение эффективности деятельности ШОС в финансово-экономической сфере путем оптимизации сферы международно-правового регулирования, в частности разработки базового универсального экономического соглашения между всеми странами-участницами;
- последовательное применение системного подхода, включая гармонизацию национальных законодательств; выравнивание уровня развития экономики; создание системообразующих структур, необходимых для материализации проектной деятельности;
- расширение роли частного сектора, который, как правило, более активен и прогрессивен с точки зрения продвижения бизнеса. Формируя определенную среду, необходимо создать такие условия, которые будут содействовать присутствию частного сектора в финансово-экономической деятельности ШОС;
- выработка экономически обоснованных решений в сотрудничестве. Существует необходимость в проведении глубинного исследования и анализа потенциальных областей сотрудничества в рамках организации. Определение областей сотрудничества, где есть условия для экономического взаимодополнения, должно вызвать интерес у потенциальных партнеров, уменьшить долю неопределенности и недоверия в ожидаемых деловых отношениях;
- предоставление Межбанковскому объединению (МБО) ШОС возможности финансирования проектов на более гибких рыночных условиях, которые бы соответствовали текущей экономической ситуации, что позволит осуществлять финансовое обеспечение мас-

штабных проектов и будет способствовать дальнейшему формированию современной инфраструктуры торгово-экономических связей государств — членов ШОС;

- повышение статуса и роли МБО ШОС в структуре Секретариата ШОС с правом принятия обязательных рекомендаций в сфере финансового сотрудничества, которые впоследствии выносились бы на окончательное обсуждение и решение в рамках Совета глав государств и Совета глав правительств ШОС;

- использование опыта создания Нового банка развития БРИКС (НБР) для разработки концепции Банка ШОС как многопрофильного банка развития для поддержки проектов в области экономики, социальной политики и защиты окружающей среды, которые вносят наибольший вклад в приумножение общественного блага.

Примечания

¹ URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1075402.shtml>

² Жэньминь жибао онлайн. 15.05.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/8628076.html>

³ *Дергачев В.* Будет ли Евразийский Союз частью китайского суперпроекта?. URL: http://dergachev.ru/analit/The_Great_Silk_Road/04.html#.U5AOSvl_uJp

⁴ *Чжон Шэн.* Развивать дух Шелкового пути и совместными усилиями совершать великие дела. С. 4—5. URL: www.silkway-42/newsmore/

⁵ Новый Шелковый путь: стратегические интересы России и Китая. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2883#top

⁶ Договор о Евразийском экономическом союзе. С. 34—35. URL: docs.cntd.document/

⁷ URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2460588>

⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>

⁹ Заседание Высшего Евразийского экономического совета. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49435>

¹⁰ В Улаанбаатаре Нарышкин поклонился Чингисхану и помешал акции протеста монгольских шаманов. URL: <http://asiarussia.ru/news/6201/>

¹¹ Пресс-конференция Министра иностранных дел России С.В. Лаврова «на полях» саммитов БРИКС и ШОС. Уфа, 9 июля 2015 г. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/94B3FFD7279721CA43257E7D00449B30

¹² В Улаанбаатаре Нарышкин поклонился Чингисхану и помешал акции протеста монгольских шаманов. URL: <http://asiarussia.ru/news/6201/>

¹³ Стенограмма заседания Совета глав государств — участников Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе, 10 июля 2015 г., Уфа. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49908>

¹⁴ URL: <http://www.nakanune.ru/news/2014/6/2/22355048/>

¹⁵ URL: <http://www.pravda.ru/economics/rules/globalcooperation/02-05-2014/1206269-china-0/>

¹⁶ См.: Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. С. 3. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YpPqGqLvQI4uаMX431MkrMbFNewBneO.pdf>

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ Уфимская декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. С. 9. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/PyhhPKOjP2Lj5IjmF5a5CWlgaHxRxA6.pdf>

¹⁹ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. С. 5—6.

²⁰ Там же. С. 6—7.

²¹ Пресс-конференция Министра иностранных дел России С.В. Лаврова «на полях» саммитов БРИКС и ШОС. Уфа, 9 июля 2015 г. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/94B3FFD7279721CA43257E7D00449B30

²² *Габуев А.* Приручить дракона. Как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС // Россия в глобальной политике. 2015. № 1. С. 154—155.

²³ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. С. 18.

²⁴ Официально подписано соглашение о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. URL: http://russian.news.cn/importnews/2015-06/29/c_134364975.htm

²⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе. С. 34—35.

²⁶ К Великому океану-3. Создание Центральной Евразии. Экономический пояс Шелкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств // Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» (краткая версия). 2015. С. 11.

²⁷ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. С. 18. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YPPgQlLvQI4uaMX43IMkrMbFNewBneO.pdf>

²⁸ Стенограмма заседания Совета глав государств — участников Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе. 10 июля 2015 г. Уфа. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49908>

²⁹ Там же.

³⁰ Уфимская декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. С. 10. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/PyhhPKOjP2Lj5IjmFSa5CWIgaHxRxA6.pdf>

³¹ Стенограмма заседания Совета глав государств — участников Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе. 10 июля 2015 г. Уфа. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49908>

³² МИД КНР: Банк развития ШОС не противоречит стратегиям БРИКС и АПВ. URL: <http://ria.ru/economy/20150710/1125076200.html>

³³ ЦГИ «Берлек-Единство»: Потенциал Банка развития ШОС в соотношении с другими региональными проектами. URL: <http://www.ca-portal.ru/article:20260>

³⁴ Стенограмма заседания Совета глав государств — участников Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе...

³⁵ К вопросу о создании финансовых механизмов Шанхайской Организации Сотрудничества (Справочный материал). URL: http://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/939397

³⁶ Межбанковское объединение в рамках ШОС (Справочный материал). URL: http://www.mid.ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/939476

³⁷ URL: <https://kapital.kz/naznacheniya/51422/bolat-zhamishev-vozglavit-mezh-bankovskoe-obedinenie-shos.html>

³⁸ Одобрена новая стратегия развития Межбанковского объединения ШОС. URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=9796042>

³⁹ Деловой совет ШОС: Новые возможности для развития должны сыграть положительную роль. <http://www.vedkuzbass.ru/index.php/novosti/2402-delovoj-sovet-shos-novye-vozmozhnosti-dlya-razvitiya>

⁴⁰ URL: <http://infosco.biz/ru/?pageId=306>

⁴¹ *Тюрин Д.* Карманные деньги ШОС // Финансовая газета. 2017. 4 дек. URL: <http://fingazeta.ru/opinions/karmannyie-dengi-shos-206318/>

⁴² Китай может инвестировать 8 млрд долл. на создание Банка развития ШОС. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=7317>

- ⁴³ URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7646474.html#>
- ⁴⁴ *Габуев А.Т.* Банк развития ШОС: выгоден всем? // Ежегодник Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ. Вып. 2 (12). 2015. С. 65–66.
- ⁴⁵ *Габуев А.* Приручить дракона. Как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС // Россия в глобальной политике. 2015. № 1. С. 154–155.
- ⁴⁶ URL: <http://www.biz.infoshos.ru/ru/?newId=80&domainId=biz>
- ⁴⁷ Состоялся первый совместный финансовый форум БРИКС и ШОС. URL: http://www.vcb.ru/press/news/index.php?id_19=100872
- ⁴⁸ Медведев выступил за скорейшее создание Банка развития ШОС. URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=17497>
- ⁴⁹ *Мордвинова А.Э.* Кредиты как инструмент экономической стратегии Китая в Центральной Азии. URL: <https://riss.ru/analytcs/26899/>
- ⁵⁰ URL: https://studexpo.ru/195925/mirovaya_ekonomika/investitsionnoe_sotrudnichestvo_kazahstana_kitaem_ramkah
- ⁵¹ *Хаджиева Г.У.* Шанхайская организация сотрудничества: экономические взаимоотношения стран Центральной Азии и Китая // Вестник УГУЭС. Наука. Образование. Экономика. Серия: Экономика. 2013. № 4 (6). С. 36.
- ⁵² URL: <http://www.nationalbank.kz/?docid=871&switch=russian>
- ⁵³ URL: <http://ru.sputnik-tj.com/economy/20141215/1013580882.html>
- ⁵⁴ *Ерлан Идрисов.* ШОС необходимо усилить взаимодействие с ЕАЭС. URL: <http://tass.ru/opinions/interviews/3366129>
- ⁵⁵ URL: <http://ub.kg/ru/rsk-bank-prinyal-uchastie-v-zasedanii-soveta-mbo-shos-v-astane/>
- ⁵⁶ *Нарибаев М.* Сотрудничество Казахстана с ШОС как фактор развития внешнеэкономической деятельности на современном этапе // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 4–5 (64–65). С. 187.
- ⁵⁷ *Мордвинова А.Э.* Кредиты как инструмент экономической стратегии Китая в Центральной Азии. URL: <https://riss.ru/analytcs/26899/>
- ⁵⁸ URL: <http://www.mfa.gov.kg/contents/view/id/95>
- ⁵⁹ Банк развития ШОС необходим государствам-членам организации для укрепления их экономик. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-07/10/content_36031533.htm
- ⁶⁰ Стенограмма заседания Совета глав государств — участников Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе. 10 июля 2015 г. Уфа. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/49908>

⁶¹ На форуме в Уфе заявили об открытии банка развития ШОС. URL: https://proufu.ru/news/ekonomika/na_forum_urban_bayram_v_ufe_zayavili_ob_otkrytii_banka_razvitiya_shos/

⁶² Кожошев выступил за скорейший запуск Банка развития ШОС. URL: <http://knews.kg/2016/06/kyrgyzstan-vystupil-za-skorejshij-zapusk-banka-razvitiya-shos/>

⁶³ URL: <https://sputnik.by/politics/20161104/1025942865/pyatnadcatiletie-shos-itogi-planu-perspektivy.html>

⁶⁴ *Чеботарев А.* ШОС: к новым горизонтам развития // Центр Азии. № 4 (110). URL: <https://www.asiakz.com/shos-k-novym-gorizontam-razvitiya>

⁶⁵ URL: <https://vlast.kz/novosti/23394-bank-razvitiya-sos-predlagaet-sozdat-prezident-kyrgyzstana.html>

⁶⁶ Совместное заявление президентов Кыргызстана и Узбекистана. 05.09.2017. URL: <http://kabar.kg/news/sovместное-zaiavlenie-prezidentov-kyrgyzstana-i-uzbekistana/>

⁶⁷ URL: <https://www.un.int/kyrgyzstan/ru/news/>

⁶⁸ Выступление Министра иностранных дел на заседании СМИД ШОС. 02.08.2014. URL: <http://tajenconsul-eka.ru/novosti/35762/>

⁶⁹ *Попов Н., Содиков М., Шарипов С.* Шанхайская организация сотрудничества и ее взаимодействие с Республикой Таджикистан // Актуальные проблемы развития общества и экономики. С. 35. URL: www.bagsurb.ru/about/journal/o-zhur-nale/popov,%20sodikov,%20sharipov

⁷⁰ Внешнеполитические векторы Таджикистана: Таджикистан и ШОС. URL: <http://sibir-eurasia.ru/publications/vneshniepoliticheskie-viektory-tadzhikistana-i-shos>

⁷¹ *Мордвинова А.Э.* «Кредиты как инструмент экономической стратегии Китая в Центральной Азии. URL: <https://riss.ru/analitics/26899/>

⁷² В Душанбе обсужден вопрос создания Банка развития ШОС. URL: <http://nm.tj/economy/10906-v-dushanbe-obsuzhden-vopros-sozdaniya-banka-razvitiya-shos.html>

⁷³ Содействие инвестициям — важная составляющая торгово-экономического сотрудничества ШОС. URL: <http://rus.sectso.org/economy/20170427/260976.html>

⁷⁴ Узбекистан поддержал предложения Китая о создании Банка развития ШОС. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1308301920>

⁷⁵ *Мордвинова А.Э.* Кредиты как инструмент экономической стратегии Китая в Центральной Азии. URL: <https://riss.ru/analitics/26899/>

⁷⁶ *Азимов Р.* Узбекистан выступает за создание банка развития ШОС. URL: <http://kommersant.uz/news/rustam-azimov-uzbekistan>

⁷⁷ Узбекистан и Кыргызстан не хотят трансформировать Евразийский банк развития в банк ШОС. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2015-02-16--uzbek-istan-i-kyrgyzstan-ne-hotjat-transformirovat-евразийский-bank-razvitija-v-bank-shos-16729>

⁷⁸ ШОС-2017: конец красивой сказки. URL: <https://anhor.uz/columnists/shos-2017-konec-krasivoy-skazki>

⁷⁹ *Муратишина К.Г.* К вопросу о создании банка ШОС // Управленческое консультирование. 2017. № 7. С. 51.

⁸⁰ Информационное сообщение по итогам заседания Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества (г. Астана, 8—9 июня 2017 года). С. 6. URL: <http://rus.sectsc.org/documents/>

⁸¹ *Михалов А.Ю., Князева Е.О.* Банк развития в структуре Шанхайской организации сотрудничества // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 39. С. 44.

⁸² URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/59846/print>

⁸³ Итоговый документ Международной конференции «Роль межбанковского сотрудничества в обеспечении темпов экономического роста на пространстве ШОС, БРИКС, ЕАЭС. 30 июня 2015 г. Россия. Москва. URL: <http://www.fbacs.com/wp/wp-content/uploads/2015/07/>

⁸⁴ Межбанковское объединение ШОС — финансовый мост между Европой и Азией. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/4464456.html>

⁸⁵ URL: <http://infoshos.ru/ru/?idn=16386>

⁸⁶ Информационное сообщение о внеочередном заседании Совета министров иностранных дел государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://ecrats.org/ru/news/6979>

⁸⁷ Совместное коммюнике по итогам шестнадцатого заседания Совета глав правительств / премьер-министров/государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. URL: http://russian.news.cn/2017-12/02/c_136794118.htm

⁸⁸ *Удалов У.Ф., Бодрикова О.А., Второв В.В.* Анализ инвестиционного сотрудничества стран в области экономики. URL: <http://izron.ru/articles/perspektivy-razvitiya-ekonomiki-i-menedzhmenta-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-nau/sektsiya-10-mirovaya-ekonomika-i-mezhdunarodnye-ekonomicheskie-otnosheniya/analiz-investitsionnogo-sotrudnichestva-stran-v-oblasti-ekonomiki/>

⁸⁹ *Ли Синь.* Проблемы экономического сотрудничества ШОС, Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза // Ежегодник Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ. Вып. 2 (12). 2015. С. 57.

⁹⁰ Инвестиционная площадка «ОАЗИС». URL: <http://rcpp19.ru/novosti/investicionnaya-ploshhadka-oazisl.html>

⁹¹ Информационное сообщение по итогам заседания Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5095/print>

⁹² *Шилина М.Г.* Шанхайская организация сотрудничества как формат политического и экономического взаимодействия государств: реалии и перспективы. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/01/19/1107010194/%D0%A8%D0%B8%D0%B%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf>

⁹³ ШОС получит расчет в юанях. Китай укрепляет лидерство в организации. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2634265>

⁹⁴ *Комиссина И.Н.* Размышления после саммита ШОС: новые реалии, новые перспективы // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 1 (34). С. 77.

⁹⁵ *Мордвинова А.Э.* Кредиты как инструмент экономической стратегии Китая в Центральной Азии. URL: <https://riss.ru/analytics/26899/>

⁹⁶ *Шилина М.Г.* Международно-правовое регулирование экономического сотрудничества в рамках ШОС: особенности, проблемы, перспективы. URL: <http://www.eurasiafinace.ru/naunye-stati/item/894-mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-ekonomicheskogo-sotrudnichestva-v-ramkakh-shos-osobennosti-problemy-perspektivy.html>

⁹⁷ Больше, да хуже. Как Россия превратила ШОС в клуб без интересов. URL: <http://carnegie.ru/commentary/71212>

⁹⁸ Приручить дракона: Как использовать финансовые амбиции Китая в ШОС. URL: <http://carnegie.ru/2015/02/19/ru-pub-59136>

⁹⁹ *Sijiak L.* Rethinking the Orientation of the New Development Bank // BRICS Think Tank Conference Proceedings, Xiamen, April 2017. P. 3—4.

¹⁰⁰ *Муратишина К.Г.* К вопросу о создании Банка ШОС // Управленческое консультирование. 2017. № 7. С. 48.

¹⁰¹ URL: https://eabr.org/press/publications/dmitriy-pankin-kazakhstanskie-proekty-zanimayut-lvinuyu-dolyu-v-portfele-eabr/?sphrase_id=6470

¹⁰² *Ли Синь.* Проблемы экономического сотрудничества ШОС, Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза // Ежегодник ИМИ МГИМО (У) МИД РФ. Вып. 2 (12). 2015. С. 59—60.

Глава 3

КОНТУР ПРИГРАНИЧНОГО И МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

3.1. Проблемы и перспективы приграничного и межрегионального сотрудничества России со странами СВА

Развитие приграничного и межрегионального сотрудничества — неотъемлемая составляющая межгосударственных отношений и интеграционных процессов, особенно между сопредельными странами. Ускоренное освоение и развитие российского Дальнего Востока, Забайкалья и Восточной Сибири имеет принципиальное значение для реализации экономической стратегии России, модернизации российской экономики, придания ей инновационного характера и интеграции в экономическое пространство АТР. Решение этих задач требует значительного усиления взаимодействия России со странами АТР, прежде всего с Китаем и его северо-восточными провинциями (что, впрочем, не принижает интереса РФ к развитию всестороннего приграничного сотрудничества с другими странами региона: Японией, КНДР и Республикой Корея).

Межрегиональное и приграничное сотрудничество традиционно является важным элементом комплекса торгово-экономических отношений РФ и Китая, что предопределяется географической близостью двух стран, наличием общей границы протяженностью 4300 км и тесными культурно-историческими связями их народов.

Для решения комплекса проблем в сфере российско-китайских торгово-экономических, финансовых и приграничных отношений представляется целесообразным:

- оптимизация структуры российско-китайской торговли за счет повышения доли продукции машиностроения и товаров с более высокой добавленной стоимостью;

- поощрение и участие российских предприятий в перестройке старых промышленных баз на северо-востоке КНР и в западных районах, а китайских — в развитии инфраструктуры и реконструкции промышленных предприятий и развитии сельского хозяйства на территории российского Дальнего Востока и Сибири;

- повышение статуса и значения, в том числе за счет участия первых лиц государства, торгово-экономических ярмарок в Харбине и Урумчи (КНР) и развитие аналогичных регулярных торгово-экономических ярмарок в азиатской части РФ (например, в Новосибирске, Иркутске, Хабаровске, Владивостоке);

- развитие и модернизация трансграничной инфраструктуры, т. е. строительство мостов через реки Аргунь, Амур и Уссури, реконструкция существующих и строительство новых железнодорожных линий и автомобильных трасс в приграничных районах Дальнего Востока и Восточной Сибири;

- создание российско-китайских транспортных коридоров: водный путь «река — море» по рекам Амур, Сунгари и Уссури до Хабаровска, железнодорожный транспортный коридор «Восточный путь» из Китая через Суйфэньхэ—Гродеково до Уссурийска;

- создание региональных сетей в сфере воздушных перевозок на базе аэродромов Харбина, Чанчуня, Шэньяня, Хух-Хото на территории КНР и Владивостока, Хабаровска, Иркутска, Якутска на территории РФ;

- реконструкция российско-китайских погранпереходов по сухопутной и водной российско-китайской границе.

Для развития российско-китайского приграничного сотрудничества большое значение имеет максимальное подключение Китая к реализации программы развития российского Дальнего Востока, а России — к программам развития северо-востока Китая и западных районов.

Целесообразно проводить на Дальнем Востоке России политику «малых шагов», используя опыт КНР 1980—1990-х годов по осуществлению «открытой внешнеэкономической политики». Эта политика может быть осуществлена в несколько этапов:

- создание таможенных зон российско-китайской торговли на пограничных переходах Маньчжурия—Забайкальск, Гродеково—Суйфэньхэ, Благовещенск—Хэйхэ и др.;

- создание свободных экономических зон в российских городах на границе с Китаем — Благовещенск, Хабаровск, Уссурийск;

- разработка и принятие закона о создании совместных предприятий в приграничных районах, в соответствии с которым вновь учрежденным совместным предприятиям предоставляются льготы различного характера. Например, в Китае к таким льготам относятся: уменьшение налоговой базы, сниженные ставки налога на добавленную стоимость, налога на импорт, на землю и недвижимость, частичное возмещение затрат на аренду недвижимости. В дополнение компании, разместившие свои штаб-квартиры в Центральном Китае и купившие, например, недвижимость, могут уменьшить налоговую базу на 40 %. В отношении земельных участков, занимаемых такими компаниями, действует упрощенный порядок оформления;

- разработка и принятие закона о зонах технико-экономического развития на базе академгородков во Владивостоке, Хабаровске, Иркутске и Новосибирске. В Китае это, как правило, высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты, технопарки и внедренческие лаборатории, а также компании, разрабатывающие и выпускающие высокотехнологичную продукцию, расположенные на единой территории. Субъекты таких зон получают государственное финансирование, приоритет отдается важнейшим направлениям современной науки.

Представляется также целесообразным создавать на приграничной с Китаем территории промышленные зоны научно-технического сотрудничества, различные зоны приграничного торгово-экономического сотрудничества, которые могли бы стать своего рода анклавами (кластерами) для отработки новых форм двустороннего торгово-экономического взаимодействия. Впоследствии этот опыт

мог бы переноситься на другие регионы Дальнего Востока и Сибири¹.

Вышеуказанные предложения частично учитываются при создании в регионе территорий опережающего социально-экономического развития.

Приграничные и межрегиональные взаимоотношения российских и китайских регионов динамично развиваются и становятся важнейшим элементом укрепления дружбы и сотрудничества между нашими странами. Интенсивно осуществляются гуманитарные обмены между регионами в сфере образования, науки, здравоохранения, культуры и спорта. Приграничные территории располагают выгодными геополитическими условиями и благоприятными предпосылками межрегиональной экономической интеграции.

В целях систематизации и дальнейшего развития приграничных связей необходимо сосредоточить совместные усилия на следующих направлениях деятельности²:

- продолжить работу по совершенствованию приграничной инфраструктуры и оптимизации работы пунктов пропуска на российско-китайских участках государственной границы, в том числе с использованием механизма государственно-частного партнерства;
- совершенствовать национальные законодательства об осуществлении международного сотрудничества, в том числе приграничного;
- активизировать российско-китайскую торговлю продвижением новых экспортных товарных позиций;
- снизить излишнее администрирование государственных контрольных органов;
- осуществлять совместные действия по культивированию в приграничье экологически чистого производства и переработки сельскохозяйственной продукции;
- продолжить формирование благоприятного инвестиционного климата для привлечения зарубежных инвестиций в реальные сектора экономики;
- сформировать условия для вовлечения в инвестиционные процессы субъектов малого и среднего предпринимательства;

- органам государственной власти приграничных регионов содействовать интеграции субъектов экономической деятельности в проекты, реализуемые на территории России с особыми условиями ведения хозяйственной деятельности (ОЭЗ, ТОСЭР);
- в целях создания благоприятных условий для пересечения границы гражданами, следующими исключительно в туристических целях, рассмотреть возможность применения двухканальной системы («красный» и «зеленый» коридоры) в имеющихся соответствующие технические условия пунктах пограничного пропуска;
- органам государственной власти приграничных регионов России и Китая обратиться в центральные органы своих государств по вопросу увеличения максимального срока безвизового пребывания российских и китайских граждан на сопредельной территории, следующих в туристических целях;
- совершенствовать механизмы оценки и использования международного рынка трудовых ресурсов, осуществлять подготовку специалистов и квалифицированных рабочих для реализации совместных проектов;
- развивать сотрудничество в сфере науки и инноваций, осуществлять совместные действия по применению в экономике и природопользовании интегрированных экологических методов и технологий;
- осуществлять внедрение и обмен инновационными медицинскими технологиями в целях повышения уровня и продолжительности жизни населения, проживающего на приграничных территориях;
- продолжить развивать всесторонние международные связи между соотечественниками, проживающими на сопредельных территориях;
- при разработке и корректировке документов долгосрочного стратегического планирования предусмотреть проведение социальной и экологической экспертизы в рамках стратегической экологической оценки (СЭО). Результаты научного прогнозирования последствий техногенного вмешательства учитывать при реализации транспортно-энергетических проектов;
- продолжить совместные действия по сохранению и расширению природоохранных территорий и реализации специальных эко-

логических программ по сохранению биоразнообразия в руслах и водосборных границах пограничных рек и озер;

- сформировать эффективную совместную систему оперативно-го реагирования, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

КНР занимает первое место в рейтинге стран, которые, по мнению жителей России, являются самыми важными и ценными партнерами для РФ. Именно с Китаем у России складываются наиболее дружественные отношения — считают 62 % респондентов по итогам опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в середине 2017 г. среди 1500 опрошенных в 104 населенных пунктах страны³.

На фоне экономической глобализации и региональной интеграции важными аспектами в развитии двусторонних отношений России и Китая становятся использование сравнительных преимуществ приграничных регионов (Дальнего Востока и Северо-Востока Китая), стимулирование стратегического развития сотрудничества в этой области, повышение ее конкурентоспособности.

Как подчеркивает в этой связи китайская газета «Цанькао Сяоси», данные регионы находятся в непосредственной географической близости и необходимо прилагать усилия для усиления обмена между народами обеих стран, укреплять взаимное доверие и поддерживать дружественные отношения. Общие интересы в таком случае станут движущей силой для содействия экономическому развитию на местном уровне. Это принесет пользу приграничным регионам и создаст внутри них благоприятный социальный климат. Исходя из этого, российское и китайское правительства должны оказывать большое внимание гармоничному развитию регионального сотрудничества.

За последнее десятилетие китайское правительство подготовило ряд стратегических планов государственного значения по возрождению и ускорению развития Северо-восточного региона КНР. Ключевой упор здесь делается на открытость внешнему миру, стабильное развитие, оптимизацию и модернизацию промышленной структуры, а также введение институциональных инноваций⁴.

Как полагает автор статьи, за последние пять лет в области сотрудничества, основанного на общности интересов двух стран, были достигнуты следующие результаты:

- наблюдается постоянный рост объема торговли. В настоящее время Китай является крупнейшим торговым партнером на российском Дальнем Востоке, крупнейшим источником импорта и третьим по величине экспортером. С расширением масштабов торговли обмен становится все более разнообразным, а его структура оптимизируется. В дополнение к непрерывному расширению традиционного торгового ассортимента, доля высокотехнологичной продукции и продукции с высокой добавленной стоимостью также растет;

- создан механизм консультаций для достижения гармоничного развития соседних регионов. Правительства двух стран и соответствующие ведомства постепенно сформировали ряд двусторонних форматов для усовершенствования модели и способов ведения торгово-экономического сотрудничества, содействия росту торговли и понижению торговых барьеров, укреплению пограничного строительства и координации норм соответствующего законодательства;

- кооперация, привлечение капиталов, совместная разработка региональных ресурсов стали важной частью приграничного взаимодействия. Из общего объема иностранных инвестиций на российский Дальний Восток (98 млрд долл.), 80 % — вклад китайской стороны. В последние годы представители приграничных районов России и Китая открывают новые совместные торгово-промышленные предприятия, прилагают усилия для развития инфраструктурного строительства в регионе и способствуют дальнейшему укреплению научно-технического сотрудничества двух стран. Россия и Китай вместе повышают технологический уровень сельскохозяйственной деятельности;

- трансграничная электронная коммерция, имеющая огромный потенциал развития, стала новой областью и новой платформой для российско-китайского трансграничного сотрудничества. Это содействовало открытию большего количества складов, совершенствованию логистики в регионе и развитию китайского интернет-бизнеса в целом;

- выполняются планы по совместному российско-китайскому строительству крупной инфраструктуры. После некоторой задержки с российской стороны началось сооружение второй половины трансграничного железнодорожного моста Тунцзян—Нижнеленинское.

Также после 20 лет ведения переговоров было начато строительство автодорожного моста Благовещенск—Хэйхэ. Китай и Россия обсуждают сотрудничество в сфере строительства автомагистралей «Приморье-1» и «Приморье-2», а также в области реконструкции базовой инфраструктуры, необходимой для сопряжения проекта «Один пояс, один путь» и проекта развития Дальнего Востока⁵.

Успешным примером российско-китайского межрегионального взаимодействия может служить действующий с 2012 г. двусторонний механизм сотрудничества между Приволжским федеральным округом и регионами верхнего, среднего течения реки Янцзы, который в 2016 г. получил статус Совета по межрегиональному сотрудничеству «Волга—Янцзы».

В рамках Совета реализуются соглашения в сфере сельского хозяйства, производства оборудования, строительных материалов и продуктов питания, сооружения коммерческой и жилой недвижимости, химической промышленности, туризма.

Механизм межрегионального взаимодействия «Волга—Янцзы», охватывающий 14 субъектов Приволжского федерального округа (ПФО) и шесть регионов верхнего, среднего течения реки Янцзы (провинции Аньхой, Сычуань, Хубэй, Хунань, Цзянси и город центрального подчинения Чунцин), был запущен в 2013 г. в формате Круглого стола руководителей регионов под председательством Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе М.В. Бабича и члена Госсовета КНР Ян Цзечи. В 2016 г. этот механизм был преобразован в Совет по сотрудничеству регионов Приволжского федерального округа Российской Федерации и верхнего, среднего течения реки Янцзы.

Результатом работы Совета стало подписание 27 межрегиональных соглашений. В проработке находятся 68 инвестиционных проектов, 21 из них — в высокой стадии подготовки и 47 прорабатываются для последующей реализации в регионах. Подготовлены также 77 проектов в гуманитарной сфере, из которых около 40 уже реализованы по образовательным программам и обменов, а также в области культуры⁶.

В 2015 г. был создан Совет сотрудничества между регионами Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Миссия Совета

заключается в расширении кооперации в сфере инвестиций, логистики, освоении ресурсов, в переработке сельхозпродукции и модернизации транспортной инфраструктуры.

20 октября 2016 г. в Пекине под руководством заместителя председателя Правительства РФ — полномочного представителя Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Ю.П. Трутнева и заместителя премьера Госсовета КНР Ван Яна состоялось второе заседание Совета сотрудничества регионов Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Во встрече участвовали также министр Российской Федерации по развитию Дальнего Востока А.С. Галушка и главы семи субъектов Дальневосточного федерального округа.

Стороны договорились о преобразовании механизма в межправительственную Российско-китайскую комиссию по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР. Комиссия была учреждена по итогам 21-й регулярной встречи глав правительств России и Китая 7 ноября 2016 г. в Санкт-Петербурге.

Дополнительным стимулом для взаимовыгодного взаимодействия может послужить работа Совета по межрегиональному сотрудничеству в рамках обновленной структуры Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития.

В июле 2017 г. в ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина в Москву лидеры России и Китая договорились, используя опыт сотрудничества в рамках вышеуказанных межправительственных механизмов, «расширять охват и сферы межрегионального взаимодействия; содействовать реализации значимых проектов двустороннего сотрудничества, в том числе с использованием механизма Российско-китайского инвестиционного фонда по развитию регионального сотрудничества; создать механизм сотрудничества по развитию острова Большой Уссурийский (Хэйсяцзыдао), включая природоохранные мероприятия»⁷.

Накануне нового 2018 г. председатель КНР Си Цзиньпин и президент РФ Владимир Путин, премьер КНР Ли Кэцян и его российский коллега Дмитрий Медведев направили друг другу поздравительные письма, в которых объявили 2018—2019 гг. «годами сотрудничества между регионами двух стран».

В рамках официальной церемонии открытия перекрестных годов 7 февраля 2018 г. в Харбине состоялась рабочая встреча сопредседателей Межправительственной российско-китайской комиссии по сотрудничеству и развитию Дальнего Востока и Байкальского региона РФ и Северо-Востока КНР, которую провели заместитель председателя Правительства РФ, полномочный представитель Президента РФ в ДФО Юрий Трутнев и заместитель премьера Государственного Совета КНР Ван Ян. Они обсудили итоги торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества регионов, механизмы привлечения на Дальний Восток китайских инвестиций, реализацию действующих российско-китайских инвестиционных проектов, в частности международного транспортного коридора «Приморье-1». «Китай сегодня является главным внешнеэкономическим партнером по развитию Дальнего Востока России, объем инвестиций в территории опережающего развития, свободный порт Владивосток по уже действующим проектам — 3,5 млрд долл., в портфеле еще находится около 30 млрд долл.», — отметил Юрий Трутнев⁸.

Правительство пров. Хэйлунцзян к июню 2018 г. планирует создать инвестиционный фонд с первоначальным капиталом в 5 млрд юаней для финансирования проектов на территории северо-восточного Китая и российских регионов. Фонд создается при содействии межрегионального совета Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития и Государственной инвестиционной компании пров. Хэйлунцзян. Получить поддержку фонда смогут предприятия всех регионов России, не только Дальнего Востока. Главное внимание будет уделяться энергетическим и инновационным наукоемким проектам⁹.

К сегодняшнему дню уже сложились 234 партнерские пары между регионами России и Китая. Субъекты Российской Федерации заключили договоры о сотрудничестве со всеми городами центрального подчинения Китая, с 18 провинциями и 4 автономными районами. В число субъектов РФ — основных экономических партнеров Китая входят Москва, Санкт-Петербург, Костромская и Сахалинская области, Приморский, Хабаровский край и др.

Межрегиональное сотрудничество между Республикой Корея (РК) и регионами Восточной Сибири и российского Дальнего Вос-

тока — важный аспект российско-южнокорейских отношений в целом и резерв их активизации. Это особенно важно с учетом того, что товарооборот между Россией и Южной Кореей сократился в 2015 г. на 33,8 %; за первое полугодие 2016 г. он упал на четверть (в первом полугодии 2015 г. товарооборот составил 8,5 млрд долл., снизившись на 34 % по сравнению с показателем предыдущего года). В 2015 г. объем накопленных прямых инвестиций Южной Кореи в РФ сократился на треть — до 1,3 млрд долл. с 1,9 млрд в 2010 г.

Роль межрегионального сотрудничества между Россией и РК вполне очевидна с учетом нижеследующих основных областей двустороннего сотрудничества:

• судостроение (южнокорейская «Хендэ Хэви Индастриз» (Hyundai Heavy Industries) к 2017 г. должна построить для ОАО «Газпром» СПГ/танкер; «Самсунг Хэви Индастриз» (Samsung Heavy Industries Co.) построит шесть челночных танкеров высокого ледового класса по заказу «Совкомфлота»; в 2015 г. в рамках проекта «Ямал СПГ» на верфи в Южной Корее был заложен киль первого арктического газовоза, заказанного группой компаний «Совмофлот» для перевозки сжиженного природного газа; в ноябре 2013 г. «Роснефть», Газпромбанк, «Совкомфлот» и южнокорейская DSME подписали меморандум о взаимопонимании, предусматривающий сотрудничество в создании судостроительного кластера на Дальнем Востоке; стороны договорились вместе завершить сооружение новой верфи «Звезда» и открыть совместный морской инжиниринговый центр, который будет заниматься разработкой техники для шельфовых проектов);

- гражданская авиация;
- спецтехника и сопутствующие сферы;
- автомобилестроение;
- медицина, в том числе фармацевтика и медицинский туризм (в 2015 г. подписано соглашение между российской фармацевтической компанией «Нанолек» и биотехнологической компанией Грин Кросс (РК), предусматривающее стратегическое партнерство в области разработки и производства высокотехнологичных биофармацевтических препаратов; в рамках соглашения «Нанолек» будет производить в России ряд биотехнологических препаратов, разработанных

ных и выведенных на мировой рынок компанией Грин Кросс для лечения социально значимых заболеваний);

- био-, нанотехнологии;
- химия и нефтехимия;
- вопросы защиты окружающей среды и борьбы с природными катаклизмами;
- освоение космоса, мирный атом, ИКТ¹⁰.

27 ноября 2015 г. в Сеуле министр по торговле Евразийской экономической комиссии Андрей Слепнёв и министр промышленности, торговли и энергетики Республики Корея Юн Сан Чжик подписали Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Министерством промышленности, торговли и энергетики Республики Корея, который предусматривает создание постоянно действующего механизма сотрудничества Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Кореи. Также в рамках визита министра по торговле ЕЭК в Корею был дан старт совместному исследованию Всероссийской академии внешней торговли и Корейского института международной экономической политики (КИЕП) с целью выработать оптимальную формулу углубления сотрудничества между ЕАЭС и Кореей¹¹.

В опубликованном по итогам данного исследования докладе были определены возможные шаги для стимулирования сотрудничества стран в данном регионе. Во-первых, было признано необходимым активизировать трехсторонние проекты Российской Федерации, Республики Корея и Корейской Народно-демократической Республики в сфере транспорта, логистики, энергетики. Во-вторых, было признано целесообразным привлечение южнокорейских компаний к участию в проектах на территориях опережающего развития (ТОР) и создание совместных специальных промышленных зон в долгосрочной перспективе.

Взаимовыгодное двустороннее сотрудничество может развиваться в машиностроительной отрасли, благодаря чему Россия получит серьезный стимул для экономического роста, а для Республики Корея появится возможность расширения производства в северных регионах. В докладе было также рекомендовано создание комитета по развитию Дальнего Востока в структуре южнокорейского правитель-

ства, который будет осуществлять поддержку национальных компаний при инвестировании в Дальневосточном регионе, координацию всех соответствующих совместных проектов между Республикой Корея и Россией¹².

Что касается развития российско-японского приграничного сотрудничества на Дальнем Востоке, то следует продолжить реализацию проекта по созданию специальной территории опережающего развития для японских инвесторов, руководить которой будет японская управляющая компания. Японские инвесторы будут вправе сами выбирать любое место или территорию в девяти субъектах Дальнего Востока, там, где им удобнее вкладывать свои средства в обмен на налоговые льготы и административные преференции с российской стороны. Китайские инвесторы уже выбрали для себя такую территорию в Амурской области.

Два других возможных направления совместной работы с японскими компаниями включают в себя размещение инвестиционных проектов, а также создание портовой, сельскохозяйственной, инженерной инфраструктуры, обеспечивающей их деятельность. Второй проект касается реконструкции аэропорта Хабаровска, включая разработку мастер-плана и привлечение японских компаний, занятых в области строительства, сервиса, ресторанного и гостиничного бизнеса, а также в роли управляющей компании аэропорта в перспективе.

Участие японских партнеров также ожидается при реализации масштабного проекта по созданию свободного порта «Владивосток», который объединит 13 российских муниципалитетов и будет наделен особыми правами упрощенной регистрации предприятий, уплаты единого налога, безвизового режима. В перспективе все более важное значение будет также приобретать проект строительства газопровода Сахалин—Хоккайдо¹³.

Руководители крупнейших японских компаний «Сумитомо Корпорейшн» (Sumitomo Corporation), «Кавасаки Корпорейшн» (Kawasaki Corporation), «Соджитс Корпорейшн» (Sojitz Corporation), «Марубени» (Marubeni), «Хитачи» (Hitachi), «Мицубиси Корпорейшн» (Mitsubishi Corporation), «Мицуи» (Mitsui) высказывали интерес к проектам в ТОР на Дальнем Востоке. Были достигнуты дого-

воренности и проработаны схемы предоставления связанных кредитов резидентам будущих ТОР с японским банком международного сотрудничества «JBIC», корейским «Korea Eximbank», Государственным банком развития Китая «CVD». Предположительно, первые ТОР будут привязаны к крупным городам, это наиболее конкурентоспособные места. В перспективе они появятся во всех регионах Дальнего Востока¹⁴.

На фоне возросшей активности японских инвесторов на Дальнем Востоке бизнесмены Республики Корея также стремились не отстать от своих японских коллег. Участие южнокорейских инвесторов в проектах на территориях опережающего развития и в зоне свободного порта Владивосток стало центральной темой для обсуждения на V Дальневосточном российско-корейском форуме, который проходил с 15 по 16 июня 2015 г. в Хабаровске.

В работе форума приняли участие представители органов власти, бизнеса, научного сообщества из регионов Дальнего Востока и Республики Корея. В рамках пяти сессий участники обсудили новые подходы к расширению международного экономического сотрудничества в таких областях, как торговля, экология, логистика, электроэнергетика.

«Если японский и китайский бизнес заходит в ТОР — это сигнал южнокорейскому бизнесу к более активным действиям», — подчеркнул начальник отдела территорий опережающего развития комитета по инвестициям правительства Хабаровского края М. Потанин. По мнению представителей южнокорейского бизнеса, лидером по привлекательности для инвесторов сегодня на Дальнем Востоке является Республика Саха (Якутия), следом идут Приморье и Хабаровский край. При этом среди факторов, негативно влияющих на привлечение иностранных инвесторов в экономику Дальнего Востока, южнокорейские бизнесмены назвали устаревшую инфраструктуру и излишний бюрократизм при выдаче всевозможных разрешительных документов¹⁵.

Новым важным этапом в развитии российско-южнокорейского межрегионального сотрудничества стал второй Восточный экономический форум (ВЭФ) во Владивостоке в сентябре 2016 г. Как заявила на специальном пленарном заседании форума бывший президент

Республики Корея Пак Кын Хе, объем товарооборота между Южной Кореей и Дальним Востоком составляет около 40 % от общего двустороннего товарооборота. Также ежегодно россияне, составляющие 60 % от общего количества туристов, посещают Южную Корею именно через Владивосток. Таким образом, Дальний Восток становится мостом для соединения Республики Корея и России. По моему мнению, необходимо совместно работать над раскрытием потенциала Дальнего Востока и обеспечением его устойчивого роста. Для этого необходимо сделать акцент на трех направлениях сотрудничества.

В первую очередь следует стремиться к интенсификации взаимодействия в сферах продовольствия, строительства жилищных комплексов, здравоохранения и медицинских услуг. Второе направление — диверсификация промышленной структуры Дальнего Востока с учетом его благоприятного географического расположения. Наконец, для ускорения развития макрорегиона и максимизации экономической отдачи от восточных российских территорий, по мнению бывшего южнокорейского лидера, необходимо увеличить спектр сотрудничества путем соединения Дальнего Востока с экономиками соседних стран. Как заявила г-жа Пак Кын Хе, «соединив различные евразийские концепции, мы должны распространять энергию благоприятного взаимодействия на Дальнем Востоке по всему континенту Евразии»¹⁶.

Федеральное агентство по рыболовству и Министерство морских дел и рыболовства РК в рамках Восточного экономического форума подписали Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в реализации инвестиционных проектов в рыбохозяйственном комплексе на Дальнем Востоке РФ. Стороны договорились поддерживать реализацию проектов инвестиционного сотрудничества в рыбной отрасли на Дальнем Востоке между российскими и южнокорейскими предприятиями по таким направлениям, как судостроение, судоремонт, строительство морозильных, холодильных, перерабатывающих мощностей и торгово-логистических центров¹⁷.

Министерство РФ по делам развития Дальнего Востока (Минвостокразвития) фиксирует интерес предпринимателей из РК к условиям, предоставляемым инвесторам ТОР и свободного порта Владивосток, усилившийся после Восточного экономического форума

2016 г. В Корпорацию развития Дальнего Востока поступили заявки от южнокорейских бизнесменов общим объемом более 2,6 млрд руб.

В частности, в свободном порту Владивосток южнокорейский инвестор разработает систему электронной оплаты проезда во Владивостоке. Общий объем инвестиций в проект составляет более 1,8 млрд руб. На территории свободного порта Владивосток южнокорейские предприниматели планируют построить завод по производству изделий из полиуретана и бытовой химии, общая сумма проекта — 16,8 млн руб.¹⁸

В мае 2016 г. представители южнокорейской компании Pukdo Industrial Co., Ltd посетили одну из площадок ТОР «Комсомольск», завод Амурлитмаш. Южнокорейские бизнесмены рассматривали возможность организации здесь производства запасных частей для специализированной тяжелой техники¹⁹. В декабре того же года власти Хабаровского края и представители южнокорейской TSMGroup обсудили планы по строительству нового предприятия в Комсомольске-на-Амуре. Компания планирует строительство завода по производству энергосберегающих покрытий TSMCERAMIC. Инвестиции оцениваются в 1 млрд руб. Также состоялась встреча с представителями администрации Комсомольска-на-Амуре. Стороны договорились совместно разработать дизайнерские проектные решения по улучшению внешнего облика зданий города, а также совместно внедрять энергосберегающие технологии в городское хозяйство²⁰.

В декабре 2016 г. Агентство инвестиций и развития Хабаровского края совместно с Корпорацией развития Хабаровского края провели рабочее совещание с инвесторами из Южной Кореи — компанией Wujin Chem Corporation в рамках реализации инвестиционного проекта компании ООО «Трейд», которая является резидентом площадки «Ракитное» ТОР «Хабаровск». В рамках проекта планируется строительство завода по производству пищевой пленки ПВХ и ви-кетпакетов для автоматических и полуавтоматических машин с флексографической печатью до восьми цветов. Продукция завода составит порядка 30 % рынка России от объема производимых пищевых упаковочных материалов. Общий объем инвестиций в проект составит 777,7 млн руб.²¹

По итогам ВЭФ в сентябре 2016 г. ведущие специалисты южнокорейского исследовательского института КИЕР дают нижеследующие рекомендации:

- активизация участия южнокорейских резидентов в ТОР с целью создания новой схемы разделения труда при производстве конкурентоспособной экспортно-ориентированной продукции, основанной на использовании российских ресурсов, южнокорейских капиталов и технологий и северокорейской рабочей силы;
- акцент не только на двустороннее, но и на многостороннее торгово-экономическое сотрудничество в регионах Восточной Сибири и российского Дальнего Востока;
- сотрудничество в сфере логистики и транспорта для развития Северного морского пути (СМП), которое укрепит глобальную конкурентоспособность РК в этой сфере, обеспечит доступ к ресурсам Арктики, позволит соединить Корейский полуостров, Дальний Восток и Арктический регион;
- создание зоны свободной торговли (ЗСТ) со странами ЕАЭС, которое позволит решить ряд проблем, включая диверсификацию торговли, прозрачность таможенных процедур, снижение таможенных и тарифных барьеров и создание новых цепочек добавленной стоимости, основанных на активизации сотрудничества в индустриальной сфере²².

Эксперты КИЕР также отмечают роль ТОР в создании российско-южнокорейской платформы в сфере инноваций и научно-технологического сотрудничества, а также в содействии доступа южнокорейским компаниям на российский рынок²³.

Южнокорейская Евразийская инициатива может и впредь оставаться значимым фактором развития двусторонних отношений, несмотря на недавнюю смену политической администрации в РК. По мнению ведущих южнокорейских экономистов, фактор ускоренного развития российских регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также развития и модернизации индустриальной базы северо-восточных районов Китая приведет к наиболее значимым изменениям на Евразийском континенте к северу от Корейского полуострова. Именно он может стать солидным основанием, своеобразным трамплином для реализации Евразийской инициативы. Ее

воплощение в жизнь требует терпения и долгосрочного подхода, поскольку может стать фактором разрядки напряженности между странами Северо-Восточной Азии (СВА).

Поэтому последнюю следует рассматривать как долгосрочную стратегию. В связи с этим один из руководителей Корейского института международной экономической политики Ли Чжэён полагает, что Евразийская инициатива не должна становиться жертвой недавнего обострения китайско-американских отношений или политического кризиса в РК, связанного с импичментом президента Пак Кын Хе. Политические инструменты ее реализации могут варьироваться в зависимости от изменений международной обстановки, но конечная цель неизменна — «расширение пространства сотрудничества нашей нации путем укрепления отношений с евразийскими странами»²⁴.

В контексте дальнейшего развития приграничного сотрудничества с КНДР следует продолжать усилия, которые предпринимает Россия для завершения реконструкции транскорейской железнодорожной магистрали. В 2013 г. ОАО РЖД завершило реконструкцию железной дороги Хасан — Раджин, который является частью плана по созданию транспортного коридора, соединяющего север и юг Корейского полуострова, с выходом на Транссибирскую магистраль.

Весьма актуальным продолжает оставаться подход «долг в обмен на развитие», который способствует вовлечению КНДР в международные проекты РЖД и «Газпрома» на основе урегулирования северокорейской задолженности по советским кредитам. В соответствии с ним из 11 млрд долл. северокорейского долга Россия спишет 10 млрд долл., а возвращаемый остаток в 1 млрд долл. будет погашаться 20 лет и реинвестироваться в проекты на территории КНДР в сфере энергетики, здравоохранения и образования.

Возрастает значение перспективы трехстороннего сотрудничества Россия—КНДР—РК по реализации проекта строительства газопровода и транспортировке газа через КНДР, которая готова обсуждать возможность оплаты землеотводов, необходимых при строительстве газопровода и железной дороги через свою территорию в Южную Корею, за счет перечислений по долгу²⁵.

У южнокорейского бизнеса есть и самостоятельные интересы в Сибири и на Дальнем Востоке. Лидером по привлекательности для инвесторов из РК сегодня является Республика Саха (Якутия), следом идут Приморье и Хабаровский край. При этом среди факторов, негативно влияющих на привлечение иностранных инвесторов в экономику Дальнего Востока, корейские бизнесмены называют устаревшую инфраструктуру и излишний бюрократизм при выдаче всевозможных разрешительных документов²⁶.

Что касается развития российско-японского приграничного сотрудничества на Дальнем Востоке, то следует продолжить реализацию проекта по созданию специальной территории опережающего развития для японских инвесторов, руководить которой будет японская управляющая компания. Японские инвесторы будут вправе сами выбирать любое место или территорию в девяти субъектах Дальнего Востока, там, где им удобнее вкладывать свои средства в обмен на налоговые льготы и административные преференции с российской стороны. Китайские инвесторы уже выбрали для себя такую территорию в Амурской области.

Опыт развития приграничного сотрудничества с вышеуказанными странами региона показывает важность совершенствования и унификации программно-концептуальной и законодательной базы приграничного сотрудничества.

В частности, следует привести ее в соответствие с Федеральным законом РФ от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». Так, реализация ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года» требует корректировки с учетом создания территорий опережающего развития (ТОР). Кроме того, в обновленную редакцию ФЦП необходимо заложить кластерный подход на принципах государственно-частного партнерства для реализации комплексных инвестиционных проектов.

В соответствии с вышеуказанным, также представляется целесообразным внесение изменений в Концепцию приграничного сотрудничества РФ, что позволит продолжить работу над проектом

Федерального закона «О приграничном сотрудничестве в Российской Федерации».

В целях ускоренного и сбалансированного развития приграничного и межрегионального сотрудничества необходимо предпринять дополнительные меры по формированию механизмов координации деятельности участников приграничного сотрудничества, требующей согласования в контексте обеспечения интересов национальной безопасности РФ.

3.2. 0 стратегическом планировании приграничных и межрегиональных отношений

Для того чтобы придать двусторонним отношениям предсказуемый и поступательный характер, необходимо «конвертировать» высокий уровень взаимного политического доверия, как не раз подчеркивалось в совместных документах, «не только в результаты практического сотрудничества», но и в связанную с этой задачей устойчивую и стабильную работу институтов межгосударственного взаимодействия.

В связи с этим, представляется целесообразным сосредоточиться на выработке алгоритмов и механизмов стратегического планирования российско-китайского сотрудничества, которые помогли бы сторонам обеспечить взаимную предсказуемость, а также окончательно определить взаимоприемлемые рамки и границы стратегического партнерства, не перерастающего в военно-политический союз.

В современных российско-китайских отношениях преобладает «ситуативный» подход (реагирование на возникающие вызовы и возможности): существующие элементы планирования представляют собой не более чем список мероприятий в разных секторах сотрудничества, а не взаимосогласованное представление о векторе движения, имея в виду его начальную точку, желаемый конечный результат и способы (маршруты) его достижения. С учетом этого обстоятельства необходимо именно развернутое и детальное стратегическое планирование двустороннего сотрудничества в его ключевых областях (военно-техническое взаимодействие, атомная энергетика,

космос и пр.). При этом необходимость стратегического планирования в сфере приграничного и межрегионального сотрудничества РФ и КНР (в контексте сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и евразийской интеграции в рамках ЕАЭС) представляется наиболее очевидной.

Важно учитывать, что существующая в РФ законодательная база, в частности Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (№ 172-ФЗ) и Проект Федерального закона «О приграничном сотрудничестве в Российской Федерации» (№ 75537-4) предлагает алгоритм стратегического планирования, который в корне отличается от практиковавшегося ранее. В частности, от того алгоритма, который использовался при подготовке ныне действующей «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 гг.)».

Эта программа, носящая преимущественно декларативный характер и не дополненная «дорожной картой» по ее практической реализации, скорее всего, останется в основном невыполненной.

В целом, в стратегическом планировании российско-китайского сотрудничества нужно действовать на основе следующих ключевых подходов:

- «индуктивное» (снизу вверх) стратегическое планирование на базе учета нужд и потребностей экономики приграничных регионов и местного бизнес-сообщества, разработка планов приграничного и межрегионального сотрудничества с опорой на первичные эмпирические и статистические данные, получаемые от региональных экономических акторов;

- «интерактивное» (с вовлечением партнеров) стратегическое планирование, координируемое с администрацией и экономическими акторами приграничных провинций КНР.

Прошедший в мае 2017 г. в Пекине Международный форум сотрудничества Пояса и Пути показал пример того, какие принципы и основные направления взаимодействия и сотрудничества могли бы быть взяты при этом за основу²⁷:

- совместное исследование нового пространства развития для Инициативы Пояса и Пути, включая строительство Экономическо-

го пояса Шелкового пути, Морского Шелкового пути XXI века, изучение возможностей строительства «Воздушного Шелкового пути», «Цифрового Шелкового пути», а также развитие «Культурного Шелкового пути», «Здорового Шелкового пути», Интеллектуального Шелкового пути» и «Зеленого Шелкового пути»;

- изучение и теоретическое обоснование концепции Сообщества единой судьбы на основе принципов широких консультаций, общего вклада и взаимной выгоды, продвижение инновационных идей, партнерства и взаимной выгоды, с тем чтобы эффективно балансировать национальные интересы и общие интересы всего человечества, при условии учета и уважения различий в культурах и социальных системах суверенных стран;

- содействие координации национальной политики различных стран для обеспечения сбалансированного, синергетического и инклюзивного экономического роста; усиление координации макроэкономических стратегий и их транспарентности, использование сочетания фискальных, монетарных, структурных реформ и реформ рынка труда для поддержки развития малого и среднего бизнеса и сокращения негативного внешнего воздействия и риска информационной асимметрии, а также выработка решений, способствующих инклюзивному, сбалансированному и устойчивому экономическому росту в процессе глобального, регионального и национального экономического развития;

- развитие многоуровневых механизмов сотрудничества и диалога стран-участниц, регионов и международных организаций, с тем чтобы все больше стран и регионов могли выходить на путь инновационного, взаимосвязанного и синергетического развития. Проведение совместных исследований, нацеленных на обеспечение взаимосвязи стратегий и планов, реализацию конкретных важных проектов, с тем чтобы страны-участницы продвигались к предсказуемым и устойчивым целям развития;

- совместное продвижение реформы системы глобального управления, международных норм и правил, участие в создании нового, более разумного и справедливого международного экономического порядка. Мозговые центры должны объединить свой интеллектуальный потенциал и ресурсы для обобщения опыта и лучших

практик в области реформы системы глобального управления и международных норм и правил, а также для выработки новых идей, концепций и путей развития более эффективной и инклюзивной экономической глобализации;

- создание механизма эффективного и долгосрочного сотрудничества мозговых центров в рамках Инициативы Пояса и Пути, установление двустороннего и многостороннего сетевого сотрудничества мозговых центров по следующим основным направлениям:

- создание сети и платформы сотрудничества мозговых центров для Инициативы Пояса и Пути («Сеть мозговых центров для Пояса и Пути»), включая создание веб-порталов и веб-страниц для обмена информацией, публикации результатов исследований и обмена данными для развития обменов и сотрудничества участников сети;
- создание базы данных Пояса и Пути для анализа «больших данных» — визуализированной и динамичной базы данных, которая могла бы совместно использоваться участниками сети для сбора и обработки данных;
- публикация докладов по индексам торговли и инвестиций. Китайские мозговые центры в сотрудничестве со своими партнерами в зарубежных странах и международных организациях могли бы работать над индексами торговли и инвестиций, которые публиковались бы в начале каждого года;
- проведение параллельных дискуссионных сессий по обменам между мозговыми центрами на полях Форума Пояса и Пути;
- публикация ежегодных исследовательских докладов по Инициативе Пояса и Пути. Китайские мозговые центры в сотрудничестве со своими партнерами в зарубежных странах могли бы публиковать подобные доклады ежегодно;
- организация различных видов дискуссий, публикация пресс-релизов исследований, проведение на регулярной или специальной основе методических конференций и семинаров в Китае и других заинтересованных странах для инициативного обмена мнениями между мозговыми центрами;

Опыт развития приграничного сотрудничества с Китаем и другими странами АТР показывает важность совершенствования и унификации программно-концептуальной и законодательной базы приграничного сотрудничества.

В частности, следует привести эту базу в соответствие с Федеральным законом РФ от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». Так, реализация ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года» требует корректировки с учетом создания территорий опережающего развития (ТОР). Кроме того, в обновленную редакцию ФЦП необходимо заложить кластерный подход на принципах государственно-частного партнерства для реализации комплексных инвестиционных проектов.

В целях ускоренного и сбалансированного развития приграничного и межрегионального сотрудничества необходимо предпринять дополнительные меры по формированию механизмов координации деятельности участников приграничного сотрудничества, требующей согласования в контексте обеспечения интересов национальной безопасности РФ.

В частности, статью 9 Проекта Федерального закона «О приграничном сотрудничестве в Российской Федерации» (№ 75537-4) можно дополнить положением о том, что одной из форм взаимодействия участников приграничного сотрудничества могут стать постоянные (временные) межведомственные комиссии по приграничному сотрудничеству для координации интересов национальной безопасности и социально-экономического развития приграничных территорий.

Также представляется целесообразным, в соответствии со статьями 26—29 «Положения о Совете Безопасности Российской Федерации» (утвержденного Указом Президента РФ от 6 мая 2011 г. № 590), предложить Секретариату Совета Безопасности РФ создать межведомственную комиссию по вопросам приграничного сотрудничества для координации деятельности его участников, необходимой для более полного обеспечения интересов национальной безопасности РФ.

3.3. О регулировании иностранных инвестиций и строительстве «зеленой экономики» на российском Дальнем Востоке

В последние годы идея «зеленой» экономики широко обсуждается не только специалистами по экологической экономике, но и на различных политических форумах. Она все чаще упоминается главами государств и министрами финансов, в совместных заявлениях Большой двадцатки, обсуждается в контексте устойчивого развития и искоренения бедности. Переход к «зеленой» экономике имеет прочные социально-экономические обоснования, свидетельствующие в пользу усилий государства, и частного сектора, направленных на осуществление таких экономических преобразований.

Как отмечают в этой связи российские эксперты, перед государством в связи с этим стоит задача уравнять условия игры для «зеленой» продукции путем отказа от предоставления устаревших субсидий, реформирования политики и создания новых стимулов, укрепления инфраструктуры рынка и рыночных механизмов, перенаправления государственных инвестиций и перехода к зеленым государственным закупкам. Перед частным сектором стоит задача осознания и использования возможностей, предоставляемых переходом к «зеленой» экономике в ряде ключевых секторов, а также реагирования на реформирование политики и ценовые сигналы путем увеличения объемов финансирования и инвестирования²⁸.

При довольно значительном количестве принятых в 1995—2007 гг. законов, так или иначе затрагивающих сферу охраны окружающей среды, эксперты Всемирного фонда дикой природы (WWF) отмечали, что законодательная база в этой области ослабла и стала менее прозрачной. Это связано с тем, что:

- базовый Закон «Об охране окружающей среды» (2002) является рамочным, тогда как в Законе «Об охране окружающей природной среды» (1991), действовавшем в 1991—2002 гг., было много норм прямого действия;
- при принятии законов, относящихся к использованию отдельных природных ресурсов или регулирующих отдельные виды дея-

тельности, в природоохранное законодательство вносились ослабляющие его поправки (Водный, Градостроительный, и Лесной кодексы);

- при принятии основополагающих законов (Административный, Административно-процессуальный, Бюджетный, Земельный, Гражданский, Гражданско-процессуальный, Налоговый кодексы) не в полной мере учитывались положения действующего законодательства в области охраны окружающей среды, вследствие чего многие экологические нормы не могут быть реализованы²⁹.

В результате, по мнению экспертов, действующее законодательство в сфере охраны окружающей среды не отвечает задачам развития российской экономики, его непрозрачность и невнятность тормозит развитие экономики, снижает конкурентоспособность российских производителей на мировом рынке и объем привлекаемых в экономику инвестиций. Многие аспекты природоохранной деятельности государства остаются неурегулированными с правовой точки зрения, что с одной стороны приводит к ухудшению качества окружающей среды и расхищению природных ресурсов, а с другой создает условия для развития коррупции.

Нормативная правовая база Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды в целом характеризуется, по мнению экспертов, недостаточной самостоятельностью и целостностью для защиты общественных и государственных экологических интересов как важнейшего вида охраняемых правом публичных интересов; наличием внутренних противоречий, пробелов и разночтений; отсутствием норм, способствующих развитию рыночных механизмов природопользования и охраны окружающей среды; наличием межотраслевых противоречий; отсутствием комплексного подхода в правовом регулировании экологических отношений³⁰.

Практика природоохранной деятельности и объективные показатели состояния окружающей среды показывают, что административные методы в сфере управления окружающей средой оказываются недостаточно эффективными, а экономические рыночные регуляторы в законодательстве недостаточно развиты.

В Российской Федерации законодательно установлены: плата за негативное воздействие на окружающую среду; административные

штрафы за нарушение требований природоохранного законодательства; возмещение вреда окружающей среде, причиненного вследствие нарушений требований природоохранного законодательства. Правовые нормы, касающиеся льготного налогообложения для природопользователей, не имеют необходимых механизмов реализации. Используемые экономические механизмы носят сугубо фискальный характер и отличаются низкой эффективностью своего воздействия³¹.

Как отмечалось в «Финансово-экономическом обосновании к проекту концепции Экологического кодекса Российской Федерации», опубликованном Министерством природных ресурсов РФ в октябре 2007 г., роль экономических методов заключается в стимулировании природоохранной деятельности через поиск путей минимизации экономических затрат, которые несет государство и субъекты хозяйственной деятельности ради достижения желаемого состояния окружающей среды и ее отдельных компонентов.

Российские ученые и эксперты изучают опыт развитых стран, в которых широко используются в целях охраны окружающей среды налоговые инструменты — вводятся специальные налоги или устанавливается особый налоговый режим. В разных вариантах существуют залогово-возвратные системы. В некоторых странах они используются для экологически грязных и нежелательных продуктов (согласно этой схеме залог возмещается, как только этот продукт надлежащим образом уничтожается), в некоторых — для финансового обеспечения системы сбора утильных фракций отходов потребления.

Предложение по введению экологического налога на экологически нежелательную продукцию, отдельные виды деятельности в перечень российских федеральных налогов, предусмотренных Налоговым кодексом Российской Федерации, отражает принципиальную установку на рациональное использование природных ресурсов и охрану окружающей среды.

В упомянутом Обосновании, наряду с перечисленными инструментами, предлагалось установить правовую основу для создания и функционирования целевых экологических фондов, которые представлены в Российской Федерации целевыми территориальными

бюджетными фондами субъектов Российской Федерации и отдельными, в основном иностранными, благотворительными фондами.

Данный документ констатирует, что стимулирование через систему налоговых льгот развития экологического бизнеса и фактически создание самостоятельной отрасли экономики в России является ключевым фактором для экологизации производства и жилищно-коммунального сектора. Под экологическим бизнесом понимается хозяйственная или иная коммерческая деятельность, в результате которой непосредственно или через производимую продукцию этой отрасли экономики в конечном итоге происходит улучшение качества окружающей среды³².

Конференция ООН по устойчивому развитию «Рио+20», прошедшая 20—22 июня 2012 г. в Рио-де-Жанейро, обсудившая вопросы «зеленой» экономики в контексте устойчивого развития и искоренения нищеты, дала дополнительный стимул для дискуссий в среде российского научно-экспертного сообщества по данным вопросам.

Участники Конференции признали, что «зеленая» экономика увеличит способность рационально использовать природные ресурсы с меньшими последствиями для окружающей среды, повысит эффективность использования ресурсов и уменьшит количество отходов. На конференции были выделены основные инструменты, применяемые государством в условиях «зеленой» экономики: введение налогов на то, что вредит окружающей среде; государственная закупочная политика, поощряющая формирование «зеленых» предприятий и рынков; реформирование систем «экологического» налогообложения на основе главным образом опыта европейских стран; использование государственных инвестиций в устойчивую инфраструктуру в целях восстановления, поддержания и, где это возможно, увеличения объема природного капитала.

При этом, как отмечает И.А. Игнатьева, российскому праву термин «зеленая» экономика оказался практически неизвестен. Примерная структура национального плана действий по охране окружающей среды Российской Федерации на 1998—2000 гг. содержит термин «зеленые инвестиции» (п. 3.3). В Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2011 г. и плановый

период 2012 и 2013 гг., разработанном Минэкономразвития России, отмечается необходимость перехода к «зеленому» росту российской экономики. Две государственные программы субъектов Российской Федерации по энергосбережению упоминают «зеленое» послекризисное восстановление экономики.

В названных документах обозначенное направление в развитии экономики напрямую связывается с модернизацией и/или обеспечением учета энергетических ресурсов, внедрением энергоэффективных технологий. Исследуемое понятие используется лишь в одном нормативном правовом акте субъекта Российской Федерации. «Основные направления деятельности Кабинета министров Республики Татарстан на 2010—2015 годы» (утв. Постановлением Кабинета министров Республики Татарстан от 2 июня 2010 г. № 425) констатируют, что «информатизация, высокие технологии, “зеленая” экономика оказывают все большее влияние на все сферы жизнедеятельности».

Осознание актуальности «зеленых» аспектов современной экономики начинает отражаться в документах главным образом программного, стратегического характера. Среди них выделяются Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., где нашел отражение наибольший спектр мер экономического характера, призванных к решению задачи обеспечения экологически ориентированного роста экономики и внедрения экологически эффективных инновационных технологий (п. 7, 9 Основ). В Основах также использован термин «зеленые» стандарты».

Отдельные идеи «зеленой» экономики нашли отражение в нормах российского права в смысле, уточненном для Конференции ООН по устойчивому развитию. Это нормы, связанные с действием таких правовых явлений, как «экономический механизм», «экономическое регулирование»³³.

По мнению О.В. Петко, новая экологическая политика России должна основываться на:

- обязательном страховании опасных и вредных производств;
- страховании производств, отходы от продукции которых требуют утилизации (например, производство воды в пластиковых бу-

тылках), сельскохозяйственной деятельности, имеющей промышленные объемы производства, и т. п.;

- использовании в рамках утвержденной государственной экологической программы средств фонда экологического страхования;
- создании государственного института по надзору за экологией и регулированию им деятельности предприятий и организации в части воздействия их деятельности на экологию;
- законодательной базе, включающей в себя обязанность предприятий-природопользователей страховать прямой и косвенный вред, наносимый окружающей среде, усиленные административные санкции за нарушения экологических норм;
- системе поощрений экологически чистых производств, снижения для них налоговой нагрузки, упрощения системы получения ими субсидий и займов;
- повышении конкуренции в части развития экологически чистых производств путем учреждения ежегодной премии за вклад в экологию России³⁴.

Критические замечания и предложения представителей научно-экспертного сообщества находят свое отражение в государственных и нормативных документах по вопросам охраны окружающей среды, принимаемых в последние годы. Как отмечается, например, в Государственной программе РФ «Охрана окружающей среды» на 2012—2020 гг., экономический механизм охраны окружающей среды предусматривает внесение платы за нормативное и сверхнормативное, в том числе сверхлимитное загрязнение окружающей среды, имеющей компенсационный и стимулирующий характер. Компенсационный характер связан с возмещением вреда, причиняемого поступлением загрязняющих веществ в окружающую среду, с целевым использованием платы, поступавшей ранее во внебюджетные экологические фонды, которые должны были направляться на природоохранные мероприятия. С прекращением функционирования внебюджетных экологических фондов этот механизм утратил рычаги своего влияния.

Стимулирующий характер связан с применением различных повышающих коэффициентов к ставкам платы, а также возможностью зачета платежей в счет выполнения природоохранных мероприятий.

Со временем размер платы стал несопоставимо мал по сравнению с необходимыми инвестициями на природоохранные мероприятия, направленные на снижение негативного воздействия на окружающую среду³⁵.

Заметным явлением в российских общественно-политических и научных дискуссиях по вопросам охраны окружающей среды и «зеленой экономики» становятся инициативы, возникающие на региональном уровне. Они отражают тенденцию к усилению роли российских регионов в решении указанных проблем.

Так, в подготовленном депутатами Сахалинской областной Думы Проекте федерального закона «Об особых условиях ускоренного развития Дальнего Востока и Байкальского региона» устанавливается, что государственная политика в сфере охраны окружающей среды на территории макрорегиона должна осуществляться, прежде всего, путем создания экологически безопасных замкнутых технологических систем для комплексной переработки природного минерального и биологического сырья и утилизации накопленных промышленных отходов, сохранения живых ресурсов и биологического разнообразия, установления особых режимов природопользования, применения экологически безопасных и эффективных технологий.

Показательно, что законопроектом регулируются вопросы экономического стимулирования природоохранной деятельности на территории макрорегиона, в частности, устанавливается приоритетное субсидирование из федерального бюджета проектов, предусматривающих внедрение на территории субъектов Дальнего Востока и Байкальского региона энергосберегающих и экологически чистых производственных технологий³⁶.

Российская научная общественность и экологические организации становятся все более активными в процессе дискуссий по проблемам «зеленой экономики», они выступают с конкретными и обоснованными рекомендациями. 2—4 декабря 2013 г. в Москве состоялся IV Всероссийский съезд по охране окружающей среды. В работе съезда приняли участие свыше 3 тысяч представителей федерального, регионального и муниципального уровней власти, международных организаций, общественных, научных и образовательных

организаций, крупных компаний-природопользователей. Участники съезда рекомендовали Правительству Российской Федерации:

- рассмотреть вопрос о разработке концепции перехода Российской Федерации к «зеленой» экономике и плана действий по переходу Российской Федерации к «зеленой» экономике, направленной на увеличение прямых и сопряженных инвестиций в природоохранные технологии, сокращение и углубление переработки отходов, поддержку экологической активности бизнеса в отраслях нового технологического уклада, создание механизмов для введения и возрастания роли платежей за экосистемные услуги, создание условий для привлечения капитала на рынок экологических товаров и услуг, создание дополнительных «зеленых» рабочих мест, формирование новых инновационных отраслей экономики, обладающих потенциалом роста ВВП;

- включить «технологии экологического развития» в число основных направлений модернизации экономики и инновационного развития страны;

- вернуться к рассмотрению вопроса о создании экологических фондов.

При этом при внедрении принципов «зеленой» экономики рекомендовалось учитывать необходимость:

- разработки и внедрения комплекса мер по последовательному повышению объема природоохранных затрат в секторах экономики и бюджетах всех уровней, нацеленных на внедрение природоохранных технологий, сокращение образования и углубление переработки отходов, поддержку экологической активности бизнеса в отраслях нового технологического уклада;

- переориентации методов государственного регулирования экологической ответственности, существующих сегодня в основном в форме денежных санкций, применяемых к нарушителям, на предотвращение и устранение негативного экологического воздействия в процессе жизненного цикла продукции и реально наносимых экологических ущербов, а также на стимулирование технологической модернизации путем постепенного внедрения принципов наилучших доступных технологий, экологизации государственных закупок, развитие механизмов экологического страхования;

- законодательного обеспечения совершенствования действующей системы платы за негативное воздействие на окружающую среду путем последовательного повышения данных платежей, а также целевого расходования средств;
- введения платы за выбросы всех парниковых газов;
- совершенствования экологического статистического учета, обратив внимание на повышение полноты и качества учета природоохранных инвестиций и иных издержек на микро- и макроуровнях, развитие, дополнение и корректировку федеральных и ведомственных статистических наблюдений, а также внедрение международных стандартов в области Системы национальных счетов и сопряженной с ней Системы эколого-экономического учета;
- расширения возможности доступа российских компаний, организаций и специалистов к наилучшим технологиям и прогрессивным организационно-финансовым механизмам, в частности за счет включения экологической составляющей в состав российской программы содействия международному развитию;
- разработки мер, направленных на обеспечение строительства экологически безопасных, энергоэффективных и ресурсосберегающих зданий;
- создания системы регулирования, поощряющей долгосрочные инвестиции, а также подготовку комплексной отчетности об устойчивом развитии и достигнутом прогрессе в применении критериев ESG в целях формирования рынка зеленых инвестиционных проектов в России;
- стимулирования российских банков, в первую очередь государственных, на внедрение международных правил выдачи кредитов и разработку «зеленых» финансовых продуктов³⁷.

В июле 2015 г. в г. Казани (Республика Татарстан) прошла 13-я Международная научно-практическая конференция Российского общества экологической экономики RSEE 2015 / РОЭЭ 2015 «Теория и практика экономического регулирования природопользования и охраны окружающей среды». Участники конференции отметили необходимость совершенствования экономического механизма регулирования природопользования и охраны окружающей среды на следующих основных направлениях:

1. Повышение комплексности, уровня межведомственной координации и научной обоснованности управления природопользованием, что предполагает системность при выборе инструментов регулирования природопользования на всех стадиях использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, учет их взаимосвязи между собой, возникающих рисков и потенциальных ущербов.

2. Усиление стимулирующей функции платы за негативное воздействие на окружающую среду, что может быть достигнуто дифференциацией платы по территориям с учетом их экологической емкости, установлением ужесточающихся по времени нормативов в привязке к используемым производственным технологиям, введением новых видов платежей за диффузное загрязнение.

3. Расширение практики применения инструментов сохранения биоразнообразия, платы за экосистемные услуги и в области государственной поддержки экологически ориентированных видов деятельности за счет совершенствования, в первую очередь, нормативной правовой базы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

4. Развитие финансовых механизмов поддержки рационального природопользования (повышение доступности долгосрочных заемных средств, аккумулирование поступлений, связанных с использованием природных ресурсов и окружающей среды, в специализированных (целевых) фондах и пр.).

5. Совершенствование информационной базы принятия управленческих решений, системы мониторинга, оценки и обеспечение доступности информации о состоянии окружающей среды в части формирования системы обязательного раскрытия информации об экологических показателях деятельности производственных объектов, улучшения статистического учета и отчетности, учета результатов исследований по комплексному планированию, картированию с применением геоинформационных систем и т. п.

6. Пересмотр действующей схемы платы за загрязнение окружающей среды, включая необходимость обеспечения целевого использования собираемых средств на основе создания целевых бюджетных экологических фондов.

7. Разработка мер по адаптации экономики к влиянию изменений климата.

8. Подготовка нормативно-правовых документов по реализации вновь принятых законодательных актов в области охраны окружающей среды и стратегического планирования.

9. Разработка программ и инвестиционных проектов по ликвидации накопленного экологического ущерба.

10. Разработка Стратегии экологической безопасности на период до 2025 г.

11. Разработка Концепции перехода Российской Федерации к «зеленой» экономике³⁸.

Однако наиболее детальные и развернутые предложения и рекомендации по всему спектру указанных вопросов были сформулированы по итогам состоявшихся 11 марта 2014 г. в Общественной палате Российской Федерации общественных слушаний на тему: «“Зеленые” инвестиции: роль государства и приоритеты бизнеса». Участники слушаний сочли необходимым обратиться к органам государственной власти и бизнеса со следующими рекомендациями.

1.1. Правительству Российской Федерации:

1.1. рассмотреть вопрос о разработке «дорожной карты» перехода Российской Федерации к «зеленой» экономике, обеспечивающей приток инвестиций в природоохранные технологии, стимулирование внедрения наилучших доступных технологий, сокращение количества и углубление переработки отходов, интенсификацию разработки механизмов поддержки экологически эффективных производств, формирование условий для привлечения капитала на рынок экологических товаров и услуг, создание дополнительных «зеленых» рабочих мест;

1.2. создать Фонд поддержки и продвижения экологических инициатив, средства которого формируются за счет платежей за негативное воздействие на окружающую среду и направляются на реализацию национально значимых проектов в области охраны окружающей среды, внедрения лучших практик экоориентированного развития отраслей и территорий, повышения экологической культуры населения.

1.2. Государственной Думе Российской Федерации:

2.1. ускорить принятие федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования нормирования в области охраны окружающей среды и введения мер экономического стимулирования хозяйствующих субъектов для внедрения наилучших технологий».

1.3. Министерству экономического развития Российской Федерации:

3.1. разработать проект дополнений в Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», определяющих понятие «зеленых» инвестиций;

3.2. разработать механизмы экономического стимулирования «зеленых» инвестиций в основной капитал и внести дополнения в соответствующие нормативные правовые акты, в том числе в виде:

- предоставления субсидий предприятиям, осуществляющим сбор, сортировку и переработку отходов;
- установления приоритета предоставления субсидий на модернизацию производства субъектам малого и среднего бизнеса в случае внедрения ресурсосберегающих и снижающих негативное воздействие на окружающую среду технологий;
- предоставления налоговых льгот производителям экологически безопасной (биоразлагаемой) продукции.

1.4. Министерству регионального развития Российской Федерации:

4.1. дополнить перечень показателей оценки эффективности деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации показателями, характеризующими институциональные условия привлечения и динамику притока «зеленых» инвестиций.

1.5. Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации:

5.1. разработать типовую программу внедрения международных стандартов устойчивого развития территорий и обеспечить апробацию инновационных «зеленых» технологий управления качеством

окружающей среды в рамках подготовки и проведения Чемпионата мира по водным видам спорта в Казани в 2015 г., Чемпионата мира по футболу 2018 г. в 11 субъектах Российской Федерации, Зимней Универсиады в Красноярском крае в 2019 г.

1.6. Министерству строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации:

6.1. внести дополнения в проект поправок федерального закона «Об отходах производства и потребления» и отдельные законодательные акты Российской Федерации о введении запрета на захоронение ТБО без их предварительной сортировки на компоненты, подлежащие вторичной переработке;

6.2. разработать механизмы экономического стимулирования собственников жилых помещений, осуществляющих деятельность по повышению их энергоэффективности.

1.7. Министерству энергетики Российской Федерации:

7.1. в целях обеспечения широкого применения возобновляемых источников энергии (ВИЭ) сетевыми организациями рассмотреть возможность инициирования изменения законодательства для снятия ограничения на совмещение деятельности по оказанию услуг по передаче электроэнергии с деятельностью по ее производству с использованием ВИЭ сетевыми организациями.

1.8. Министерству спорта Российской Федерации и АНО «Россия-2018»:

8.1. предусмотреть внедрение национальных стандартов «зеленого» строительства при создании и реконструкции объектов спортивной инфраструктуры в рамках организации Чемпионата мира по футболу 2018 г. с учетом опыта организации предшествующих спортивных мегапроектов, а также реализацию мероприятий по снижению негативного воздействия подготовки и проведения футбольных матчей на окружающую среду (разработка программы Green Goal).

1.9. Министерству образования и науки Российской Федерации:

9.1. включить в приоритетную тематику исследований, поддерживаемых в рамках Федеральной целевой программы «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2014—2020 годы» и Фе-

деральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», научные проекты в области комбинированной локальной энергетики, включающей возобновляемые источники энергии;

9.2. дополнить образовательные стандарты высшего образования по направлениям «Экономика», «Государственное и муниципальное управление» и «Менеджмент» компетенциями в области устойчивого развития и «зеленой экономики».

1.10. Министерству культуры Российской Федерации:

10.1. рассмотреть возможность формирования экологических библиотек в рамках проекта по созданию Национальной электронной библиотеки и обеспечить открытый доступ к достижениям в области «зеленых» технологий и практикам устойчивого развития.

1.11. Федеральному агентству по управлению государственным имуществом:

11.1. создать национальную сеть обмена практикой реализации «зеленых» проектов и обеспечить представление предприятиями с государственным участием информации об опыте реализации инициатив в сфере «зеленого» перевооружения, энергоресурсного аудита, устойчивых социальных проектов.

1.12. Органам государственной власти Российской Федерации и органам государственной власти субъектов Российской Федерации:

12.1. разработать и внедрить дополнительные обязательные экологические требования, предъявляемые к продукции, поставляемой в рамках государственного заказа с целью стимулирования развития рынка экологически чистых товаров и услуг.

1.13. АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов»:

13.1. выступить инициатором расширения «Стандарта деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе», дополнив требования к разработке «Инвестиционной стратегии» и «Плана создания инвестиционных объектов и объектов инфраструктуры в регионе» целями, задачами и мерами по привлечению социально-ответственных инвестиций в экономику субъектов Российской Федерации.

1.14. Национальным институтам развития:

14.1. Государственной корпорации «Банк развития и внешне-экономической деятельности (ВНЭШЭКОНОМБАНК)»:

Инициировать развитие и продвижение национального объединения участников Глобального договора ООН и содействовать инвестированию в проекты «зеленого развития» с участием присоединившихся компаний

14.2. Фонду «Сколково» и ОАО «РОСНАНО» включить исследовательские и инвестиционные проекты в области развития «зеленых» технологий в перечень приоритетных направлений поддержки и обеспечить их финансирование.

14.3. ОАО «Российская венчурная компания» диверсифицировать портфель фондов за счет включения компаний, специализирующихся на привлечении «зеленых» инвестиций.

1.15. Корпорациям и предприятиям с государственным участием, а также федеральным и региональным унитарным предприятиям:

15.1. разработать «дорожные карты» устойчивого развития;

15.2. привести корпоративную политику и внутренние нормативные акты в соответствие с ГОСТ Р ИСО 26000:2012 «Руководство по социальной ответственности»³⁹.

Обзор законодательства и политики в сфере привлечения иностранных инвестиций в Сибири и на Дальнем Востоке

Привлечение иностранных инвестиций в регионы Сибири и Дальнего Востока является долгосрочным стратегическим приоритетом для российского правительства и предметом повышенного внимания для российских ученых и экспертов. Как отмечает, например, И.А. Макаров, зарубежными партнерами, заинтересованными в развитии Сибири и Дальнего Востока, движут преимущественно следующие мотивы:

- стремление получить доступ к природным богатствам региона. Сибирь и Дальний Восток богаты ресурсами, в которых сопредельные страны испытывают возрастающий дефицит. Речь идет не только об углеводородах, но и об обильных земельных, водных, лесных, рыбных ресурсах Сибири и Дальнего Востока, совместное освоение которых может пойти на пользу и России, и странам АТР;

- стремление использовать транзитный потенциал региона, в первую очередь Северный морской путь, в определенной степени Транссиб.

Важнейшей основой интенсификации международного сотрудничества должно стать четкое понимание роли, которую Россия (а именно ее восточные территории) может играть в разделении труда в АТР. Необходим трезвый взгляд на российские возможности. Из Сибири и Дальнего Востока не получится нового центра индустриализации (хотя развивать отдельные промышленные и высокотехнологичные отрасли и микрорегионы необходимо). Богатство региона в другом — в его пространствах, ресурсах, природе, людях. Сибирь и Дальний Восток — последний фронт, крупнейший в мире территориальный массив, пока крайне слабо интегрированный в мирохозяйственные связи⁴⁰.

В России в 2013 г. на долю Дальнего Востока приходилось около 9,22 % всех прямых иностранных инвестиций (ПИИ) страны (ранее было 11,64 % и 17,31 % в 2012 и 2011 гг. соответственно), что в целом является неплохим показателем. Относительно ПИИ на Дальнем Востоке эксперты отмечают некоторые важные особенности.

Во-первых, приток прямых иностранных инвестиций распределен неравномерно среди регионов Дальнего Востока и демонстрирует нестабильную динамику. Выделяется Сахалинская область, которая по уровню прямых иностранных инвестиций лидировала на Дальнем Востоке с начала 2000-х годов (ее доля доходила до 96,41 % в 2005 г.), в 2011 г. доля этого региона составляла 70 %, а в 2013 г. значительно снизилась — до 40 %.

Сахалинская область является наиболее выделяющимся регионом Дальнего Востока и по другим параметрам инвестиционного климата. Например, по объему инвестиций в основной капитал на душу населения она лидирует не только среди регионов Дальнего Востока, но и занимает 4-е место по стране с показателем 429,47 тыс. рублей на душу населения. Сахалинская область также отличается наибольшим профицитом бюджета среди всех субъектов РФ (15,7 % в 2014 г.), в то время как все остальные регионы Дальнего Востока (как и большинство российских) имеют дефицит.

Во-вторых, ПИИ преимущественно сосредоточены в сфере добычи полезных ископаемых. В частности, реализация нефтегазовых проектов в Сахалинской области долгое время обеспечивала практически весь объем прямых иностранных инвестиций на Дальнем Востоке. В целом же направления инвестиционных вложений имеют тенденцию к диверсификации. Например, в Приморском крае впервые в истории происходит развитие автомобильной отрасли, в частности было создано производство «Соллерс-ДВ».

Таким образом, инвестиционные процессы на Дальнем Востоке имеют противоречивый характер. С одной стороны, необходимо уменьшить присутствие государства и увеличить приток ПИИ, а с другой стороны, это невозможно сделать силами самих регионов, без федеральной поддержки⁴¹.

По словам главы Минвостокразвития Александра Галушки, в 2013 г. Россия впервые вышла на третье место в мире по объему привлеченных прямых иностранных инвестиций — 94 млрд долл. В 2012 г. страна занимала по этому показателю девятое место. Однако инвестиционный потенциал российского Дальнего Востока реализуется недостаточно. В 2013 г. в экономику Дальнего Востока было вложено всего 2,4 млрд долл. прямых иностранных инвестиций. То есть их доля по сравнению со странами АТР при округлении равна 0 %. Всего 2,5 % ПИИ, пришедших в Российскую Федерацию, вложено на Дальнем Востоке⁴².

Российские ученые и эксперты разделяют мнение представителей правительства о том, что значительный инвестиционный потенциал Дальнего Востока не используется в полной мере, так как наряду с плюсами в субъектах Дальневосточного федерального округа существуют основные сдерживающие развитие региона неблагоприятные факторы, такие как:

- экстремальные природно-климатические условия;
- неразвитая энергетическая и транспортная инфраструктура, являющаяся главным ограничителем осуществления любых видов деятельности;
- дефицит высококвалифицированных кадров;
- экологическая нагрузка в зонах повышенной концентрации экономической активности,

Они оборачиваются необходимыми дополнительными вложениями, приводящими к снижению инвестиционной привлекательности региона в глазах иностранных инвесторов.

Иностранные инвестиции играют огромную роль в социально-экономическом развитии Дальнего Востока и необходимы, чтобы ускорить темпы роста благосостояния региона, так как иностранные инвесторы не только выплачивают значительные суммы в бюджет, но и создают новые рабочие места, решая проблему миграции населения, а также приносят инновационные технологии и вкладывают средства в развитие инфраструктуры, чем увеличивают инвестиционный потенциал в глазах новых иностранных инвесторов.

Для дальнейшего повышения благоприятной деловой среды Дальнего Востока нужно уделить особое внимание привлечению иностранных инвестиций и повышению конкурентоспособности региона. Для этого, в частности, рекомендуется:

1. Правильно использовать конкурентные преимущества — природные ресурсы, транзитное положение и географическую приближенность в АТР;

2. Развивать инфраструктуру Дальнего Востока, так как только развитая инфраструктура может способствовать привлечению капитала, снижать его издержки на промышленное строительство и делать проекты рентабельными и конкурентоспособными;

3. Обратить особое внимание на диспропорции развития территорий в регионе и на ресурсный перекос в отраслях;

4. Озаботиться проблемами перерабатывающей промышленности для изготовления готовой продукции на экспорт, чтобы решить проблему перекоса в сторону добывающей промышленности;

5. Уделять особое внимание подготовке квалифицированных кадров;

6. Снижать административные барьеры и обеспечивать поддержку инвесторам со стороны федеральной и региональной власти⁴³.

В данном контексте обращается особое внимание на совершенствование финансово-экономических механизмов привлечения «зеленых» инвестиций. Как отмечает, в частности, М.С. Егорова, налоговые и рыночные инструменты могут быть эффективными ин-

струментами стимулирования инвестиций. Существующие значительные ценовые диспропорции нередко препятствуют «зеленым» инвестициям или же их дальнейшему росту. В целом ряде секторов экономики, например, в сфере транспорта такие негативные внешние эффекты, как загрязнение окружающей среды, ухудшение состояния здоровья или падение производительности труда, как правило, не отражаются в затратах, что снижает привлекательность перехода на более «устойчивые» товары и услуги.

Аналогичная ситуация складывается с отходами: цена на изготовленный из отходов товар и на услугу утилизации, как правило, не отражает всех затрат на переработку и утилизацию отходов. Решение этой проблемы состоит в том, чтобы включить в цену товара или услуги эти побочные издержки, воспользовавшись корректирующим налогом, платежом или сбором, либо в некоторых случаях другими рыночными инструментами, такими как разрешения с правом продажи. Налоги нередко хорошо стимулируют снижение выбросов, более эффективное использование природных ресурсов и инновации.

Экологические налоги можно разделить на две категории: налоги по принципу «платит загрязнитель», которые взимаются с производителя или потребителя по месту загрязнения, и налоги по принципу «платит пользователь» — налоги на добычу или использование природных ресурсов⁴⁴.

1 сентября 2014 г. на совещании в Якутии по вопросам государственной поддержки приоритетных инвестиционных проектов и территорий опережающего развития на Дальнем Востоке президент России В.В. Путин выделил следующие приоритетные направления:

- создание условий для привлечения в регион дополнительных инвестиций — как отечественных, так и иностранных. Речь прежде всего идет о вложениях в традиционные и новые сектора, в освоение месторождений и формирование инфраструктуры, строительство, развитие транспорта, сельского хозяйства, ТЭК, в переработку сырья и создание современных производств, в том числе ориентированных на экспорт;
- чтобы повысить инвестиционную привлекательность дальневосточных территорий, нужно активнее применять лучшие практики стран АТР. По максимуму снижать объемы и сроки администра-

тивных процедур при строительстве производственных объектов, упрощать доступ к инфраструктуре: электро-, газоснабжению, дороги, строить и иные коммуникации;

- формирование территорий опережающего развития, которые по условиям инвестирования и ведения бизнеса должны стать конкурентоспособными по отношению к ключевым деловым центрам Азиатско-Тихоокеанского региона, обеспечить приток новых капиталовложений в производства, ориентированные на динамично растущее развитие азиатских рынков⁴⁵.

Следуя этим политическим директивам, Правительство РФ приступило к созданию территорий опережающего социально-экономического развития на Дальнем Востоке России на основании Федерального закона РФ от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации».

Подписанный Владимиром Путиным 31 декабря 2014 г. Федеральный закон РФ № 519-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» вступил в действие 1 марта 2015 г.; инвесторы, желающие работать на российском Дальнем Востоке, отныне смогут получить существенные налоговые льготы и преференции.

Например, инвесторы, создавшие свое предприятие в рамках ТОРА, после получения первой прибыли на пять лет освобождаются от уплаты налога на прибыль в федеральный бюджет (2 %). А налог на прибыль в региональный бюджет в течение первых пяти лет для них не может превышать 5 % (без льготы — 18 %. — *Ред.*). В следующую пятилетку они будут платить местному бюджету налог на прибыль по ставке не менее 10 %.

В документе устанавливается, что налогоплательщик-резидент ТОР сможет применять эти ставки, если доходы от его деятельности, осуществляемой при исполнении соглашений об осуществлении деятельности на ТОР, составляют не менее 90 % всех доходов, учитываемых при определении налоговой базы.

Кроме того, юридические лица, претендующие на налоговые льготы, должны быть зарегистрированы на территории опережающего социально-экономического развития и не могут иметь обособленных подразделений, расположенных за пределами ТОРА. Также организация не должна применять специальные налоговые режимы или являться некоммерческой организацией, банком, страховой организацией, негосударственным пенсионным фондом, профессиональным участником рынка ценных бумаг, клиринговой организацией.

Закон устанавливает понижающий коэффициент к ставке налога на добычу полезных ископаемых для участников инвестиционных проектов, направленных на добычу полезных ископаемых, и организаций-резидентов ТОР на 10 лет. Также резиденты ТОРов освобождаются от уплаты налога на имущество организаций. В результате совокупная налоговая нагрузка составит примерно 12,2 %⁴⁶.

Минвостокразвития подготовило законопроект о поправках в Налоговый и Бюджетный кодексы для установления в ТОР льготных налоговых режимов. Резиденты ТОР полностью освобождаются от налога на добавленную стоимость, не будут платить налог на ввозимые для производственных нужд товары — сырье, материалы, работы, услуги. Налог на прибыль, зачисляемый в федеральный бюджет, составит 0 %, в региональный — всего 5 % в течение десяти налоговых периодов. В течение последующих периодов — не более 10 %.

Резидентов также освободят от налога на имущество организаций. Общая сумма страховых взносов составит 7,6 %, в том числе 3 % в Пенсионный фонд Российской Федерации, 1,5 % в Фонд социального страхования Российской Федерации, 1,5 % в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и 1,6 % в Территориальный фонд обязательного медицинского страхования. Общая налоговая нагрузка на резидентов ТОР составит 12,2 %⁴⁷.

Ученые и эксперты констатируют, что реализация Федеральной целевой программы (ФЦП) «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 года» требует корректировки с учетом создания территорий опережающего развития (ТОР), бюджетный механизм финансирования которых

не определен. Кроме того, в обновленную редакцию ФЦП необходимо заложить кластерный подход на принципах государственно-частного партнерства для реализации комплексных инвестиционных проектов.

При этом важно отметить, что, по мнению экспертов российской Торгово-промышленной палаты, разработанные льготы скорее рассчитаны на иностранный бизнес, нежели на российский, поскольку именно крупные мировые инвесторы и фирмы с хорошими технологиями вызывают наибольший интерес у российской стороны, к примеру, из Японии и США. Именно такие инвесторы смогут задать нужное направление развития Дальнего Востока⁴⁸.

В 2014 г. Минвостокразвития России провело 24 встречи-презентации новых условий ведения бизнеса на территориях опережающего развития (ТОР) и Стратегии развития Дальнего востока России с крупнейшими представителями бизнеса на уровне глав компаний и дипломатическими на уровне послов государств Китая, Южной Кореи, Японии, Вьетнама, Индонезии, Таиланда, Сингапура, США, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Германии, Австрии, Испании⁴⁹.

Формирование рынка экологических услуг и «зеленой экономики» в Сибири и на Дальнем Востоке

Формирование рынка экологических услуг и «зеленой» экономики является одним из новых приоритетов развития российской экономики в целом и ускоренного социально-экономического развития регионов Сибири и Дальнего Востока, в частности. По мнению ряда российских экспертов, экологическая сфера работ и услуг (рынок экологических услуг) традиционно включает в себя:

- предприятия, занимающиеся вопросами сохранения биоразнообразия;
- предприятия, обеспечивающие предотвращение загрязнения (производство оборудования, приборов и средств контроля в целях охраны окружающей среды и т. п.);
- предприятия с природосберегающими технологиями (переработка отходов, производство товаров с экологической маркировкой);

- предприятия, занятые в благоустройстве территорий;
- предприятия, занятые в информационном экобизнесе.

При этом, как отмечает, например, И.Г. Орлова, в России механизмы финансовой поддержки предприятий, чья деятельность связана с охраной окружающей среды, практически не развиты. Отсутствие государственного интереса к этой сфере выражается, прежде всего, в низком уровне бюджетного целевого финансирования охраны окружающей среды — финансирование большинства природоохранных мероприятий производится производственными предприятиями. Системы защиты окружающей среды в субъектах РФ нет, обоснования мероприятий в части уменьшения воздействий на окружающую среду отсутствуют. Фактически все «целевые программы» субъектов РФ направлены на «освоение» бюджетных средств, латание самых «ярких дыр» в этой сфере безопасности жизнедеятельности⁵⁰.

По мнению И.Г. Орловой, основными функциями рынка экологических услуг должны быть следующие:

- разработка ряда законов (стандартов, правил), определяющих требования к работе предприятий и организаций, входящих в рынок экологических услуг;
- ценообразование экологических услуг, работ и продукции;
- прогнозирование будущих потребностей в экологических услугах и работах, а также продукции предприятий этой отрасли деятельности;
- применение методов экономического и иного стимулирования предприятий в части повышения экологической безопасности, побуждение производителя к минимизации экологического ущерба;
- проведение государственной политики, стимулирующей внедрение наилучших технологий, техники, направленных на рациональное природопользование, получение экономической выгоды в результате применения технологий, обеспечивающих наибольшую защиту окружающей среды;
- повышение экологического образования⁵¹.

Вышеуказанные рекомендации частично нашли свое отражение в утвержденной в марте 2013 г. Государственной программе Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего

Востока и Байкальского региона». В ней, в частности, устанавливается, что с целью предотвращения превышения допустимых уровней воздействия на окружающую среду при возрастающем изъятии природных ресурсов для производственных целей и техногенном воздействии в Дальневосточном и Байкальском регионах в ходе реализации государственной программы проблемы экологической безопасности и охраны окружающей среды решаются в рамках мероприятий иных подпрограмм.

За счет использования инновационных технологических решений обеспечивается минимизация воздействия на окружающую среду, энергосбережение и комплексное использование сырья. В качестве приоритетных направлений «зеленого» роста экономики Дальнего Востока и Байкальского региона будут предусмотрены:

- меры по снижению воздействия объектов энергетического комплекса на окружающую среду за счет оснащения действующих ТЭЦ и ГРЭС современными системами очистки отходящих газов, утилизации золошлаковых отходов, а также экологизации топливно-газового баланса энергетики: сокращение доли угля и мазута за счет природного газа, расширение использования возобновляемых источников энергии, использование местных источников энергии в локальных энергетических установках, в том числе отходов производства и потребления, прежде всего лесного и агропромышленного комплексов, ЖКХ;

- экологизация основных технологий в отраслях обрабатывающей промышленности, прежде всего углубленная переработка нефти, переход на замкнутый цикл ЦБК, строительство систем оборотного и последовательного водоснабжения, современных очистных сооружений производственных сточных вод, предотвращение загрязнения окружающей среды выбросами и сбросами от неорганизованных источников предприятий;

- для добывающих отраслей — максимально возможное использование малоотходных технологий, замкнутых циклов водоснабжения, реабилитация земель, нарушенных в результате золотодобычи, добычи угля, алмазов, свинца и пр. Решение проблем хвостохранилищ. Дополнительные инвестиции, направленные в разработку морских нефтегазовых ресурсов для минимизации влияния на биоре-

сурсь, в первую очередь на шельфе острова Сахалин, и обеспечивающие качество поверхностных вод;

- обеспечение устойчивого развития лесопользования на основе комплексной переработки древесины;

- проведение лесовосстановительных работ и борьба с лесными пожарами;

- формирование новой конфигурации транспортной системы с учетом перспективного развития городов и роста автопарка, развития туристических функций с учетом экологических требований при проектировании, строительстве и эксплуатации, а также экологизация в первую очередь муниципального транспортного парка за счет перевода его с нефтяного топлива на природный газ;

- строительство и эксплуатация систем транспортировки газа и нефтепродуктов с учетом размещения уникальных природных объектов и необходимости снижения рисков возможных чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;

- разработка системы мониторинга угроз, связанных с трансграничным переносом воздушных и водных загрязнений из соседних стран, прежде всего КНР, стран Корейского полуострова, Японии. Разработка механизмов межгосударственного взаимодействия в экологической сфере, решения проблем аварийных трансграничных сбросов⁵².

В рамках реализации вышеуказанной государственной программы на Дальнем Востоке был запущен ряд пилотных проектов. Наиболее известным из них стал проект модернизации Хабаровской ТЭЦ-1, утвержденный в феврале 2012 г. Министерством экономического развития РФ в качестве проекта совместного осуществления, реализуемого в соответствии со статьей 6 Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Исполнителем проекта является ОАО «Дальневосточная генерирующая компания».

В результате модернизации Хабаровской ТЭЦ-1 и перевода на газовое топливо ее четырех угольных котлов объем выбросов парниковых газов сократился на 3,3 млн т CO₂-эквивалента. Заявленный ОАО «ДГК» проект охватывает период с 1 января 2008 г. по 31 декабря 2012 г. — так называемый первый зачетный период выполнения обязательств по Киотскому протоколу.

Киотский протокол стал первым глобальным соглашением об охране окружающей среды, основанным на рыночном механизме регулирования — механизме международной торговли квотами на выбросы парниковых газов. Статья 6 Киотского протокола к Рамочной конвенции об изменении климата описывает механизм совместного осуществления (JI, joint implementation) — один из «механизмов гибкости» Киотского протокола, в рамках которого одна развитая страна реализует на территории другой проекты по сокращению выбросов парниковых газов, за которые их участники получают так называемые единицы сокращения выбросов (ЕСВ).

Проект совместного осуществления «Модернизация Хабаровской ТЭЦ-1» был заявлен ОАО «ДГК» в рамках третьего конкурса Сбербанка (оператора углеродных единиц РФ), который был объявлен в августе 2011 г. После выхода постановления правительства (№ 780 от 15 сентября 2011 г.), регулирующего механизм совместного осуществления проектов в России, и отмены конкурсной процедуры третий конкурс был отменен, и все поданные на него заявки рассматривались по новым правилам.

Продажа единиц сокращенных выбросов парниковых газов позволит ОАО «ДГК» привлечь денежные средства иностранного инвестора, чтобы направить деньги на развитие энергокомпании и новые инвестиционные проекты, в том числе проекты энергосбережения. Иностранном уполномоченным партнером — покупателем выбросов выступает компания «Gazprom Marketing & Trading». Оператором углеродных единиц РФ, согласно постановлению российского правительства, является Сбербанк России.

Зарегистрированный в Минэкономразвития России проект совместного осуществления по модернизации Хабаровской ТЭЦ-1 должен был пройти верификацию (процедуру подтверждения реальных объемов сокращения выбросов) независимым экспертом, и после регистрации проекта в секретариате Конвенции ООН могла состояться передача сокращенных выбросов.

Проведенная модернизация Хабаровской ТЭЦ-1 и частичный перевод ее котлоагрегатов на газ позволили ОАО «ДГК» сократить выбросы парниковых газов и других загрязняющих окружающую среду веществ (зола угля, оксиды азота, углерода, диоксиды серы и

др.). Улучшилась экологическая ситуация в Хабаровске и его окрестностях, снизились выбросы загрязняющих веществ в бассейн реки Амур. Кроме того, обеспечена более высокая надежность поставки населению и промышленным потребителям города Хабаровска высококачественной тепловой и электрической энергии, повысили эффективность генерации⁵³.

На формирование рынка экологических услуг и «зеленой» экономики в Сибири и на Дальнем Востоке обращают повышенное внимание японские инвесторы. Как заявил в мае 2015 г. на Третьем российско-японском форуме заместитель главы Минвостокразвития С. Качаев, на Дальнем Востоке может быть создана специальная территория опережающего развития для японских инвесторов, руководить которой будет японская управляющая компания. Японские инвесторы будут вправе сами выбирать любое место или территорию в девяти субъектах Дальнего Востока, там, где им удобнее вкладывать свои средства в обмен на налоговые льготы и административные преференции с российской стороны. Китайские инвесторы уже выбрали для себя такую территорию в Амурской области.

Заместитель председателя Федерации экономических организаций Японии, председатель российско-японского экономического комитета Норио Сасаки заявил на форуме, что по результатам анкетирования японских компаний, интерес к Дальнему Востоку устойчиво растет. 58 % опрошенных японских предприятий оценивают совместные проекты как перспективные, что соответствует приоритетам российского правительства по развитию этого региона. Сегодня на Дальнем Востоке развивают бизнес 140 японских компаний. Они вносят вклад в российскую экономику с помощью внедрения энергосберегающих и экологических технологий, строительства инфраструктуры высокого уровня⁵⁴.

Два других возможных направления совместной работы с японскими компаниями включают в себя размещение инвестиционных проектов, а также создание портовой, сельскохозяйственной, инженерной инфраструктуры, обеспечивающей деятельность этих проектов. Уже начаты успешные совместные проекты с двумя крупными японскими компаниями. Один из проектов связан с созданием в Хабаровске комплекса теплиц площадью 2 га с перспективой расшире-

ния до 10 га. Для этого создано совместное российско-японское предприятие. Основными инвесторами стали японская корпорация «Джей Джи Си» и Хоккайдо Банк. Объем заявленных инвестиций более двух миллиардов рублей.

Второй проект касается реконструкции аэропорта Хабаровска, включая разработку мастер-плана и привлечение японских компаний, занятых в области строительства, сервиса, ресторанного и гостиничного бизнеса, а также, в перспективе, в роли управляющей компании аэропорта.

По словам Качаева, в перспективе свободный порт позволит сократить транспортные издержки стран Азиатско-Тихоокеанского региона, свяжет их транспортными коридорами с российским Приморьем и выведет на кратчайший путь из Азии в Европу⁵⁵.

Руководители крупнейших японских компаний Sumitomo Corporation, Kawasaki Corporation, Sojitz Corporation, JBIC, Marubeni, Hitachi, Mitsubishi Corporation, Mitsui высказывали интерес к проектам в ТОР на Дальнем Востоке. Были достигнуты договоренности и проработаны схемы предоставления связанных кредитов резидентам будущих ТОСЭР с японским банком международного сотрудничества «JBIC», корейским «Korea Eximbank», государственным банком развития Китая «CVD». Предположительно, первые ТОР будут привязаны к крупным городам, это наиболее конкурентоспособные места. В перспективе они появятся во всех регионах Дальнего Востока⁵⁶.

На фоне возросшей активности японских инвесторов на Дальнем Востоке бизнесмены Республики Корея также стремятся не отстать от своих японских коллег. Участие южнокорейских инвесторов в проектах на территориях опережающего развития и в зоне Свободного порта Владивосток стало центральной темой для обсуждения на V Дальневосточном российско-корейском форуме, который прошел с 15 по 16 июня 2015 г. в Хабаровске.

В работе форума приняли участие представители органов власти, бизнеса, научного сообщества из регионов Дальнего Востока и Республики Корея. В рамках пяти сессий участники обсудили новые подходы к расширению международного экономического сотрудничества в таких областях, как торговля, экология, логистика, электроэнергетика.

Как подчеркнул заместитель директора департамента привлечения прямых инвестиций, поддержки экспорта и внешнеэкономической деятельности Министерства РФ по развитию Дальнего Востока А. Ракипов, инвесторам будет оказана всевозможная поддержка, а процесс запуска предприятий будет максимально дебюрократизирован. Все это в итоге будет вести к более быстрой окупаемости проектов — до 3—5 лет. В стадии формирования находятся девять территорий опережающего развития, к которым проявлен интерес иностранных инвесторов.

«Если японский и китайский бизнес заходит в ТОР — это сигнал корейскому бизнесу к более активным действиям», — подчеркнул начальник отдела территорий опережающего развития комитета по инвестициям правительства Хабаровского края Михаил Потанин. По мнению представителей корейского бизнеса, лидером по привлекательности для инвесторов сегодня на Дальнем Востоке является Республика Саха (Якутия), следом идут Приморье и Хабаровский край. При этом среди факторов, негативно влияющих на привлечение иностранных инвесторов в экономику Дальнего Востока, корейские бизнесмены назвали устаревшую инфраструктуру и излишний бюрократизм при выдаче всевозможных разрешительных документов⁵⁷.

Примечания

¹ Проблемы развития российско-китайских торгово-экономических, финансовых и приграничных отношений // Российский совет по международным делам. М., 2015. С. 32—34.

² См. например: Проект Резолюции Забайкальского форума приграничного сотрудничества — 2015. Российская Федерация, Забайкальский край, г. Чита, 18 ноября 2015 г.

³ URL: http://russian.news.cn/2018-01/16/c_136899674.htm

⁴ Цзян И. Сможет ли Дальний Восток стать российским Шэньчжэнем? 02.10.2017. Цит. по: URL: <https://inosmi.ru/politic/20171002/240401229.html>

⁵ Там же.

⁶ URL: <http://tass.ru/ekonomika/4341445>

⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 4 июля 2017 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5218>

⁸ URL: http://www.otvprim.ru/society/primorskij-kraj_07.02.2018_60926_perspektivy-mezhregionalnogo-sotrudnichestva-obsudili-vitse-premjery-rossii-i-kitaja.html

⁹ URL: <http://russian-chinese.com/2018/02/08/kitajskie-vlasti-k-iyunyu-2018-go-da-sozdadut-fond-dlya-investicij-v-regiony-rf/>

¹⁰ URL: <http://asiavector.ru/countries/south/korea/>

¹¹ URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/30/11/2015/5.aspx>

¹² Оценка текущего российско-корейского экономического сотрудничества и перспективы развития на средне- и долгосрочный период. М.: ВАБТ, 2016. С. 144—145.

¹³ *Зыкова Т.* В России создадут ТОР для японских инвесторов. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/21/tor-site.html>

¹⁴ *Лабыкин А.* Дальний Восток готов к приходу инвесторов // *Expert Online*. 23.06.2014. URL: <http://expert.ru/2014/06/23/aziatskie/kompanii/rvutsya/na/dalnij/vostok/>

¹⁵ Представители корейского бизнеса посчитали устаревшую инфраструктуру и бюрократию негативными факторами для иностранных инвестиций». URL: <http://eaomedia.ru/news/economics/17.06.2015/455546/uchastie/yuzhnokoreyskih/investorov/v/proektah/na/torah/obsudili/na/dalnem/vostoke.html>

¹⁶ URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press/center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4609

¹⁷ URL: <http://sudostroenie.info/novosti/17028.html>

¹⁸ URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press/center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4647

¹⁹ URL: <http://www.dvnovosti.ru/komsomolsk/2016/05/24/50829/#ixzz4Xi7vJFL2>

²⁰ URL: <https://www.khabkrai.ru/TOSER/Novosti/TOSER/161441>

²¹ URL: <https://www.khabkrai.ru/TOSER/Novosti/TOSER/161725>

²² LEE Jae/Young, The Achievements and Tasks of the Eastern Economic Forum and Korea-Russia Summit. P. 4.

²³ Russia's Economic Modernization Policy and Implications for Cooperation between Korea and Russia // *KIEP World Economy Update*, January 22, 2016. Vol. 6. No. 2. P. 4—5.

²⁴ *Jeong Yeo Cheon.* The Necessity of Continuing with the Eurasian Initiative Policy // *KIEP Opinion*. August 17, 2016. P. 3—4.

- ²⁵ URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2456697>
- ²⁶ Представители корейского бизнеса посчитали устаревшую инфраструктуру и бюрократию негативными факторами для иностранных инвестиций. URL: <http://eaomedia.ru/news/economics/17.06.2015/455546/uchastie-yuzhnokoreyskih-i-nvestorov-v-proektah-na-torah-obsudili-na-dalnem-vostoke.html>
- ²⁷ Six Consensuses on Building a “Splendid and Prosperous Silk Road” Belt and Road Forum for International Cooperation, May 15, 2017, Beijing. — *Пер. автора.*
- ²⁸ *Егорова М.С.* Экологические инвестиции как путь восстановления экономики. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-investitsii-kak-put-voস্তosťeniya-ekonomiki>
- ²⁹ Основные проблемы федерального законодательства Российской Федерации в области охраны окружающей среды. URL: <http://wwf.ru/about/positions/law>
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Финансово-экономическое обоснование к проекту концепции Экологического кодекса Российской Федерации. 08.10.2007. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=20542>
- ³³ *Игнатъева И.А.* Экономическое регулирование в области охраны окружающей среды и природопользования и инструменты «зеленой» экономики: точки пересечения в праве // Экологическое право. 2012. № 4. Цит. по: URL: <http://www.center-bereg.ru/i307.html>
- ³⁴ *Петко О.В.* Инвестиции в охрану окружающей среды как необходимое условие улучшения качества природной среды и экологических условий жизни человека // Российское предпринимательство. 2012. № 7 (205). С.14.
- ³⁵ Государственная программа Российской Федерации Охрана окружающей среды на 2012—2020 гг. С. 6. URL: <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=134258>
- ³⁶ Проект федерального закона: Об особых условиях ускоренного развития Дальнего Востока и Байкальского региона. 21.03.2014. URL: <http://www.dumasakhalin.ru/taxonomy/term/166/article2605>
- ³⁷ Резолюция IV Всероссийского съезда по охране окружающей среды. Москва, 2—4 декабря 2013 г. URL: <https://www.mnr.gov.ru/regulatory/detail.php?ID=131936&print=Y>
- ³⁸ Итоги 13-й Международной научно-практической конференции Российского общества экологической экономики RSEE 2015 / РОЭЭ 2015 Теория и практика экономического регулирования природопользования и охраны окружающей среды. URL: http://www.sops.ru/novosti/?PAGEN_1=8

³⁹ Проект резолюции общественных слушаний «Зеленые» инвестиции: роль государства и приоритеты бизнеса. URL: <http://www.ecolife.ru/objavlenija/23771/>

⁴⁰ Макаров И.А. Перспективы интеграции Сибири и Дальнего Востока в экономические связи в рамках АТР. URL: <https://www.google.ru>

⁴¹ Туровский Р. Деловой портрет Дальнего Востока. URL: <http://www.eastrussia.ru/material/delovoy-portret-dalnego-vostoka/>

⁴² Лабыкин А. Дальний Восток готов к приходу инвесторов // Expert Online. 23.06.2014. URL: <http://expert.ru/2014/06/23/aziatskie-kompanii-rvutsya-na-dalnij-vostok/>

⁴³ Шабанова К.Р. Роль иностранных инвестиций в социально-экономическом развитии Дальнего Востока России. URL: <http://www.uecs.ru/uecs-73-732015/item/3319-2015-01-16-07-43-59>

⁴⁴ Егорова М.С. Экологические инвестиции как путь восстановления экономики. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-investitsii-kak-put-vosstanovleniya-ekonomiki>

⁴⁵ Совещание о господдержке инвестпроектов и территорий опережающего развития на Дальнем Востоке. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46522>

⁴⁶ Нулевые и пониженные ставки по налогам в пределах площадок опережающего развития начали действовать с 1 марта 2015 года. URL: <http://primamedia.ru/news/economics/02.03.2015/423923/nalogovie-igoti-v-torah-na-dalнем-vostoke-poluchili-zeleniy-svet.html>

⁴⁷ Лабыкин А. Дальний Восток готов к приходу инвесторов // Expert Online. 23.06.2014. URL: <http://expert.ru/2014/06/23/aziatskie-kompanii-rvutsya-na-dalnij-vostok/>

⁴⁸ Инвестиции. Факты и комментарии // Бюллетень Департамента содействия инвестициям и инновациям ТПП РФ. 2012. № 26. С. 16—17.

⁴⁹ Лабыкин А. Дальний Восток готов к приходу инвесторов // Expert Online. 23.06.2014. URL: <http://expert.ru/2014/06/23/aziatskie-kompanii-rvutsya-na-dalnij-vostok/>

⁵⁰ Орлова И.Г. Российский рынок экологических услуг: проблемы и перспективы. URL: <http://www.ecovestnik.ru/index.php/2013-07-07-02-13-50/nashi-publikacii/1761-rossijskij-rynok-ekologicheskikh-uslug-problemy-i-perspekti17>

⁵¹ Там же.

⁵² Государственная программа Российской Федерации Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона. URL: <https://www.google.ru>

⁵³ Хабаровская ТЭЦ-1 может получить «зеленые» инвестиции. URL: <http://www.vostokmedia.com/n127976.html?print>

⁵⁴ *Зыкова Т.* В России создадут ТОП для японских инвесторов. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/21/tor-site.html>

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ *Лабыкин А.* Дальний Восток готов к приходу инвесторов // Expert Online. 23.06.2014. URL: <http://expert.ru/2014/06/23/aziatskie-kompanii-rvutsya-na-dalnij-vostok/>

⁵⁷ Представители корейского бизнеса посчитали устаревшую инфраструктуру и бюрократию негативными факторами для иностранных инвестиций. URL: <http://eaomedia.ru/news/economics/17.06.2015/455546/uchastie-yuzhnokoreyskih-investorov-v-proektah-na-torah-obsudili-na-dalнем-vostoке.html>

Глава 4

БЕП: КОНТУР ТРАНСРЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГУМАНИТАРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

4.1. Концептуальные основы комплексной безопасности в Евразии

В последние годы растет всеобщий интерес к концепциям безопасности личности и человеческого развития, которые, в отличие от традиционных концепций безопасности, ставят в центр внимания проблемы выживания и безопасности человека, обеспечения его прав, создания условий для достойного развития личности.

Человеческое развитие ныне строится на концепции равенства, которая предполагает равенство возможностей (в том числе базовых — здоровье, продолжительность жизни, правильное питание, доступ к информации и образованию) по развитию способностей и условий существования людей. Однако обеспечение устойчивости достигнутого не является самоцелью, а рассматривается лишь как средство достижения определенного уровня человеческого развития. Барометром успеха становится определенная мера человеческого развития, а не общая стоимость совокупного национального богатства.

Концепция безопасности личности подобно концепции человеческого развития является многоуровневой, междисциплинар-

ной и ставит в центр внимания права и развитие человеческого индивидуума. Однако концепция человеческого развития сосредоточена на достижении более общих и долгосрочных задач, связанных с возможностями развития человека и обеспечением соответствующих его прав, в то время как концепция безопасности личности более четко сфокусирована на решении определенного круга конкретных задач, имеющих систематический превентивный характер.

Концепция безопасности личности связана с выявлением и предотвращением кризисных и конфликтных ситуаций, а также с ликвидацией последствий связанных с этим негативных проявлений. Деятельность в области обеспечения безопасности личности зачастую носит более или менее краткосрочный, оперативный характер, связанный не только с долгосрочным развитием человеческого потенциала, но и со спасательными, миротворческими операциями и пр.

В рамках обоих подходов формулируются комплексные долгосрочные ответы институционального характера с вовлечением различных акторов и с использованием разнообразных средств.

Безопасность личности и традиционная «национальная безопасность» имеют много общего. Оба подхода связаны с выявлением вызовов и угроз безопасности для основных групп населения на базе обобщения эмпирического материала и стратегического анализа. Главное отличие концепций национальной безопасности и безопасности личности состоит в том, что первая сосредоточена главным образом на безопасности людей и общественных групп, проживающих в рамках определенных государственно-территориальных образований. Отсюда — приоритетное внимание вопросам территориальной целостности государств, обеспечения баланса сил между ними. Безопасность личности имеет во многом сходную, но более широкую «повестку дня».

В рамках такого понимания национальная безопасность не сводится к безопасности государства (защищенность суверенитета и территориальной целостности от внешних угроз, а также защищенность правящего режима от внутренних угроз), но также включает в себя безопасность и благосостояние населения.

Концепции безопасности личности и прав человека также тесно взаимосвязаны. Обе нацелены на выявление и ликвидацию основных угроз, связанных с распространением бедности и насилия. Однако в рамках концепции безопасности личности далеко не все из прав человека могут считаться в равной степени приоритетными. На практике различные институты, связанные с обеспечением и развитием безопасности личности, вполне легитимно имеют дело лишь с ограниченным набором прав и свобод человека, соблюдение которых непосредственно необходимо для обеспечения безопасности личности.

Проблематика обеспечения безопасности личности и государства в контексте развития изначально разрабатывалась в рамках западной политической культуры. Однако социоцивилизационные особенности стран и народов Евразии и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) не могли не наложить своего отпечатка на дискуссии по проблемам безопасности и развития.

Необходимость взаимодействия государства и гражданского общества в противодействии различным вызовам и угрозам, включая терроризм и насильственный экстремизм, обусловлена тем, что проблемы человеческого развития, прав человека и безопасности личности тесно взаимосвязаны, хотя и имеют свои, определенно выраженные, особенности.

Активизация угроз, связанных с насильственным экстремизмом и радикализацией, приводящих к терроризму (НЭРВТ), коренным образом изменили ситуацию в области международной безопасности, а также ее восприятие общественностью, политическими элитами и экспертами. Поскольку основной мишенью террористов и экстремистов становится мирное население, на первый план выдвигается способность государств и правительств с их реальной силовой мощью обеспечить не только свою безопасность, но и безопасность граждан и общества в новый век антитеррористических войн.

Международный терроризм и насильственный экстремизм становятся общей и основной угрозой для мирового сообщества, в ряду прочих новых вызовов и угроз. Их можно рассматривать как первоочередную угрозу международной безопасности, которая порождает

прочие вызовы и риски безопасности. Комплексный характер угрозы НЭРВТ отражает актуальность концепций безопасности личности и человеческого развития.

Противостоять угрозе международного терроризма можно только сообща. В Евразии, на стыке Евро-Атлантического и Азиатско-Тихоокеанского регионов, возникают новые международные механизмы и режимы, сочетающие в себе элементы коллективной безопасности и безопасности на основе сотрудничества. Они создаются для координации усилий в области противодействия новым транснациональным угрозам. Наблюдается тенденция к взаимовлиянию и взаимопроникновению уже существующих и вновь создаваемых многосторонних механизмов безопасности. Взаимодействие и партнерство государства и институтов гражданского общества — неотъемлемое условие работоспособности и эффективности таких механизмов.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) на протяжении ряда лет прилагала последовательные усилия по созданию и укреплению механизмов взаимодействия государства и гражданского общества в противодействии НЭРВТ. Так, еще в июле 2005 г. на второй встрече в рамках т.н. «человеческого измерения» ОБСЕ, посвященной правам человека и борьбе против терроризма, был выработан ряд рекомендаций для стран-членов ОБСЕ.

В частности, им было рекомендовано:

- признать важную роль гражданского общества в предотвращении терроризма и противодействия ему;
- поддерживать активный диалог с инициативами гражданского общества и НПО на местном уровне и уровне сообществ;
- поддерживать и развивать инициативы гражданского общества, направленные на укрепление защиты прав человека и основных свобод, создание атмосферы толерантности и уважения многообразия;
- обеспечить, чтобы противодействие терроризму сопровождалось мерами по укреплению гражданского общества;
- не допускать, чтобы политика по противодействию терроризму и экстремизму принижала важную роль гражданского общества в

защите и укреплении прав человека, демократических ценностей и верховенства права;

- не использовать политику по противодействию терроризму и экстремизму для ущемления легитимной деятельности институтов гражданского общества¹.

В свою очередь необходимым условием формирования партнерства государства и гражданского общества в противодействии НЭРВТ является исполнение странами — членами ОБСЕ международных гуманитарных обязательств в сфере военно-гражданских отношений, закрепленных в Кодексе поведения ОБСЕ.

Международные гуманитарные обязательства — неотъемлемая часть мировой политики, важный аспект работы международных организаций, сфера, наиболее чувствительная для внешней политики и дипломатии многих стран. В ней тесно переплелись вопросы внешней и внутренней политики, национальной безопасности стран и их роли в системе международной безопасности. Нельзя решать эти проблемы по отдельности и тем более одни за счет других. Вот лишь один, весьма показательный, сюжет.

28 января 1995 г. в Вене состоялась международная научно-практическая конференция, посвященная десятилетнему юбилею Кодекса поведения ОБСЕ, касающегося военно-политических аспектов безопасности. На ней был обсужден ряд острых проблемных вопросов, относящихся к выполнению положений Кодекса странами-членами ОБСЕ. Прошла также дискуссия о проблемах и перспективах работы ОБСЕ в области военно-политических аспектов безопасности и человеческого измерения.

Многими участниками дискуссии из разных стран работа стран — членов организации, в том числе и России, по реализации положений Кодекса была расценена как недостаточно последовательная и эффективная. Высказывались предложения по совершенствованию содержания Кодекса с тем, чтобы его статус (Кодекс является политически обязывающим документом, но не правовым межгосударственным соглашением) не препятствовал должному исполнению закрепленных в нем положений.

На конференции были представлены предложения по совершенствованию действующего российского законодательства в об-

ласти военно-гражданских отношений, разработанные группой экспертов Российской Ассоциации политической науки (РАПН). Они вызвали большую заинтересованность участников, особенно в части, касающейся учреждения института Уполномоченного президента по делам военнослужащих. Высказывалась точка зрения о том, что опыт создания подобного института в России мог бы быть использован и в других странах-членах ОБСЕ.

Кодекс ОБСЕ по военно-политическим аспектам безопасности требует от каждой страны законодательно закрепить ряд положений, в частности:

- закрепить в национальном законодательстве ответственность военнослужащих за нарушение норм международного гуманитарного права в ходе вооруженных конфликтов (параграф 31 Кодекса ОБСЕ), в том числе персональную ответственность за отдачу приказов, противоречащих национальному законодательству и международному праву;

- запретить военные формирования, неподотчетные военной организации государства или фактически неконтролируемые ею (п. 25);

- предотвратить приобретение возможностей военными и военизированными формированиями к выполнению задач (боевых и др.), выходящих за рамки тех, для которых они были созданы (п. 26);

- законодательно закрепить требование и механизм политической нейтральности вооруженных сил (п. 23) и др.

В свое время группа независимых экспертов при Комитете по обороне Государственной думы Федерального Собрания РФ, используя международный опыт и наработки прежних лет, подготовила пакет поправок к действующему законодательству. В нем содержались предложения по деполитизации Вооруженных Сил, введению института Уполномоченного по делам (правам) военнослужащих, расширению функций парламентского контроля, разведению функций гражданского Министерства обороны и Генерального штаба. Они позволили бы поставить все происходящее внутри военной организации государства (а в перспективе и сектора безопасности в целом) под действенный контроль гражданского общества².

Законопроект, содержащий соответствующие поправки и дополнения в законодательство, был разработан политологами и юристами под эгидой РАПН в 2003—2004 гг., прошел соответствующую международную экспертизу (юристы из 10 стран подтвердили его соответствие международному праву и принципам Кодекса ОБСЕ).

Данный опыт, пусть и не востребованный в полной мере, может быть полезен и другим странам — членам ОБСЕ в сфере укрепления военно-гражданских отношений и реформы сектора безопасности.

Важно понимать, что для создания полноценного партнерства государства и гражданского общества по противодействию НЭРВТ важны как обобщение уже достигнутого в этой сфере опыта, так и синергия разных направлений деятельности ОБСЕ, включая, в частности, ее «первую корзину» (военно-политические аспекты безопасности) и «третью корзину» (человеческое измерение).

Культурно-гуманитарное сотрудничество, туризм, межчеловеческие обмены — существенный аспект и важный резерв обеспечения комплексной безопасности при создании БЕП. Прежде всего, это касается российско-китайских отношений.

Китай занимает первое место в рейтинге стран, которые, по мнению жителей России, являются самыми важными и ценными партнерами для России. Именно с Китаем у России складываются наиболее дружественные отношения, отметили 62 % респондентов по итогам опроса, проведенного фондом «Общественное мнение» в середине 2017 г. среди 1500 опрошенных в 104 населенных пунктах страны³.

В 2017—2018 гг. активно развивается российско-китайское культурно-гуманитарное сотрудничество. Стороны придают большое значение деятельности по планированию двустороннего взаимодействия, осуществляемой Российско-китайской комиссией по гуманитарному сотрудничеству и совместными усилиями способствуют реализации Плана действий по развитию российско-китайского сотрудничества в гуманитарной сфере. В этих целях стороны, в частности:

- намерены продолжать оказывать поддержку и содействие открытию российско-китайского университета в Шэньчжэне на базе МГУ им. М.В. Ломоносова и Пекинского политехнического инсти-

тута в целях совместной подготовки высококвалифицированных специалистов для практического сотрудничества на различных направлениях, намерены содействовать развитию межвузовской кооперации, общими усилиями продвигать изучение русского языка в Китае и китайского языка в России, с тем чтобы довести количество участников академических обменов между двумя странами к 2020 г. до 100 тыс. человек;

- будут продолжать практику совместного проведения фестивалей и дней культуры и кино, телевизионных фестивалей, поощрять укрепление контактов и углубление сотрудничества между специализированными культурными организациями, академиями искусств и творческими коллективами;

- сосредоточат свои усилия на организации таких ярких мероприятий, как российско-китайские зимние и летние молодежные игры, международное ралли «Шелковый путь». В рамках подготовки к проведению в 2022 г. в Пекине зимних Олимпийских игр стороны договорились развивать обмены и сотрудничество в зимних видах спорта, в области подготовки кадров, спортивной науки;

- поддержали взаимодействие российских и китайских организаций в рамках реализации плана основных мероприятий по проведению в 2016—2017 гг. Года российских СМИ в КНР и Года китайских СМИ в РФ и отметили, что их проведение положительно сказалось на укреплении информационного взаимодействия СМИ двух стран, на реализации масштабных медиамероприятий, распространении радио-, кино- и телепродукции, переводе и издании книг, расширении практики прямого обмена видеоматериалами и оперативной информацией без посредничества международных информгентств, а также на усилении взаимодействия в других сферах;

- готовы стимулировать туристическую деятельность, содействовать дальнейшему росту взаимных туристических потоков, совершенствовать правила работы на туристическом рынке, упрощать процедуры туристического обмена, улучшать инфраструктуру, повышать качество обслуживания туристов и расширять перечень услуг, способствовать углублению сотрудничества в сфере исторического и военно-патриотического туризма;

- продолжат поощрять российско-китайские дружественные молодежные контакты, практику обмена молодежными делегациями для укрепления российско-китайских отношений прочной дружбы, передающейся из поколения в поколение;
- будут укреплять сотрудничество в области предупреждения стихийных бедствий и ликвидации их последствий, а также оказания помощи в случае чрезвычайных ситуаций, уделяя основное внимание развитию практического сотрудничества в таких областях, как мониторинг и предупреждение о стихийных бедствиях, оценка рисков, оповещение о чрезвычайных ситуациях, обмен аварийно-спасательными технологиями, подготовка специалистов и обмен опытом;
- намерены осуществлять активное взаимодействие в области здравоохранения в части, касающейся проведения совместных мероприятий в таких сферах, как медицина катастроф, профилактика заболеваний и санитарно-эпидемиологической безопасности населения, расширять связи между медицинскими организациями высшего образования на базе Российско-китайской ассоциации медицинских университетов;
- продолжат содействовать сотрудничеству между архивными учреждениями двух стран, в том числе в сфере обмена передовым опытом работы архивов, подготовки совместных документальных публикаций и реализации выставочных проектов, а также проведения исследований по истории России и Китая и отношений между ними на основе имеющихся архивных документов;
- будут укреплять сотрудничество в сфере охраны и содержания воинских мемориальных объектов одной стороны, расположенных на территории другой стороны; намерены на основе имеющегося опыта сотрудничества разработать и подписать новое межправительственное соглашение по данному комплексу вопросов;
- продолжат повышать роль Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития как основного канала народной дипломатии, содействующего развитию двусторонних контактов по важным вопросам, будут активно развивать многоплановые общественные обмены и сотрудничество, которые эффективно дополняют связи по государственной линии⁴.

Институтам народной дипломатии отводится в этой связи особая роль. Как заявил председатель Общества российско-китайской дружбы (ОРКД), председатель комитета Совета Федерации по экономической политике Дмитрий Мезенцев, в 2018 г. будет удвоено число региональных отделений Общества. Российская сторона рассматривает в перспективе вариант сотрудничества, при котором каждый регион будет иметь взаимные связи с той или иной китайской провинцией. Учитывая практику работы российских коллег, Общество китайско-российской дружбы также предполагает создание своих региональных отделений в ряде провинций КНР⁵.

Что касается других предложений по развитию двустороннего культурно-гуманитарного сотрудничества, то они могли бы включать в себя:

- создание специальной рабочей группы для обсуждения предложений по упрощению существующего визового режима и установлению безвизового режима между КНР и РФ;
- завершение работы над проектом Межправительственного соглашения о деятельности Институтов Конфуция в РФ и деятельности Институтов Пушкина в КНР и подписание данного соглашения в ходе визита.

1 ноября 2017 г. в Пекине в присутствии премьер-министра РФ Дмитрия Медведева и премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна состоялось торжественное подведение итогов перекрестных Годов сотрудничества России и Китая в области СМИ. Одним из важных результатов партнерства стал запуск первого русскоязычного телеканала с китайскими субтитрами — совместного проекта российского Первого канала и дочерней структуры Центрального телевидения Китая STV-Satellite TV Program, Co., Ltd.. Благодаря появлению двуязычного проекта зрители Китая получили возможность познакомиться с российским искусством, наукой, историей, а также современной культурой.

В планах дальнейшего развития двустороннего сотрудничества в сфере СМИ — совместное производство новостей, налаживание совместного информационного и новостного вещания с целью преодоления гегемонии западных СМИ в формировании новостной повестки дня и обеспечения объективного освещения международных

событий, а также формирования благоприятного образа Китая в России и России в Китае.

На переговорах представителей департаментов информации и печати в декабре 2017 г. МИД КНР и РФ стороны выразили сожаление о том, что есть очевидная предвзятость в освещении китайской и российской тематики в западных СМИ, а также согласились в том, что нужно повышать уровень информационной работы, привлекая внимание к абсолютно необоснованной предвзятости по освещению событий в наших странах, которая существует в целом ряде крупных западных медиахолдингов и средствах массовой информации.

В 2017 г. наблюдался прогресс в реализации инициативы создания Совета по делам стратегического взаимодействия Китая и России. Эта идея была предложена с китайской стороны руководством Академии общественных наук Китая и успешно реализована в рамках визита президента В.В. Путина в Китай в июне 2016 г. В частности, в рамках визита состоялось подписание Меморандума о сотрудничестве между Некоммерческим партнерством «Российский совет по международным делам» и Академией общественных наук Китая.

28 февраля 2017 г. по инициативе Китайской академии общественных наук (КАОН КНР) в Пекине на базе Института России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН (ИРВИЦА КАОН) был создан Совет по делам Стратегического взаимодействия Китая и России. В церемонии открытия Совета приняли участие директор Института Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН) проф. С.Г. Лузянин и вице-президент КАОН КНР Цай Фан.

В повестке дня работы Совета — налаживание регулярного характера его работы, с перспективой превращения в экспертный хаб и экспертно-аналитическую часть системы российско-китайских межправительственных комиссий в различных сферах. Совет призван стать экспертной и дискуссионной площадкой для обеспечения секторальной экспертизы всего спектра существующих вопросов двусторонних отношений. Его членами призваны стать ведущие эксперты, ученые, журналисты, действующие и отставные политики, дипломаты и общественные деятели, бизнесмены. По итогам каждого обсуждения предполагается публикация тематических ин-

формационных писем и итоговых документов для предоставления их политическому руководству обеих стран, внешнеполитическим ведомствам, экспертному сообществу и СМИ.

Работа в рамках Совета может включать в себя нижеследующие основные направления:

- совместная организация и проведение серии регулярных встреч экспертов в формате конференций, панельных дискуссий, семинаров и круглых столов по основным направлениям социально-экономических реформ в России и Китае, актуальным социально-экономическим проблемам российско-китайских отношений и иным экономическим, включая отраслевые, проблемам, представляющим взаимный интерес;

- анализ и выработка предложений по реализации комплексного Плана действий по реализации положений Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР (2009—2018 гг.) в контексте обновленной Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.;

- содействие установлению партнерских отношений между российскими и китайскими экспертно-аналитическими и научно-исследовательскими учреждениями и СМИ;

- обобщение и публикация выработанных рекомендаций и предложений в российских и китайских научных, экспертных и массовых изданиях, а также на официальных вебсайтах и страницах в социальных сетях;

- содействие объективному и взвешенному освещению вопросов российско-китайских отношений в российских и китайских СМИ;

- информационно-просветительская работа по укреплению благоприятного общественного мнения в России и Китае по вопросам российско-китайских отношений;

- содействие российско-китайским обменам в сфере образования, науки и культуры и развитию других форм народной дипломатии;

- вовлечение в публичный экспертный диалог представителей бизнеса и некоммерческих организаций России и Китая.

В контексте развития российско-китайских отношений в культурно-гуманитарной сфере особого внимания заслуживает вопрос о существенном упрощении или полной отмене визового режима между Россией и КНР.

В октябре 2015 г. в ходе 16-го заседания Российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству уполномоченных органов власти в сфере туризма в России и Китае одобрены изменения в правилах безвизовых групповых поездок между двумя странами. Срок пребывания туристических групп был увеличен с 15 до 21 дня, а минимальное число человек в группе сокращено с пяти до трех. Новый формат безвизовых групповых поездок позволил сделать их более доступными и создал условия для роста туристических потоков.

В настоящее время граждане Китая по числу иностранных туристов занимают 1-е место в России, а россияне — 3-е место по числу туристов в Китае. Каждый китайский путешественник тратит в России в среднем около 2 тыс. долл. Туристов из КНР в России привлекает не только шопинг, также набирает обороты культурный и экологический туризм.

С предложением двусторонней отмены въездных виз для туристов выступил председатель российской части Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития Б.Ю. Титов. Он обратился к Президенту РФ с просьбой рассмотреть возможность отмены виз между Россией и Китаем и предложил инициировать на высшем уровне переговоры с китайской стороной о безвизовом обмене туристами. Он также обратился к китайской стороне с просьбой поддержать его предложение.

22 сентября 2015 г. Президент РФ В.В. Путин подписал Перечень поручений по итогам заседания президиума Государственного совета, состоявшегося 17 августа 2015 г. В частности, в нем содержится указание «проанализировать практику применения норм по упрощению визового режима для иностранных граждан и представить предложения, предусматривающие возможность безвизового въезда и краткосрочного пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан, прибывающих в Российскую Фе-

дерацию в туристических целях (в том числе транзитом) из стран БРИКС».

Как заявил 10 ноября 2015 г. глава департамента стран Европы и Азии МИД КНР Гуй Цунью, Китай стремится к введению безвизового режима с Россией для увеличения туристических потоков обеих стран. В настоящее время действует безвизовый режим для туристических групп от пяти человек. Но даже эта упрощенная схема, по его мнению, уже не удовлетворяет запросы жителей Китая, желающих побывать в России. «Мы настроены в дальнейшем упрощать режим для туристов вплоть до отмены визового режима с РФ как такового. Речь идет о поездках в том числе без участия туроператоров. Нынешний режим без визы для групп не менее пяти человек не полностью удовлетворяет запросы», — отметил представитель МИД КНР.

По его словам, за последние два года общее количество китайских туристов, которые посетили Россию, выросло в два раза и превысило 1,1 млн человек в год. Преимущественно турпоток в Россию растет за счет богатых южных провинций Китая.

В начале сентября 2016 г. спикер Совета Федерации В. Матвиенко заявила в ходе рабочего визита в КНР, что на высшем политическом уровне принято решение открыть Генконсульство РФ в Ухане и Генконсульство КНР в Казани⁶. Предполагается, что эта работа может быть завершена в 2018 г. Консульский округ Генконсульства РФ в Ухане будет включать в себя провинции Хубэй, Хунань, Гуйчжоу, Сычуань и г. Чунцин, а границы консульского округа генконсульств КНР в Казани — охватывать территорию Приволжского федерального округа.

В августе 2017 г. в свободном порту Владивосток стал действовать упрощенный визовый режим. Граждане 18 стран, включая КНР, могут подать заявку на получение электронной визы на специализированном сайте за четыре дня до предполагаемого въезда и бесплатно ее получить. С 1 января 2018 г. с помощью электронной визы можно будет приехать на Камчатку и в Сахалинскую область. Для этого будут работать 11 пунктов пропуска. С 2018 г. планируется открытие железнодорожных пунктов пропуска «Пограничный», «Хасан», «Махалино», автомобильных пунктов пропуска «Полтав-

ка», «Турий Рог», морских пунктов пропуска «Зарубино», «Петропавловск-Камчатский», «Корсаков» и «Посъет»⁷.

Для решения данного вопроса представляется целесообразным разработать Дорожную карту упрощения визового режима между РФ и КНР с установлением двустороннего безвизового режима в качестве конечной цели. В частности, Дорожная карта могла бы отражать опыт упрощения и полной отмены визового режима между Россией и Республикой Корея, а также опыт переговоров между Россией и Европейским Союзом об облегчении и/или отмене визового режима между сторонами.

4.2. БЕП и трансрегиональная безопасность в Евразии и АТР

Концепции безопасности личности и человеческого развития актуальны для Евразии и стран АТР в плане противодействия новым вызовам и угрозам невоенного характера, а также для обоснования более широкого, целостного подхода к обеспечению региональной безопасности. В рамках такого подхода механизмы региональной безопасности в Евразии, включая Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), могли бы быть также использованы, в случае необходимости, для защиты внутренней социально-политической стабильности стран-членов и обеспечения безопасности в ходе реализации масштабных проектов экономической интеграции и торгово-экономического сотрудничества.

К ним, прежде всего, относятся российский проект Большого евразийского партнерства (БЕП) и масштабная китайская Инициатива Пояса и Пути (ИПП). Наиболее очевидным воплощением активизации усилий Китая по усилению своего присутствия в Евразии и регионе Центральной Азии является сухопутная часть ИПП — «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП). Эта инициатива открывает новые возможности развития для стран Евразии, а также является новым вызовом для России и Китая: от их способности координировать свои усилия и укреплять сотрудничество в конечном счете зависит успех ЭПШП.

В ноябре 2017 г. российский президент предложил формировать БЕП на базе Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс — один путь»⁸. В настоящее время процесс сопряжения интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и ЭПШП является наиболее важным содержательным компонентом процесса формирования БЕП, который, по сути, уже идет полным ходом.

Как отмечает К. Сыроежкин, В конце 2013 — начале 2014 гг. руководство КНР приняло решение сделать акцент на сухопутной составляющей ИПП, что повысило для Пекина значимость участия в проекте государств Центральной Азии и России и послужило объективной основой укрепления отношений и формирования новой архитектуры безопасности на Евразийском пространстве.

Позиция России в отношении создания единого пространства безопасности от Ванкувера до Владивостока и декларируемая ИПП необходимость укрепления политического взаимопонимания и совместной борьбы с традиционными и нетрадиционными угрозами безопасности, а также провозглашаемое ею «сообщество единой судьбы» позволяют решать и эту проблему, более плотно привязав к Китаю и России сопредельные страны и тем самым расширив стратегическое пространство безопасности. Объединив усилия, Китай и Россия смогут способствовать формированию нового международного политического и экономического порядка. Причем не только на региональном уровне (АТР и Евразия), но и на глобальном, о чем свидетельствует присоединение к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ) практически всех союзников США⁹.

При этом следует отметить, что не только ЭПШП, но и ИПП в целом имеет непосредственное отношение к обеспечению комплексной безопасности в Евразии и АТР. Как говорится в обнародованной в 2015 г. Голубой книге КНР по вопросам нетрадиционной безопасности, ИПП призвана обеспечивать следующие интересы:

- защита экономической безопасности Китая;
- обеспечение энергетической безопасности путем создания альтернативных маршрутов поставок энергоносителей;
- укрепление пограничной безопасности путем развития северо-западных регионов Китая;

- противодействие силам «трех зол» внутри и вовне Китая с помощью экономического развития и роста благосостояния;
- смягчение негативных последствий геополитических построений США и Запада;
- создание новой международной системы безопасности, которая укрепляла бы комплексную национальную мощь и мягкую силу Китая¹⁰.

Предложенная КНР в 2014 г. «Новая концепция безопасности в Азии» также выходит за рамки традиционной военной безопасности. Она предлагает комплексный подход к обеспечению безопасности на основе развития, экономической взаимосвязанности и строительства инфраструктуры. Сотрудничество в данных сферах и экономическая взаимозависимость призваны снижать политическое недоверие между соседними государствами, укрепляя дух безопасности на основе сотрудничества между ними и Китаем. В то же время развитие ИПП (и ЭПШП в первую очередь) само по себе является существенным стабилизирующим фактором в сфере безопасности и может привести к модификации традиционной дипломатии невмешательства, побуждая Китай расширять свое военно-политическое присутствие в странах, вовлеченных в Инициативу.

Как подчеркивал в этой связи И. Денисов, ЭПШП призван сыграть двоякую роль в решении проблемы исламского экстремизма. Во-первых, он позволит создать в СУАР производственные и логистические центры и прочие структуры, завязанные на сотрудничестве с соседними странами Центральной Азии, придаст стимул экономическому развитию автономного района, будет способствовать росту занятости и благосостояния населения, и следовательно, предотвратит этнические конфликты между уйгурами и ханьцами. Во-вторых, связка вопросов развития и безопасности будет реализована и по другую сторону границы через повышение взаимосвязанности (connectivity) и общий экономический подъем в Центральной Азии, что считается эффективным лекарством против любых проявлений экстремизма и терроризма¹¹.

ИПП порождает новые риски для безопасности китайской рабочей силы и инвестиций в рамках расширения китайского экономического присутствия за рубежом. Нестабильность в некоторых ре-

гионах Евразии при реализации ЭПШП может побуждать китайские силы безопасности расширять свое присутствие и операции в других странах. Китай готовится к этому, о чем свидетельствует, в частности, ст. 71 Закона о борьбе с терроризмом от 2015 г., санкционирующая контртеррористические операции НОАК и Народной вооруженной милиции КНР за рубежом¹².

Как отмечают авторы подготовленного в Стокгольмском институте исследований проблем мира (SIPRI) аналитического доклада, в настоящее время Китай полагается в защите своих зарубежных интересов в основном на местные вооруженные силы или вооруженные силы других государств (например, России в некоторых странах Центральной Азии). В будущем в этих целях могут более активно использоваться частные военные компании. Также в виде упреждающих мер китайское правительство может пойти на расширение и углубление двустороннего и многостороннего военного сотрудничества с некоторыми странами.

На экспертно-аналитическом уровне также предлагаются новые парадигмы сотрудничества в сфере безопасности со странами, вовлеченными в ИПП, включая создание новых глобальных систем раннего оповещения и превентивных мер для противодействия угрозам безопасности, а также международного сотрудничества в разведывательной деятельности и в сфере противодействия нетрадиционным угрозам безопасности, таким как международный терроризм. Созданная в 2004 г. Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС является примером уже действующего механизма подобного рода. Однако Китай стремится к созданию и других многосторонних партнерств, таких как учрежденный в августе 2016 г. четырехсторонний механизм координации и сотрудничества между вооруженными силами Китая, Пакистана, Афганистана и Таджикистана¹³.

Россия изначально связывала свое участие в ЭПШП с некоторыми существенными аспектами региональной безопасности. Так, еще на ранней стадии обсуждения ЭПШП ректор МГИМО (У) МИД РФ, академик А.В. Торкунов задавался вопросом:

«Какие усилия будут предприняты Китаем, чтобы провести новый Шелковый путь через регионы, чаще именуемые «дугой неста-

бильности?» Эти вопросы заставляют логично увязывать российскую позицию в отношении китайского проекта «Экономического пояса Великого шелкового пути» с необходимостью для Пекина гарантировать безопасное развитие региона. Это в существенной степени обеспечило бы совместимость китайского проекта интеграции с проектом Евразийского экономической союза»¹⁴.

По уместному замечанию С.Г. Лузянина, долгосрочность действующих и осуществление перспективных проектов ИПП находится в прямой зависимости от их безопасности. В Китае пока нет специальных исследований, в которых бы говорилось о том, каким способом КНР планирует нейтрализовать риски и угрозы для Пояса и Пути. Общая аргументация китайских аналитиков при этом сводится к следующему: поскольку концепция Шелкового пути основана на равноправии, уважении интересов и стремлении к всеобщему выигрышу и отвергает мышление холодной войны, то это неизбежно приведет к возникновению новых правил и стандартов. Механизм конфронтации и конкуренции сменится механизмом долгосрочного сотрудничества¹⁵.

Тем не менее, в развитие этого общего тезиса представители китайского экспертно-аналитического сообщества предлагают и более конкретные меры. Так, для реагирования на угрозы безопасности при реализации ИПП предлагается предпринимать следующие меры:

- в процессе сотрудничества со странами-партнерами предоставлять им больше публичных продуктов в сфере безопасности. Возможный вариант — направление части прибыли на создание фондов обеспечения безопасности в регионе, которые могли бы с финансовой точки зрения обеспечить этот важный участок деятельности по созданию «сообщества единой судьбы»;

- при реагировании на геополитические риски следует уделять особое внимание интересам и озабоченностям различных региональных государств. При реагировании на рост политической нестабильности Китай должен действовать в соответствии с принципом невмешательства, играть конструктивную роль, призывая стороны к разрешению конфликтов мирным путем;

- необходимо подчеркивать, что ИПП — это процесс экономического сотрудничества и соразвития, который не имеет геополитического контекста и военно-стратегического содержания. Вопросы в сфере безопасности, наряду с экономическими, следует включать в соглашения о сотрудничестве со странами-участницами ИПП. Можно в экспериментальном порядке начинать с конкретных функциональных областей, создавая многосторонние механизмы безопасности с небольшим количеством участников. Для обеспечения бесперебойной деятельности трансграничных инфраструктурных объектов можно рассмотреть вопрос об обеспечении их безопасности силами охранных компаний, особенно если речь идет о стратегически важных объектах¹⁶.

Вопрос о роли китайских военных и охранных компаний (ЧВОК) в обеспечении безопасности проектов ИПП и ЭПШП нуждается в отдельном рассмотрении. Так, по мнению И. Плеханова, китайские ЧВОК сложно назвать рыночными игроками. Все они основаны бывшими военными или полицейскими и так или иначе контролируются госорганами. Их основными клиентами являются крупные государственные корпорации.

История создания китайских ЧВК также идет от инициатив государства. В 2007 г. для охраны 600 китайских дипломатов в стране было создано специальное бюро консульской защиты за рубежом, которое несло ответственность за безопасность посольств и дипломатов в случае нападения или эвакуации. В 2009 г. в китайской прессе всерьез обсуждался вопрос о возможной отправке китайских полицейских сил для защиты медных рудников китайских компаний в Афганистане.

В итоге стратегический выбор Поднебесной пал не на чисто государственные силовые структуры, работающие за рубежом, не на миротворцев и даже не на контракты с иностранными ЧВОК, а на собственные частные охранные компании под опекой государства. При этом подчеркивается, что это сугубо экономическая рыночная активность в рамках ИПП с позиции «политики невмешательства». Сегодня китайские компании за рубежом тратят 10 млрд долл. в год на безопасность. Только 10 % этих денег достаются китайским охранным фирмам. Этому бизнесу есть куда расти¹⁷.

Так, ЧВОК Frontier Services Group (FSG), принадлежащая основателю другой известной компании Blackwater Э. Принсу, руководителями которой выступают г-н Принс и гонконгский магнат Гао Чжэньшунь, заявила в 2017 г. о планах открытия тренировочно-логистической базы в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, а в 2018 г. — в провинции Юннань. Цель — обеспечить поддержку северному и южному коридорам проекта «Один пояс, один путь», стартующим из этих двух регионов Китая. Северный коридор будет включать в себя Казахстан, Узбекистан, Афганистан и Пакистан. Южный — Мьянму, Таиланд, Лаос и Камбоджу¹⁸.

«Спрос просто огромен, особенно в связи с растущим представительством наших компаний за рубежом. Их вдохновляет на это инициатива “Пояса и Пути”. Мы планируем расширять наш бизнес в Пакистане и Бутане», — заявил в интервью The Global Times менеджер одной крупной китайской частной охранной компании¹⁹.

Однако работа китайских ЧВОК по обеспечению безопасности ЭПШП и ИПП затруднена существующей в Китае нормативно-правовой базой, регулирующей их деятельность. По уголовному законодательству КНР, работники частных предприятий, носящие оружие как внутри государства, так и за рубежом, могут получить до семи лет тюрьмы. Пока в Китае идут дискуссии об отмене таких норм в отношении работников ЧВОК, действующие законы вынуждают нанимающие компании идти на хитрости. Официально числясь сотрудниками компании, бойцы китайских ЧВОК зачастую берут под свою зону ответственности лишь внутреннюю территорию предприятий, в то время как за остальное отвечают местные охранники, имеющие право применять оружие. Это порождает определенные сложности для менеджмента.

Для усиления сектора безопасности в Китае происходит и консолидация отрасли частной военной и охранной деятельности. В сентябре 2014 г. в Гонконге был создан Китайский альянс индустриальной безопасности (Chinese Security Industrial Alliance). Он включает около 50 охранных компаний из всего «Большого Китая»²⁰.

Справедливости ради, работа российских ЧВОК также ограничена законодательными рамками, хотя в последние годы возрастает интерес российских законодателей к использованию нерегулярных

воинских формирований, включая ЧВОК, способных во многих случаях по поручению государства и за его деньги заменить регулярные войска при решении непопулярных задач. ЧВОК — это «организации, готовые продать свое умение решать проблемы в сложной оперативной обстановке, близкой к боевой, на договорных условиях»²¹.

Правовое регулирование ЧВК в России затрудняется тем, что по существующему законодательству их деятельность может быть приравнена к наемничеству (УК РФ, глава 34, статья 359. Наемничество). Сдерживающим фактором развития в России ЧВК является и статья 208 УК РФ, в которой создание вооруженного формирования, не предусмотренного федеральным законом, а равно руководство таким формированием или его финансирование являются преступлением.

Недавние события на Украине и в Крыму, связанные с участием в них т.н. вежливых людей, актуализировали данную проблему как в экспертной и законодательной среде, так и в общественном сознании россиян. В июне 2014 г. депутаты Госдумы Ярослав Нилов и Андрей Свинцов (ЛДПР) подготовили законопроект о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ, которые касались ч. 3 ст. 359 «Наемничество», определяющей само понятие наемника в отечественном законодательстве.

В частности, новая редакция уголовной статьи, предложенная депутатами, выводила за понятие «наемник» тех бойцов, которые участвовали в вооруженных столкновениях, исходя из личных идейных убеждений и по собственной инициативе, а не в погоне за материальной выгодой. Изменение понятия «наемник» предлагалось «в связи событиями в Донецкой и Луганской самопровозглашенных республиках, где среди народного ополчения можно встретить российских граждан, которые добровольно, исходя из своих убеждений, поехали защищать население непризнанных республик»²².

Российское законодательство на данном этапе, как и законодательство многих других стран, не разрешает создание и существование частных военных компаний. В России есть только охранные компании. В связи с этим российские ЧВК свой основной бизнес

делают за рубежом, на таких операциях, как охрана судов в зоне пиратства, охрана госучреждений в зонах конфликтов.

Весной 2012 г. Владимир Путин, который на тот момент занимал должность премьер-министра, поддержал идею создания системы ЧВК, которые могли бы предоставлять услуги по охране объектов и тренировке иностранных военных за границей без участия российского государства: «Это является инструментом реализации национальных интересов без прямого участия государства»²³.

22 октября 2014 г. группа депутатов «Справедливой России» в Государственной думе Федерального собрания РФ представила законопроект № 630327-6 «О частных военно-охранных компаниях». В соответствии с проектом ЧВК могли существовать только в форме ООО с уставным капиталом собственных средств не менее 100 млн руб. Вид деятельности ЧВК должен был быть основным. Деятельность ЧВК подлежала аккредитации (на 5 лет) и обязательному лицензированию, и включала в себя военные, охранные и (или) консультационные услуги (военный консалтинг). По словам зампреда комитета ГД РФ по обороне Ф. Клинецевича, бойцы российских ЧВК могли получить право на использование широкого спектра вооружений и возможность участвовать в спецоперациях, не дожидаясь решения парламента. В условиях военного положения ЧВК становились бы резервом Минобороны²⁴.

По словам парламентария Г. Носовко, федеральный закон «О частной военно-охранной деятельности» предлагает разрешить создание в России негосударственных военизированных организаций, которые станут выполнять услуги военного, охранного и консультационного характера для государства, а также юридических или физических лиц под строгим контролем российского государства. Все организации должны будут проходить обязательное лицензирование. Если организация будет работать в России, лицензию ей будет выдавать Минобороны, для работы со сведениями, составляющими государственную тайну — ФСБ. Если деятельность компании будет осуществляться за рубежом, тогда лицензировать ее будут специалисты Минпромторга.

В указанном законопроекте указано, что оказание военно-охранных услуг частной военно-охранной организацией (ЧВОО) мо-

жет быть осуществлено только в интересах государства, поэтому заказчиками их услуг могут выступать только органы исполнительной власти или зарубежные легитимные международные и государственные организации на основании договоров с РФ. На территории России оказание военно-охранных услуг ЧВОО допускается на основании договора с МВД, МЧС, Минобороны или другим федеральным органом. Согласно документу, в ЧВОО смогут работать люди не моложе 21 года. Сами компании будут обязаны ежегодно публиковать свою сводную бухгалтерскую отчетность и раз в год проходить аудит. Работники ЧВОО будут обязаны носить удостоверение, иметь медицинскую страховку²⁵.

Ряд российских ученых и экспертов, таких как директор Центра международных исследований МГИМО проф. А.И. Никитин, принимали и принимают активное участие в совершенствовании соответствующих норм международного законодательства международного права, таких как Конвенция ООН 1989 г. о запрете наемничества. По словам А.И. Никитина, который на протяжении шести лет входил в состав рабочей группы ООН по проблемам наемничества и регулирования деятельности ЧВОК, указанная Конвенция была рассчитана только на «индивидуальных предпринимателей» и никак не отражает деятельность юридических лиц, так как появление частных компаний произошло позже. Поэтому ООН занялась формулированием новых законодательных принципов.

В проекте Конвенции 2012 г., подготовленной международной рабочей группой под руководством А.И. Никитина, содержится определение частной военной компании и четкая регламентация ее деятельности. Например, если сотрудники конкретной фирмы будут уличены в реальных боях на одной из сторон конфликта, то к ней могут быть применены санкции, вплоть до запрещения деятельности. Новая Конвенция ООН была разослана во все страны мира для ознакомления. Обычно на ее принятие уходит 10—15 лет²⁶.

Проблема законодательного регулирования ЧВОК вновь обострилась после сообщения СМИ о том, что как минимум пять россиян, скорее всего бойцов самой известной российской частной военной компании «Вагнер», погибли под огнем возглавляемой американцами коалиции в Сирии 7 февраля 2018 г., когда пыталась вместе

с правительственными войсками отбить нефтяное месторождение у отрядов союзных США Сирийских демократических сил²⁷.

В подобных условиях достаточно сложно представить себе ситуацию, при которой российские и китайские ЧВОК, даже и при допущении их экстерриториальной деятельности, могли бы взять на себя задачу по обеспечению комплексной безопасности транспортно-логистических и производственных объектов ЭПШП в Евразии.

Как представляется, гарантии безопасности такого рода могут быть обеспечены лишь сотрудничеством и координацией политики КНР и РФ, в том числе в рамках ШОС. Они создадут предпосылки для устойчивого и беспрепятственного процесса реализации инициативы ЭПШП и ее сопряжения с процессами Евразийской экономической интеграции.

Как отмечает в этой связи известный китайский исследователь Ли Синь, «только совместными усилиями в рамках ШОС можно гарантировать реализацию проектов в рамках «Одного пояса и одного пути» в условиях относительной безопасности и тем самым содействовать реализации таких целей ШОС, как укрепление мира, обеспечение безопасности и стабильности в регионе»²⁸.

ШОС неоднократно выражал общую политическую поддержку ИПП и ЭПШП. Так, в Астанинской декларации от 9 июня 2017 г. государства — члены ШОС приветствовали инициативу «Один пояс — один путь» и, высоко оценивая итоги Форума международного сотрудничества «Один пояс — один путь» 14—15 мая 2017 г. в Пекине, высказались за их реализацию, в том числе путем координации международных, региональных и национальных проектов, ориентированных на сотрудничество в целях обеспечения устойчивого развития на основе принципов взаимного уважения, равноправия и взаимной выгоды²⁹.

Однако вопрос о конкретных формах и способах участия ШОС в обеспечении безопасности ЭПШП требует дополнительного изучения. В этой связи заслуживает внимания предложение А.Ф. Клименко подготовить Концепцию региональной безопасности ШОС, в которой могли бы быть отражены следующие положения:

- состав субъектов ШОС, на которых распространяется действие этого документа;

- жизненно важные общие и особые интересы членов ШОС;
- виды внешних и внутренних угроз этим интересам;
- цели и задачи сотрудничества участников ШОС в сфере безопасности;
- состав и структура органов, ответственных непосредственно за обеспечение безопасности;
- методы обеспечения безопасности, а также порядок выделения для этого необходимых ресурсов сил и средств и их задействования в случае возникновения угрозы Организации в целом или отдельным ее участникам;
- порядок взаимодействия с ОДКБ и другими организациями по безопасности, а также некоторые иные вопросы³⁰.

Как представляется, способы и методы обеспечения безопасности ЭПШП силами ШОС могли бы быть сформулированы в предлагаемой Концепции по всему спектру вышеуказанных положений. Это подтверждает тенденцию к стратегической взаимодополняемости ролей России и Китая, которая укрепляет потенциал и стабильное развитие ШОС на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Также следует отметить, что для ШОС, вступившей в качественно новый этап своего развития, связанный с присоединением к организации новых членов, возникают новые вызовы в сфере ядерного нераспространения. Помимо «официальных» ядерных держав, России и КНР, к ШОС присоединяются обладающие де-факто ядерным оружием Индия и Пакистан. После снятия с Ирана международных санкций, связанных с развитием его ядерной программы, вопрос о принятии этой страны в ШОС также переходит в практическую плоскость (при том, что опасения относительно иранских ядерных амбиций еще не развеяны у США и других стран Запада).

Режим нераспространения ядерного оружия, уникальный по своей универсальности, всеохватности и важности для обеспечения международного мира и безопасности — краеугольный камень современного миропорядка, символ умения и способности всех (или почти всех) государств мира договариваться и сотрудничать во имя общей цели, ради выживания.

Однако сейчас мы видим, что этот инструмент и символ мировой политики подвергается серьезным угрозам. Непоследовательность

официально признанных ядерных держав в сфере разоружения и в вопросах глобальной стратегической стабильности во многом предопределила эрозию международных режимов нераспространения и усилила интерес целого ряда стран, преимущественно развивающихся, к обретению ядерного потенциала.

«Попытки любыми средствами продвигать модель одностороннего доминирования... привели к разбалансировке систем международного права и глобального регулирования, а значит, есть угроза, что конкуренция — политическая, экономическая, военная — может стать неуправляемой», — отметил Президент России Владимир Путин, выступая на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». Он отметил в данной связи, что это может привести к «вероятному закату системы нераспространения оружия массового уничтожения» и новому витку гонки вооружений³¹.

Действительно ли нам грозит «закат» режима ядерного нераспространения, как его предотвратить, и что могут сделать для этого региональные международные организации, включая Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС)?

Одна из очевидных тенденций последних лет — усиление региональной тенденции в обеспечении режима ядерного нераспространения. Она носит диалектический характер: с одной стороны, универсальный характер Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) требует единых глобальных стандартов верификации и контроля. С другой, статья VII Договора предусматривает право любой группы государств-участников заключать региональные соглашения с целью запрещения или ликвидации ядерного оружия.

Перспективы укрепления режимов нераспространения связаны с инициативами заинтересованных региональных держав по совершенствованию и укреплению существующих элементов режима, который не сводится к ДНЯО, при всей его важности в деле ядерного нераспространения, но также включает в себя механизмы многосторонних инспекций МАГАТЭ, Договора о всеобъемлющем запрещении испытаний ядерного оружия (ДВЗИЯО) и других соглашений по ядерному разоружению, а также создание субрегиональных и региональных зон, свободных от ядерного и других видов оружия массового уничтожения.

История ШОС показывает, что на протяжении всех лет своего существования организация последовательно выступает за укрепление стратегической стабильности международных режимов в области нераспространения оружия массового уничтожения, за поддержание международного правопорядка³². Однако эрозия международного режима ядерного нераспространения и новые вызовы в сфере нераспространения для самой ШОС требуют от организации новой стратегии и новых ответов.

В этой связи нельзя не вспомнить о такой продвигавшейся ШОС региональной инициативе в сфере нераспространения, как заключение Договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии (г. Семипалатинск, 8 сентября 2006 г.). Главы государств-членов ШОС поддержали усилия стран, создавших Зону, свободную от ядерного оружия, в Центральной Азии (ЦАЗСЯО) по заключению со странами, обладающими ядерным оружием, Протокола о гарантиях безопасности, и приветствовали принятие соответствующей резолюции на 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в которой высоко оценивается вклад стран Центральной Азии в консолидацию режима ядерного нераспространения в регионе³³.

Она имеет ряд уникальных особенностей — это первая подобная зона, появившаяся в Северном полушарии, в регионе, полностью окруженном сушей, который граничит с двумя ядерными государствами — Россией и Китаем. Договор стал также первым многосторонним соглашением в области безопасности, которое охватил пять стран Центральной Азии. Это первая безъядерная зона, созданная в регионе, где прежде размещалось ядерное оружие (Казахстан). Договор о создании ЦАЗСЯО впервые обязал всех ее участников заключить с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) Дополнительный протокол о гарантиях и полностью выполнять обязательства по Договору о полном запрещении ядерных испытаний³⁴.

Кроме того, Договор обязывает страны Центральной Азии отвечать международным требованиям относительно безопасности их ядерных установок. Поэтому эти условия Договора о ЦАЗСЯО служат и антитеррористическим целям, что полностью соответствует уставным целям и задачам ШОС. Создание ЦАЗСЯО можно считать необходимым и важным шагом на пути продвижения глобального

режима нераспространения, укрепления региональной безопасности и решения экологических проблем³⁵.

От саммита к саммиту государства — члены ШОС последовательно выражали твердую поддержку ДНЯО, приветствовали многосторонние усилия по его укреплению, изъявляя решимость двигаться в направлении повышения эффективности Договора на основе единства его трех фундаментальных составляющих: нераспространение, разоружение, мирное использование атомной энергии³⁶. Для достижения этих целей ШОС предпринимала усилия для налаживания взаимодействия и сотрудничества с другими международными организациями и институтами, прежде всего с ООН. Так, в Совместной декларации о сотрудничестве между секретариатами Шанхайской организации сотрудничества и Организации объединенных наций в числе ключевых областей сотрудничества отмечено предотвращение распространения оружия массового уничтожения и средств доставки³⁷.

Итоги десятилетней деятельности ШОС по укреплению международного режима ядерного нераспространения и ее основные усилия в этой сфере были развернуто сформулированы в Астанинской декларации, принятой в июне 2011 г.:

«Государства — члены ШОС выступают за неукоснительное соблюдение положений Договора о нераспространении ядерного оружия, которые направлены на сдерживание угрозы расползания ядерного оружия, обеспечение продвижения по пути ядерного разоружения и гарантирование развития широкого международного сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях. Создание в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, является важным элементом обеспечения регионального мира и безопасности, способным внести существенный вклад в укрепление режима ядерного нераспространения, повышение уровня региональной и международной безопасности³⁸.

В частности, дальнейшие усилия ШОС в сфере ядерного нераспространения были связаны с призывами ко всем государствам, обладающим ядерным оружием, подписать соответствующие протоколы к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии, а также способствовать ее практическому формированию³⁹.

Соблюдение международных режимов нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) стало одним из основополагающих критериев приема новых государств в члены ШОС наряду с принадлежностью государств-претендентов к региону ШОС; наличием общих границ с другими членами ШОС; ведением борьбы с терроризмом; неучастием в военных блоках; отсутствием состояния военного конфликта с другим государством; отсутствием санкций ООН; отсутствием на своей территории военных баз и воинских контингентов третьих стран; наличием дипломатических отношений со всеми государствами-членами; соблюдением прав человека. Эти критерии были исчерпывающим образом сформулированы в принятом на саммите в Ташкенте 11 июня 2010 г. Положении о порядке приема новых членов ШОС⁴⁰.

Вышеупомянутые критерии членства определили дальнейшую работу ШОС по подготовке к приему в организацию таких «проблемных» в смысле ядерного нераспространения стран, как Индия, Пакистан и Иран. Как справедливо отмечала Т.Л. Шаумян, «учитывая, что строгое следование принципам ядерного нераспространения является установочным для стран — членов ШОС, тот факт, что Индия (так же как и Пакистан), будучи де-факто ядерной державой, не присоединилась к Договору о нераспространении ядерного оружия, может служить осложняющим фактором при рассмотрении вопроса о вступлении ее (а также и Пакистана) в ШОС в качестве полноправного члена»⁴¹.

Данные осложняющие факторы усугубляются еще и тем, что подходы Индии и Пакистана к действующему режиму ядерного нераспространения в основном совпадают: обе страны расценивают ДНЯО как «неравноправный» договор, закрепляющий ядерную монополию за немногочисленной группой «избранных» государств. Индия и Пакистан готовы рассматривать возможность своего присоединения к ДНЯО только в качестве международно признанных ядерных держав.

Однако это остается неприемлемым для международного сообщества, включая Россию и Китай, учредителями ШОС, которые являются депозитариями ДНЯО и в силу этого несут особую ответственность за его соблюдение и укрепление. По мнению авторитетных

российских экспертов, признание Индии и Пакистана ядерными державами будет означать пересмотр основ ДНЯО и фактический конец этого договора, а также и всего построенного на нем современного режима ядерного нераспространения:

«В случае столь радикального изменения Договора получится, что страны, не подписавшие ДНЯО, не поставившие свою ядерную инфраструктуру под гарантии МАГАТЭ и успешно реализовавшие военные ядерные программы, могут избавиться от всех издержек такого курса и вступить в Договор и режим нераспространения в «ядерном статусе», приобретя весомый военно-политический выигрыш. Это станет соблазнительным примером для всех пороговых ядерных государств и вызовет цепную реакцию распространения ядерного оружия»⁴².

ШОС как международной организации уже пришлось столкнуться с тем, что попытки побудить Индию и Пакистан присоединиться к режиму нераспространения в качестве неядерных стран не приводят к успеху. Однако возможны компромиссы, и ШОС может найти «золотую середину» в переговорах о присоединении к ней двух стран: в стремлении добиться международного признания своего ядерного статуса Индия и Пакистан могут пойти на уступки в плане ограничения своих ракетно-ядерных арсеналов и снижения темпов осуществления ряда стратегических программ.

Индия и Пакистан отказываются от участия в Договоре о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗИЯО), при этом обе страны соблюдают взаимный добровольный мораторий на ядерные испытания. Индия и Пакистан не участвуют и в переговорах по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ), однако при этом развивают национальные режимы экспортного контроля.

Эксперты Московского центра Карнеги указывают, что Дели и Исламабад подписали ряд соглашений в области мер доверия, что свидетельствует о «договороспособности» сторон. В развитие этого процесса полезно было бы принять комплекс первоочередных мер, направленных на стабилизацию двусторонних отношений, предотвращение конфликта с применением ядерного оружия. Например, оба государства могли бы обеспечить частичную транспарентность

ядерных сил, касающуюся их структуры и размещения, в том числе подписать верифицируемое соглашение о неразмещении ядерного оружия в приграничной зоне. Также снижению риска ядерного конфликта способствовало бы достижение взаимных обязательств не разворачивать ядерное оружие на спорных территориях. Те же цели могут быть достигнуты путем взаимного снижения боевой готовности ракет (т. е. легализации существующей практики раздельного хранения носителей и ядерных боеголовок) и уведомлений об изменении такого статуса во время учений⁴³.

Иран — еще одна страна — кандидат на вступление в члены ШОС — также имеет свою непростую «нераспространенческую» историю. Завершившийся недавно «марафон» введенных против Ирана международных санкций показал тенденцию к ужесточению многосторонних инструментов и режимов ракетно-ядерного нераспространения. По сути дела, Иран, выполняя требования ДНЯО и МАГАТЭ, был вынужден пойти на существенные дополнительные меры ограничения своей ядерной программы, чтобы развеять подозрения относительно ее истинной направленности.

Это иллюстрирует современный тренд в укреплении режима ядерного нераспространения: любые работы и программы потенциально двойного назначения для неядерных стран — членов ДНЯО должны иметь убедительное обоснование мирными нуждами. По мнению авторитетных российских экспертов, Соглашение о всеобъемлющем плане действий (СВПД) с Ираном от 14 июля 2015 г. создало для этого прецедент. В этой связи обосновывается мнение о том, что многие положения СВПД в части ограничения ядерных программ и установления расширенного режима транспарентности должны использоваться как принципиальная основа для укрепления режима ядерного нераспространения⁴⁴.

Как представляется, решая непростую задачу присоединения «проблемных» в смысле ядерного нераспространения стран-кандидатов, страны — члены ШОС могут взять на вооружение мнение Р. Геттемюллер и Дж. Вольфсталя о том, что «сам по себе режим нераспространения нельзя признать эффективным механизмом для решения проблем распространения ядерного оружия... Эти проблемы необходимо решать поэтапно, регион за регионом, а не в качест-

ве проблем одного порядка, выделяемых по принципу неучастия этих стран в ДНЯО. Проблема... будет решена с помощью региональной политики и дипломатии, а также, возможно, и шагов в военной области, а вовсе не путем проведения заседаний МАГАТЭ в Вене или переговоров в рамках Конференции по разоружению в Женеве. К решению этих проблем должны подключиться высокопоставленные политические лидеры; использование традиционно сложившихся методов работы дипломатов, занимающихся проблемами контроля за вооружениями и нераспространения ядерного оружия, не сможет дать положительных результатов»⁴⁵.

Это означает, что ШОС, как на уровне организации в целом, так и на уровне стран-членов, может и должна искать новаторские, нетрадиционные политико-дипломатические методы для решения проблемы. В этой связи, например, уместно использовать опыт и инициативы Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), хотя последнее является консультационно-диалоговым форматом, а не международной организацией.

В Декларации Четвертого саммита СВМДА, прошедшего в июне 2014 г. в Пекине, например, говорится: «Мы приняли к сведению инициативу Республики Казахстан о том, чтобы предложить Генеральной Ассамблее ООН принять Всеобщую декларацию о мире, свободном от ядерного оружия. Мы поддерживаем всеобщее и полное уничтожение ядерного оружия и укрепление во всех аспектах режима ядерного нераспространения на основе принципов недискриминации, равной и неделимой безопасности для всех и ненанесения ей ущерба... В этой связи мы приветствуем подписание 6 мая 2014 г. пятеркой ядерных государств Протокола о гарантиях безопасности к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии... Мы приветствуем Декларацию по безъядерному статусу Монголии, подписанную между Монголией и пятеркой ядерных государств в сентябре 2012 г., как конкретный вклад в нераспространение и укрепление доверия и предсказуемости в регионе»⁴⁶.

Помимо поддержки вышеуказанной безъядерной инициативы Монголии (государства со статусом наблюдателя в ШОС), могут стать востребованными и иные инициативы. Например, в случае создания Парламентской ассамблеи ШОС (идея предложена в

2008 г. спикером парламента Кыргызстана), можно было бы приступить к разработке Конвенции в поддержку режима ядерного нераспространения, используя основные положения подготовленной ООН Типовой конвенции по ядерному оружию⁴⁷.

На Саммите ШОС в Уфе в июле 2015 г. страны — члены ШОС, приняв решение о начале процедуры присоединения к организации Индии и Пакистана, вновь выступили за неукоснительное соблюдение положений ДНЯО, всестороннее сбалансированное продвижение всех отраженных в нем целей и принципов, направленных на укрепление режима нераспространения ядерного оружия, развитие процесса ядерного разоружения в условиях равной и неделимой безопасности для всех⁴⁸.

Это означает, что ШОС, не отказываясь от присоединения Индии, Пакистана и Ирана, уже в краткосрочной и среднесрочной перспективе предстоит начать решать сложную и нетривиальную задачу укрепления режима ядерного нераспространения на региональном уровне, в сфере своей ответственности. Принятая на Уфимском саммите «Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 г.» дает четкое направление решения этой задачи:

«Усилия будут направлены на укрепление режимов нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и контроля над вооружениями, в том числе неукоснительное соблюдение и укрепление Договора о нераспространении ядерного оружия (1968 г.), содействие вступлению в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (1996 г.), а также расширению круга государств, присоединившихся к Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении (1993 г.) и Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972 г.)»⁴⁹.

В случае успеха (он не гарантирован, но на него есть все основания надеяться) ШОС не только внесет исключительно важный вклад в укрепление режима нераспространения ядерного оружия на глобальном уровне, но и заметно поднимет свою репутацию как влиятельной силы, способной поддерживать и укреплять современный мировой порядок, обеспечивать мир и международную безопасность.

Примечания

¹ Supplementary Human Dimension Meeting “Human Rights and the Fight against Terrorism” // Final Report. Vienna, 14—15 July 2005. P. 16.

² См.: *Петровский В.Е.* Россия и мир. Избавляясь от имперской ностальгии // LAP LAMBERT Academic Publishing. 2011. С. 199—213.

³ URL: http://russian.news.cn/2018-01/16/c_136899674.htm

⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. 4 июля 2017 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5218>

⁵ URL: https://news.rambler.ru/other/38749001/?utm_content=news&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

⁶ URL: <https://realnoevremya.ru/articles/78338-konsulstvo-knr-otkroetsya-v-ka-zani-ne-ranshe-2018-goda>

⁷ URL: <https://www.newsvl.ru/society/2017/09/29/163463/#ixzz58OAnvVGT>

⁸ *Путин В.* XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56023>

⁹ *Сыроежкин К.* Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП // Россия и новые государства Евразии. № 2 (XXXI). С. 51.

¹⁰ Цит. по: The Silk Road Economic Belt. Considering security implications and EU—China cooperation prospects / By Ghiasy R. and Jiayi Zhou // Stockholm International Peace Research Institute. 2017. P. 5.

¹¹ *Денисов И.* Шелковая безопасность: новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии // Индекс безопасности. 2015. № 3 (114). Т. 21. С. 54—55.

¹² Там же. С. 14.

¹³ Там же. С. 15.

¹⁴ *Торкунов А.В.* Здравый смысл интеграции». О роли Российской Федерации в евразийском интеграционном процессе: перспективы развития и углубления экономической интеграции (к правительственному часу в рамках 350-го заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 26 марта 2014 года) // Аналитический вестник. 2014. № 6 (524). С. 17—18.

¹⁵ *Лузянин С.Г.* ШОС, китайский проект Шелкового пути и Евразийский экономический союз: варианты взаимодействия/сопряжения в Евразии // Китай в мировой и региональной политике. М., 2016. С. 83.

¹⁶ Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задач // Аналитический доклад. М.: Научный эксперт, 2016. С. 46—48.

¹⁷ «Один пояс и один путь»: китайские ЧВК и безопасность экономической экспансии Поднебесной. URL: <http://navoine.info/china-pmc-exp.html>

¹⁸ Основатель Blackwater обосновался вдоль Шелкового пути. Американская компания Эрика Принса развернет базы в Китае. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3249510>

¹⁹ Private security companies struggle to go abroad due to legal restrictions. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/960208.shtml>

²⁰ URL: https://lenta.ru/articles/2018/01/09/chinese_warriors/

²¹ Рункевич Д., Малай Е. Депутаты предлагают отделить добровольцев от наемников // Известия. 2014. 30 июня. URL: <http://izvestia.ru/news/572924>

²² Рункевич Д., Малай Е. Депутаты предлагают отделить добровольцев от наемников // Известия. 2014. 30 июня. URL: <http://izvestia.ru/news/572924>

²³ Путин поддержал идею создания в России частных военных компаний // РГ. URL: http://ria.ru/defense_safety/20120411/623227984.html

²⁴ Цепков Н. Частные военные компании: краткий обзор мирового и российского регулирования». URL: https://zakon.ru/blog/2015/12/14/chastnye_voennye_kompanii_kratkij_obzor_mirovogo_i_rossijskogo_regulirovaniya

²⁵ Раскин А., Субботина С. Закон о частных военно-охранных организациях зашел на второй круг // Известия. 2015. 10 дек. URL: <http://izvestia.ru/news/598772>

²⁶ Мельник Г. Любой конфликт, были бы деньги! // Парламентская газета. 2014. 15 июля. URL: <https://www.pnp.ru/news/detail/64943>

²⁷ URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/02/14/750894-rossiya-ne-priznaet-vagner>

²⁸ Ли Синь. Китайский взгляд на создание Евразийского экономического пространства // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2016. С. 13.

²⁹ Астанинская декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. 9 июня 2017 г., URL: <http://kremlin.ru/supplement/5206>

³⁰ Клименко А.Ф. Экономический пояс Шелкового пути и проблема безопасности на пространстве Шанхайской организации сотрудничества // Китай в мировой и региональной политике. М., 2016. С. 135—136.

³¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 22 октября 2015 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548>

³² Декларация пятилетия Шанхайской организации сотрудничества. URL: <http://www.sectsc.org/RU123/show.asp?id=108>

³³ Бишкекская декларация. 16 августа 2007 г. URL: <http://www.sectsc.org/RU123/show.asp?id=111>

³⁴ Безъядерная зона в Евразии // Независимое военное обозрение. 2009. 17 апр. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2009-04-17/6_eurazia.html

³⁵ *Сотников В.* О создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. М.: МГИМО-Университет, 2008. С. 28.

³⁶ Екатеринбургская декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. 16 июня 2009 г. URL: <http://www.sectsc.org/RU123/show.asp?id=230>

³⁷ Совместная декларация о сотрудничестве между секретариатами Шанхайской организации сотрудничества и Организации объединенных наций. 5 апреля 2010 г. URL: <http://www.sectsc.org/RU123/show.asp?id=366>

³⁸ Астанинская декларация десятилетия Шанхайской организации сотрудничества. 15 июня 2011 г. URL: <http://www.sectsc.org/RU123/show.asp?id=474>

³⁹ Декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о построении региона долгосрочного мира и совместного процветания. 7 июня 2012 г. URL: <http://www.sectsc.org/RU123/show.asp?id=646>

⁴⁰ Цит. по: *Шербатюк Д.В.* Вопрос расширения ШОС и перспективы вступления государств-претендентов (2004—2012 гг.) // Наукові праці. Історія. Вып. 215. Т. 227, 2014. С. 66.

⁴¹ *Шаумян Т.Л.* Индия, ШОС и БРИКС в современной геополитике // Сравнительная политика. 2013. № 3(13). С. 54.

⁴² Перспективы присоединения Индии и Пакистана к ограничению ядерных вооружений / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина, С. Ознобищева. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 55.

⁴³ *Арбатов А., Дьяков А., Топычканов П.* Перспективы присоединения Индии и Пакистана к режиму контроля над ядерными вооружениями // Московский Центр Карнеги. 2014. Июль. С. 11.

⁴⁴ *Арбатов А., Сажин В.* Ядерное соглашение с Ираном: финал или новый этап? // Московский Центр Карнеги. 2015. URL: https://karnegieendowment.org/files/article_argmov_sazhin_russ2015.pdf

⁴⁵ *Геттемюллер Р. и Вольфсталь Дж.* Израиль, Индия и Пакистан: решение проблемы следует искать в сфере региональной безопасности и политики, а не в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13539445630.pdf>

⁴⁶ Укрепление диалога, доверия и координации во имя новой Азии мира, стабильности и сотрудничества». Декларация Четвертого саммита Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, 21 мая 2014 г. С. 5. URL: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=183&lang=2

⁴⁷ Поддержка режима ядерного нераспространения и разоружения // Пособие для парламентариев. 2012. № 19. С. 164—165.

⁴⁸ Уфимская декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. 10 июля 2015 г. С. 3. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/PyhhPKOjP2Lj5IJmFSa5CWIgaHxRxA6.pdf>

⁴⁹ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года. С. 8—9. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YPpGqLvQ14uaMX43lMkrMbFNewBncO.pdf>

Заключение

Проведенное автором исследование очевидно показывает, что процесс формирования БЕП по определению не может быть простым и не дает гарантии успеха. Любой интеграционный процесс на региональном уровне занимает годы и десятилетия, а релевантного опыта межблоковых коммуникаций и развития «интеграции интеграций» в современном мире вообще очень мало.

Россия, выдвинувшая идею БЕП, а затем предложившая формировать его на базе Евразийского экономического союза и китайской инициативы Один пояс, один путь^{*}, отчетливо осознавала сложности, которые могут возникнуть на этом пути. Тем более, что для нашей страны основной проблемой сопряжения евразийской интеграции и ИПП является то, что она стремится обсуждать не свое подключение к ИПП, а сопряжение Инициативы с процессами евразийской интеграции в рамках ЕАЭС, то есть речь идет не о российском подключении к китайскому проекту, а о возможности сопряжения равнозначных инициатив.

Однако первые свидетельства практического воплощения концепции БЕП уже налично. Подписание в июне 2018 г. Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕЭК и Китаем стало первым осязаемым результатом процесса сопряжения и подтвердило надежду на его благоприятные перспективы.

Как отметил в этой связи министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, подписание соглашения о сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами с одной стороны, и КНР, с другой, идет в русле продвижения Концепции сопряжения процессов евра-

^{*} Путин В. XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56023>

зийской экономической интеграции и китайской инициативы Один пояс, один путь. А в более широком плане речь идет, конечно же, о формировании проекта «Большой Евразии», Большого евразийского проекта, о котором говорил президент России В.В. Путин еще в 2016 г. на саммите Россия—АСЕАН*.

Главный вывод автора, который, надеюсь, разделяет и читатель, состоит в том, что Большое Евразийское партнерство — не умозрительная идея или очередное политико-дипломатическое упражнение, а экономически обоснованная концепция, которая уже претворяется в жизнь. Она отражает востребованность новой модели трансрегиональных геоэкономических и геополитических отношений и, возможно, даже опережает свое время. Контурсы интеграции и сотрудничества в рамках БЕП формируются на наших глазах и уже обретают практические очертания.

* Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам заседания СМВД ШОС. 24 апреля 2018 г. URL: <http://thailand.mid.ru/key-issues/4142-shos-24apr>

Summary

Russia, China and the Greater Eurasian Partnership

The monographic research deals with theoretical and practical issues of the emerging Greater Eurasian partnership (GEP), which is based upon the Eurasian economic integration within the EAEU and the Chinese Belt and Road Initiative (BRI).

The author attempted to conceptualize the idea of the Partnership, which was suggested by the Russian President Vladimir Putin in December 2015. The methodology of the monographic research was to present the GEP as a combination of the inter-connected and inter-related outlines of the Asia Pacific economic integration, docking of the EAEU and the BRI, cross-border and trans-regional trade and economic cooperation, and the emerging regional security system in Eurasia and the Asia Pacific.

The first chapter of the book is devoted to the problems and prospects of the GEP, within the context of the Russian-Chinese relations of strategic partnership and comprehensive cooperation. These, in turn, are being analyzed against the background of the integration processes in the Asia Pacific. The basic mechanisms of multilateral trade and economic cooperation in the region include the projects of the Free Trade Area of the Asia Pacific (FTAAP), the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), Trans-Pacific Partnership (TPP), put forward by the USA earlier, etc.

The second chapter of the monographic research is an attempt to analyze the key issues of the docking of the Eurasian economic integration

within the Eurasian Economic Union (EAEU) and the BRI suggested by China. Special attention is being paid to the Shanghai Cooperation Organization (SCO), as the optimal and the most promising institutional base for the EAEU and the BRI docking. In this connection, problems and prospects of the SCO financial and investment cooperation, as being outlined by Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, etc. the SCO Members, are separately being considered.

The third outline of the emerging GEP include the development of cross-border and trans-regional cooperation, involving Russia and China, Japan, North and South Korea, etc. Northeast Asian countries. The author pays special attention to the Russian-Chinese cross-border and trans-regional cooperation, based upon the necessity to implement the algorithms of the strategic planning in these and all other spheres of the bilateral relations, with the focus on regulating the foreign investment and the building of the 'green economy' in the Russian Far East.

The outline of regional security in Eurasia and the Asia Pacific is being viewed by the author as a necessary condition and pre-requisite of the other GEP outlines. The final chapter contains the conceptual analysis of the complex regional security system based on the concepts of National Security, Human Development and Human Security, etc. The experience and possibilities of the SCO, as well as of the private military and security companies, are being analyzed.

Abstract

The monographic research deals with theoretical and practical issues of the emerging Greater Eurasian partnership (GEP), which is based upon the Eurasian economic integration within the EAEU and the Chinese Belt and Road Initiative (BRI).

The emerging GEP is being presented as a combination of the inter-connected and inter-related outlines of the Asia Pacific economic integration, docking of the EAEU and the BRI, cross-border and trans-regional trade and economic cooperation, and the emerging regional security system in Eurasia and the Asia Pacific.

The book could be interesting to professional Chinese scholars, specialists in International Political Science and Political Economy, university teachers and students, and to the wider range of audience.

Keywords: Greater Eurasian Partnership, Shanghai Cooperation Organization, Eurasian Economic Union, Belt and Road Initiative, Silk Road Economic Belt, regional security, private military and security companies.

Об авторе

Петровский Владимир Евгеньевич — известный российский политолог и журналист. Автор пяти монографий и многочисленных научных публикаций, статей и общественно-политических комментариев по теории международных режимов, многосторонним механизмам безопасности в Евро-Атлантическом регионе, Евразии и АТР, военно-гражданским отношениям, международному миротворчеству и урегулированию конфликтов, проблемам безопасности личности и содействия развитию.

Действительный член Академии военных наук, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Эксперт Российского совета по международным делам (РСМД). Российский содиректор Российско-китайского центра по изучению межрегионального сотрудничества Цзилиньского университета и ИДВ РАН. Старший советник Международного консультативного комитета сотрудничества Шанхайского университета в сфере высшего образования.

Vladimir Petrovskiy is a well-known Russian political scholar and journalist. He authored 5 monographic research and numerous academic publications, articles and public comments on the theory of International Regimes, multilateral security mechanisms in Euro-Atlantic region, Eurasia and the Asia Pacific, Civil Military Relations, International Peacekeeping and Conflict Resolution, issues of Human Development and Human Security, etc.

He is a Full Member of the Russian Academy of Military Sciences, Ph. D in Political Science, Chief Academic Researcher of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES, RAS), and the expert of the Russian International Affairs Council (RIAC). He is also the Russian Director of the Russian-Chinese Center of Trans-Regional Studies of the IFES, RAS and the Jilin University, and a Senior Counsel of the International Consultative Cooperation Committee on Higher Education of the Shanghai University.

Научное издание

Петровский Владимир Евгеньевич

**Россия, Китай и контуры
«Большого евразийского партнерства»**

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Редактор *Г.П. Манчха*

Корректор *Г.П. Манчха*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 26.11.2018.

Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печ. л. 13,5. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).

Заказ № 19

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института,
находящейся на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.